

16+

ISSN 2310-5453

№ 3 (6)

2015

АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки

Информационно-научное издание

Учредитель

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Главный редактор

М.Ю. Присяжный

Редактор выпуска

А.А. Винокурова

Редакционная коллегия:

Варвара Белолюбская (СВФУ, Россия)

Ольга Мельничук (СВФУ, Россия)

Виктория Михайлова (СВФУ, Россия)

Александр Петров (РГПУ им. Герцена, Россия)

Грэг Поэлзер (Университет Саскачевана, Канада)

Дженан Фергюсон (Университет Аризоны, США)

Ответственный секретарь

В.Ю. Кузин

Технические секретари:

Д.И. Осипов, И.А. Матвеев

Адрес редакции:

677000, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58,
СВФУ, УЛК (учебно-лабораторный корпус), каб.508.
sakhaarctic@gmail.com www.arcticjournal.s-vfu.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-54131 от 17 мая 2013 г.

© Северо-Восточный федеральный университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора (Присяжный М.Ю.)	3
--	---

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ЦИРКУМПОЛЯРНОГО МИРА

Манаков А.Г. Изменение административно-территориального деления на Северо-Западе России в имперскую эпоху	4
Анохин А.А., Мякиненок В.М. Основные положения градостроительной политики и функционально-планировочного зонирования Крайнего Севера и Арктики	21
Тотонова Е.Е. Эволюция развития туризма северных территорий Канады	33

ARCTIC EXTRACTIVE INDUSTRIES

Stammler F., Ivanova A. Determining the encounter between industry, local land users and the state on the example of Kamchatka and Yakutia	44
---	----

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЭТНОС

Jon Todal. Undervisninga i samisk som førstespråk i noreg eit historisk tilbakeblikk	52
Nils Dannemark. Språk I Guovdageaidnu	60
Бурыкин А.А. Современные мифы: мифы о начальном периоде письменности у малочисленных народов Севера	76
Андреева Т.Е. Об основных направлениях изучения языка и фольклора эвенков	85
Шарина С.И. Эвенский язык: проблемы сохранения	93
Стручков К.Н. О результатах лексикографических исследований сектора северной филологии	101
Белолобская В.Г. О цветообозначении в эвенском языке	106

СЛОВО РЕДАКТОРА

Представляем вашему вниманию очередной номер журнала «Арктика. XXI век. Гуманитарные науки». В него вошло одиннадцать статей. Наряду с традиционными рубриками («Современные вопросы циркумполярного мира», «Язык. Культура. Этнос»), в номер включен также тематический раздел «Arctic Extractive Industries», включивший статью соруководителя сети, научного сотрудника Университета Рованиеми (Финляндия) Флориана Штаммера (совместно с доцентом СВФУ А.А. Ивановой).

Авторский коллектив публикация специалистов, занимающихся изучением северной тематики из Санкт-Петербурга, Пскова, Якутска, Рованиеми (Финляндия).

Особенностью выпуска является публикация статей на трёх языках – наряду с русским и английским, включены две статьи на норвежском. Практика публикации материалов на языках народов Севера будет продолжена и в дальнейшем.

Главный редактор
Михаил Присяжный

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ЦИРКУМПОЛЯРНОГО МИРА

УДК 316.3+1(430)

Андрей Манаков¹

ИЗМЕНЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ В ИМПЕРСКУЮ ЭПОХУ

CHANGES IN ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL DIVISION OF THE NORTH-WEST OF RUSSIA IN THE IMPERIAL PERIOD

Анализ изменений в административно-территориальном делении является важной составляющей комплексной историко-географической характеристики изучаемой территории. Во-первых, владение информацией о реформах административно-территориального устройства страны необходимо для осуществления историко-географической периодизации в пределах региона исследования. Во-вторых, знание периодов стабильности административно-территориального деления важно с точки зрения реализации «временных срезов» как одного из главных методов историко-географического исследования. В-третьих, наиболее устойчивые политические и административные границы служат маркерами при осуществлении историко-географического районирования территории.

Целью статьи является анализ изменений в административно-территориальном делении северо-западной части Российской империи на протяжении большей части XVIII, XIX и начала XX вв. в основном на уровне единиц верхнего звена (губернии, наместничества) и частично среднего звена (провинции, уезды). Исследование опирается, в первую очередь, на справочные и картографические материалы.

В ходе исследования дана характеристика масштабных административных реформ в европейской части страны, определены периоды стабильности и неустойчивости административных границ в пределах современной территории Северо-Запада России. Результаты исследования будут востребованы при подготовке одного из томов в рамках проекта «Историческая география России», посвященного Северо-Западной историко-географической области.

Ключевые слова: административно-территориальное деление, реформа, имперская эпоха, губерния, наместничество, провинция, уезд, Северо-Запад России.

¹ Манаков Андрей Геннадьевич, доктор географических наук, профессор кафедры географии естественно-географического факультета Псковского государственного университета. E-mail: region-psk@yandex.ru
Andrei Manakov, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Department of Geography, Pskov State University.

Analysis of changes in the administrative-territorial division is an important element while characterizing the particular area. First of all, awareness of administrative-territorial reforms is necessary for dealing with historical and geographical periodization. Secondly, awareness of stable periods in administrative-territorial division is important in terms of implementation of «time slices» as one of the main methods of historical and geographical studies. Thirdly, the most stable political and administrative boundaries serve as markers in the implementation of the historical-geographical zoning.

The aim of the article is to analyze changes in administrative-territorial division of the north-western part of the Russian Empire in the XVIII, XIX and early XX centuries, mainly at the level of the upper-level units (governments, regions ruled by governor-generals) and some mid-level units (provinces, uyezds). The research is based primarily on reference books and maps.

The author considers large-scale administrative reforms in the European part of the country, determines stable and instable periods within administrative boundaries of the present territory of the North-West of Russia. Results of the study may be useful for the project «Historical Geography of Russia».

Keywords: *Administrative-territorial division, reform, imperial period, governorship, province, uyezd, North-West of Russia.*

Актуальность

В настоящее время началась практическая реализация проекта «Историческая география России», инициируемого комиссией исторической географии Русского географического общества совместно с отделениями социальной и экономической географии, физической географии и комиссией горных стран РГО [5]. В рамках проекта предполагается издание серии коллективных монографий, которые будут представлять собой комплексные историко-географические характеристики крупных регионов страны. С этой целью было осуществлено историко-географическое районирование России [6], и количество томов серии было определено в 23 в соответствии с числом выделенных историко-географических областей. Один из томов должен быть посвящен Северо-Западной историко-географической области.

Северо-Западная историко-географическая область охватывает территории пяти субъектов Российской Федерации (Санкт-Петербург, Ленинградская, Новгородская, Псковская и Калининградская области), и фактически соответствует Северо-Западному экономическому району. Правда, сразу следует оговориться, что историческая география Калининградской области, являющейся эксклавом России на побережье Балтийского моря, настолько специфична, что ее необходимо рассматривать отдельно от территорий давнего славянского освоения на Северо-Западе России [7].

Также необходимо отметить, что близкое по территориальному охвату понимание Северо-Запада сложилось в физической географии, где принято выделять отдельную Северо-Западную ландшафтную область [11–13]. Безусловно, при историко-географической характеристике Северо-Запада России нельзя ограничиваться

только территорией названных субъектов РФ или же Северо-Западной ландшафтной области, т. е. в анализе должны быть задействованы смежные территории, тяготеющие к историческому «ядру» Северо-Запада.

Изучение динамики политических и административных границ является важной составляющей комплексной историко-географической характеристики региона. В-первых, даты изменений государственных границ (что особенно важно для порубежных регионов) и реформ административно-территориального деления (АТД) выступают обычно в качестве значимых «исторических событий» (по Л. Б. Вампиловой) при осуществлении историко-географической периодизации. В зависимости от степени значимости «исторического события» возможно разделение всего исторического времени на эпохи, периоды, этапы, фазы и стадии [4]. Например, разработанная Л.Б. Вампиловой историко-географическая периодизация на территории Республики Карелии [3] в значительной степени опирается на ключевые политические события, в т.ч. на революции, войны и реформы АТД, являющиеся, по сути, переломными моментами государственного масштаба. Чаще всего государственные изменения, которые влекут за собой подвижки в природопользовании, хозяйственной и социальной деятельности, определяют деление историко-географических эпох на периоды.

Во-вторых, изучение реформ АТД государств важно с точки зрения осуществления «временных срезов» как одного из важнейших методов в исторической географии. Например, в исторической географии населения ключевые события (переписи, учеты, ревизии) приходится привязывать к основным политическим периодам в истории государства. При этом наиболее удобны для историко-географического анализа населения временные интервалы, характеризующиеся стабильностью АТД [16].

В-третьих, наиболее устойчивые политические и административные границы служат маркерами при осуществлении историко-географического районирования, и в зависимости от статуса границ, позволяют выделять историко-географические районы разного иерархического уровня. Данная методика использовалась нами при проведении историко-географического районирования Северо-Запада России [7] и Псковской области [15].

Целью статьи является анализ эволюции сети АТД северо-западной части России в период с 1708 г. (начала реформ Петра I) до 1917 г. (конца имперской эпохи) в основном на уровне единиц верхнего звена (губернии, наместничества) и частично среднего звена (провинции, уезды).

Состояние изученности проблемы

В первую очередь, отметим глубокий анализ изменения АТД со средневековой эпохи до наших дней, который был проведен на уровне всей России С.А. Тарховым [19, 20]. Обстоятельный обзор изменения сети АТД Северо-Запада России за аналогичный период, но без картографических приложений, был представлен в работе В.Л. Мартынова [17]. Схожий анализ был проведен нами ранее на уровне северо-за-

пада Восточно-Европейской равнины, т. е. с большим территориальным охватом, чем в данной статье [14]. В этой же работе нами было предложено выделить три эпохи, которые заметно отличаются по динамике политических и административных границ на исследуемой территории. Это средневековая эпоха (XIII–XVII вв.), имперская эпоха (XVIII – начало XX вв.) и советско-постсоветская эпоха (с 1917 г.).

Так как данная статья посвящена анализу изменений АД в имперскую эпоху, имеет смысл более подробно остановиться на периодизации этой эпохи. Нами было предложено разделить ее на два периода: 1) период становления и расширения внешних рубежей России (XVIII в.), который характеризуется нестабильностью политических и административных границ; 2) период имперской стабильности (XIX в. – начало XX в.) [14].

Таким образом, фактически все реформы АД на северо-западе европейской России в имперскую эпоху пришлись на период с начала XVIII в. по начало XIX в. Именно этим реформам и посвящена данная статья. Некоторые из этих реформ имели целью укрупнение административно-территориальных единиц России, другие – разукрупнение ячеек АД, главным образом, для удобства управления ими.

Результаты исследования

Реформы Петра I (1708 – 1719 гг.)

В 1708 г. началась первая в истории России реформа по унификации системы административно-территориального деления. В соответствии с Указом Петра I от 18 декабря 1708 г. в России высшей единицей АД стала *губерния*. Территория Российского государства была разделена на восемь обширных губерний – Московскую, Ингерманландскую, Архангелогородскую, Киевскую, Смоленскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую. Во главе губерний были поставлены губернаторы [18].

Древние русские земли, освобожденные в ходе Северной войны от шведов, были включены в состав обширной Ингерманландской губернии. Название *Ингерманландия* (*Ingermanland*) впервые появилась в шведских грамотах XVI в. Древнее название земли – *Inkerinmaa*, что в переводе с финского языка означает «Земля Инкери» (*Inkeri* – Инкери, *maa* – земля). Шведы добавили к этому названию компонент *land* (земля). Таким образом, в переводе *Ingermanland* означает «Земля «Земля Инкери»». Компонент *Inkeri* зачастую связывается с именем местного прибалтийско-финского народа *ижора* (ныне – *ижорцы*), однако в топонимической науке такая этимология не доказана [10].

Ингерманландская губерния, площадь которой составляла 482,5 тыс. кв. км, охватывала фактически всю нынешнюю территорию Северо-Запада России (Санкт-Петербург, Ленинградскую, Новгородскую и Псковскую области), но без Карельского перешейка, а также современную территорию Тверской области, значительные части Карелии и Архангельской области, западные части Вологодской и Ярославской областей [20] (рис. 1).

Рис. 1. Административно-территориальное деление

Северо-Запада Российского государства в 1708 г. (источник: [19])

Цифрами обозначены губернии: 1 – Ингерманландская, 2 – Архангелогородская, 3 – Сибирская, 4 – Казанская, 5 – Московская, 6 – Смоленская, 7 – Киевская, 8 – Азовская

Ингерманландскую губернию часто называли также и Санкт-Петербургской, а указом от 14 октября 1710 г. это название за ней закрепилось официально [1]. Губерния не делилась на уезды, а состояла из городов вместе с прилегающими к ним землями, а также из разрядов и приказов. В 1710–1713 гг. губерния была разделена на управляемые ландратами административно-фискальные единицы, называемые *долями*.

В 1713 г. произошли новые изменения АДТ северо-запада Российского государства. На присоединенных к России землях была образована Рижская губерния. В связи с этим была упразднена Смоленская губерния, территория которой была разделена между Рижской и Московской губерниями.

В 1719 г. была осуществлена **вторая петровская реформа** АДТ России, направленная на разукрупнение слабоуправляемых обширных территорий. В соответствии с указом Петра I от 29 мая 1719 г. были упразднены *доли*. Губернии были разделены на *провинции*, подчиняемые воеводам, а провинции – на *дистрикты*. Число губерний увеличилось до одиннадцати, в т. ч. к югу от Финского залива была образована Ревельская губерния. Санкт-Петербургская губерния стала делиться на 11 провинций (рис. 2). В последующем, уже после смерти Петра I, в 1726 г. была восстановлена Смоленская губерния, вернувшая свои земли из состава Московской и Рижской губерний [20].

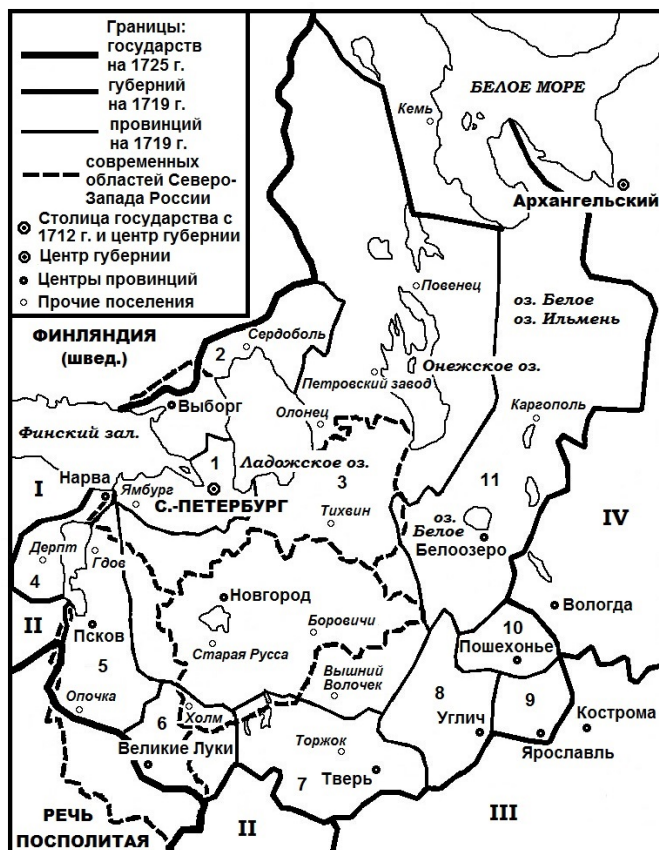

Рис. 2. Соотношение территории современных областей Северо-Запада России и провинций Санкт-Петербургской губернии в 1719–1725 гг.

Цифрами обозначены губернии: I – Ревельская, II – Рижская, III – Московская, IV – Архангелогородская; провинции Санкт-Петербургской губернии: 1 – Санкт-Петербургская, 2 – Выборгская, 3 – Новгородская, 4 – Нарвская, 5 – Псковская, 6 – Великолуцкая, 7 – Тверская, 8 – Углицкая, 9 – Ярославская, 10 – Пошехонская, 11 – Белозерская

Реформа 1727 г. и последующие изменения АД в 1740-е гг.

В результате проведения реформы 1727 г. были ликвидированы *дистрикты*, и нижним звеном АД стали *уезды*. Также в ходе реформы продолжился процесс укрупнения губерний (рис. 3). Сильно уменьшилась в размерах столичная Санкт-Петербургская губерния. Во-первых, 27 апреля 1727 г. из нее была выделена Новгородская губерния, состоящая из пяти провинций: Псковской, Великолуцкой, Новгородской, Тверской и Белозерской. К Новгородской губернии 18 октября того же года был отнесен г. Олонец [17]. Во-вторых, Ярославская, Углицкая и Пошехонская провинции Санкт-Петербургской губернии были переданы Московской губернии

[8]. В-третьих, Нарвская провинция была передана провинции Эстляндии, соответствующей Ревельской губернии. В итоге Санкт-Петербургская губерния сохранила в своем составе только две провинции – Петербургскую и Выборгскую.

После реформы 1727 г. наступил достаточно длительный период, когда АД Российской империи было относительно стабильным. Но и в этот период происходили небольшие изменения. В результате русско-шведской войны 1741–1743 гг. территория Карельского перешейка к северо-западу от Выборга была присоединена к России. В 1744 г. была создана Выборгская губерния, включившая земли присоединенных частей Финляндии, а также Выборгской и Кексгольмской провинций Санкт-Петербургской губернии. В 1745 г. Выборгская губерния включала три уезда: Выборгский, Кексгольмский и Кюмменегорский [8].

Таким образом, Санкт-Петербургская губерния уменьшилась до минимальных размеров за всю историю своего существования. Изменилось и ее внутреннее деление. В этот период было возвращено деление прибалтийских губерний на *дистрикты*, вновь заменивших провинции и уезды. Санкт-Петербургская губерния в это время состояла из четырех дистриктов: Петербургского, Шлиссельбургского, Копорского и Ямбургского [20].

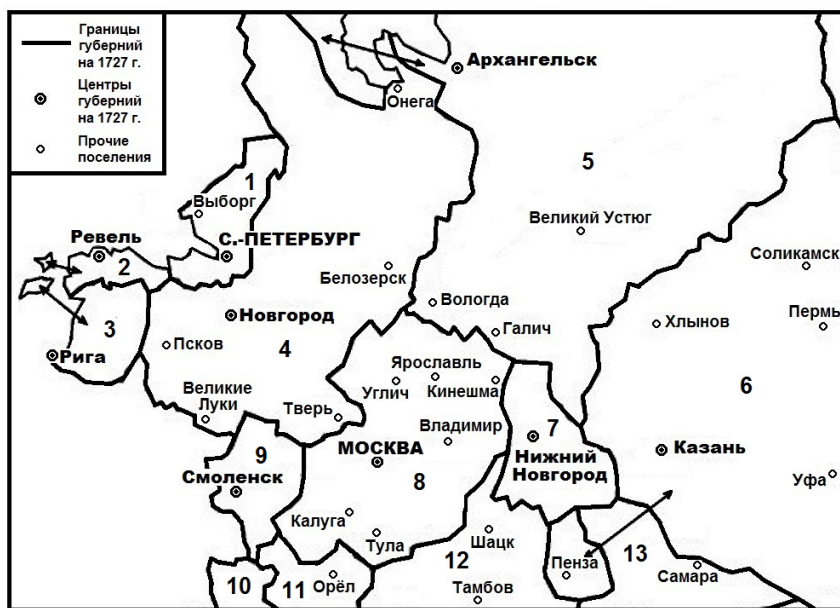

Рис. 3. Административно-территориальное деление

Северо-Запада Российской империи в 1727 г. (источник: [19])

Цифрами обозначены губернии: 1 – Санкт-Петербургская, 2 – Ревельская, 3 – Рижская, 4 – Новгородская, 5 – Архангелогородская, 6 – Казанская, 7 – Нижегородская, 8 – Московская, 9 – Смоленская, 10 – Киевская, 11 – Белгородская, 12 – Воронежская, 13 – Астраханская

Реформы Екатерины II (1775 – 1785 гг.)

С приходом к власти в Российской империи Екатерины II были произведены небольшие изменения, которые предшествовали радикальному реформированию АД. Эти изменения включали в основном образование новых губерний на вновь присоединенных землях. Кроме того, в 1766 г. в Выборгской губернии были выделены три провинции [20]. В 1770 г. в состав Санкт-Петербургской губернии был включен г. Нарва [17].

В 1772 г., в результате первого раздела Речи Посполитой, в Российской империи были организованы две новые губернии – Псковская и Могилевская. Могилевская губерния была организована на вновь присоединенных к России территориях. А вот территория Псковской губернии включала как старые, так и новые российские земли. Для создания новой губернии были выделены две старые провинции Новгородской губернии (Псковская и Великолуцкая), к которым были добавлены две новые провинции – Двинская (бывшая Польская Лифляндия) и Полоцкая (земли бывшего Витебского воеводства). В том же году Псковская губерния получила расширение за счет Витебской провинции Могилевской губернии. Интересно, что с 1772 по 1776 гг. центром Псковской губернии был город Опочка, получивший этот статус в основном благодаря своему центральному положению во вновь образованной губернии (рис. 4).

Перед началом реформы местного управления 1775 г. Выборгская губерния делилась на три провинции (Кюменгорскую, Выборгскую и Кексгольмскую), включавшие пять уездов. Санкт-Петербургская губерния в это время делилась на четыре уезда. Новгородская губерния включала четыре провинции (Новгородскую, Тверскую, Белозерскую и Олонецкую), делившиеся на 23 уезда. Псковская губерния делилась на пять провинций (Псковскую, Великолуцкую, Двинскую, Полоцкую и Витебскую), включавшие 16 уездов [9].

Екатерининская реформа АД стала четвертой в истории Российского государства. Новая административная реформа началась 7 ноября 1775 г., с момента подписания Екатериной II закона «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». Началось наиболее существенное разукрупнение ячеек АД по сравнению со всеми предыдущими реформами. В соответствии с новым законом размеры губерний были заметно уменьшены, а их число увеличено примерно вдвое. Большинство *губерний* стало называться *наместничествами*. В ходе реформы были ликвидированы *провинции* и изменена нарезка *уездов*. Уезды стали основной единицей АД второго уровня. Лишь в некоторых случаях губернии делились на *области*. Реализация реформы растянулась на 10 лет, вплоть до 1785 г. За это время были образованы 40 губерний (наместничеств), а также две области на правах губерний [20].

Основными критериями выделения, как губерний, так и уездов стала численность населения. В среднем в губернии (наместничестве) должно было проживать от 300 до 400 тыс. чел., а в уезде – от 20 до 30 тыс. чел. Первоначально наместничествами называли создаваемые единицы высшего звена (выше уровня губернии), включавшие от двух до четырех губерний, а затем название «наместничество» стали применять к самим губерниям. При этом объединение нескольких губерний стало именоваться *генерал-губернаторством* [17].

Рис. 4. Административно-территориальное деление

Северо-Запада Российской империи в 1775 г. (источник: [19])

Цифрами обозначены губернии: 1 – Санкт-Петербургская, 2 – Выборгская, 3 – Ревельская, 4 – Рижская, 5 – Псковская, 6 – Новгородская, 7 – Архангелогородская, 8 – Сибирская, 9 – Казанская, 10 – Нижегородская, 11 – Московская, 12 – Смоленская, 13 – Могилёвская, 14 – Киевская, 15 – Белгородская, 16 – Воронежская, 17 – Астраханская, 18 – Оренбургская

Одним из первых изменений АТД в 1775 г. стало образование Тверского наместничества, которое включило в свой состав Тверскую провинцию и Вышневолоцкий уезд Новгородской губернии, а также Бежецкий и Кашинский уезды Московской губернии. В 1776 г. из Псковской и Великолуцкой провинций старой Псковской губернии и Порховского и Гдовского уездов Новгородской губернии была создана новая Псковская губерния. В том же году из оставшихся частей Новгородской губернии было организовано Новгородское наместничество, разделенное на две области – Новгородскую и Олонецкую. В 1777 г. на южных и западных землях старой Псковской губернии (присоединенных к России в результате Первого раздела Речи Посполитой) было организовано Полоцкое наместничество.

В 1780 г. в ходе реформирования местного управления была реорганизована Санкт-Петербургская губерния, которая при этом не перешла в разряд наместничеств, а осталась губернией, включающей семь уездов. Вместо Архангелогородской губернии было создано Вологодское наместничество, к которому был присоединен также Каргопольский уезд Новгородского наместничества. Новообразованное наместничество было разделено на две области – Архангельскую и Вологодскую.

В 1781 г. произошло значительное расширение Санкт-Петербургской губернии: из Новгородского наместничества ей были переданы Новолодожский уезд и Олонецкая область, а из Псковского наместничества – Лужский и Гдовский уезды. При этом Санкт-Петербургская губерния стала включать две области – Петербургскую и Олонецкую.

Летом 1783 г. произошло преобразование трех прибалтийских губерний в наместничества, но без изменения территории, т. е. фактически просто переименование: Ревельской губернии – в Ревельское наместничество, Рижской губернии – в Рижское наместничество, Выборгской губернии – в Выборгское наместничество.

В марте 1784 г. вместо Вологодского наместничества было создано два отдельных наместничества – Архангельское и Вологодское. Последнее было разделено на две области – Вологодскую и Великоустюжскую. И наконец, в мае 1784 г. было организовано Олонецкое наместничество (с центром в Петрозаводске) на основе Олонецкой провинции Санкт-Петербургской губернии. Таким образом, Санкт-Петербургская губерния непродолжительное время (с 1781 по 1784 гг.) имела достаточно обширную площадь, но к окончанию екатерининских реформ вернулась к средним размерам (рис. 5).

Реформирование АД Российской империи к 1785 г. было в основном завершено. В результате екатерининской реформы империя оказалась разделенной на 38 наместничеств, три губернии (Петербургскую, Московскую и Курляндскую) и одну область на правах наместничества (Таврическую). Размеры и границы большинства наместничеств в европейской части страны (в последующем – вновь губерний), образованных в 1775–1785 гг., почти не изменялись вплоть до 20-х гг. XX в., если не считать кратковременного периода реформ АД, проведенных Павлом I [20].

Реформы Павла I и Александра I (1796–1802 гг.)

Реформа Павла I стала первой в послепетровскую эпоху укрупнительной реформой АД Российской империи. Павел I, отрицавший все, что было сделано в царствование Екатерины II, предпринял попытку восстановления АД доекатерининской эпохи [17]. *Наместничества* были официально преобразованы в *губернии*. Указом от 12 декабря 1796 г. были упразднены 13 губерний, в т. ч. Олонецкая и Полоцкая. Территория Олонецкой губернии была разделена между Архангельской и Новгородской губерниями. Также были изменены названия прибалтийских губерний. Рижская губерния была переименована в Лифляндскую, Ревельская – в Эстляндскую. Вместе с тем, проводилось укрупнение уездов. Часть уездных городов переведена в категорию «*заштатных*».

Но уже с 1801 г. новый император Александр I решил восстановить прежнюю сетку губерний, созданную в период реформ Екатерины II. Указом от 9 сентября 1801 г. было восстановлено пять упраздненных Павлом I губерний в границах до 1796 г., в т. ч. и Олонецкая губерния. В результате реформы было увеличено число уездов, их средний размер уменьшился.

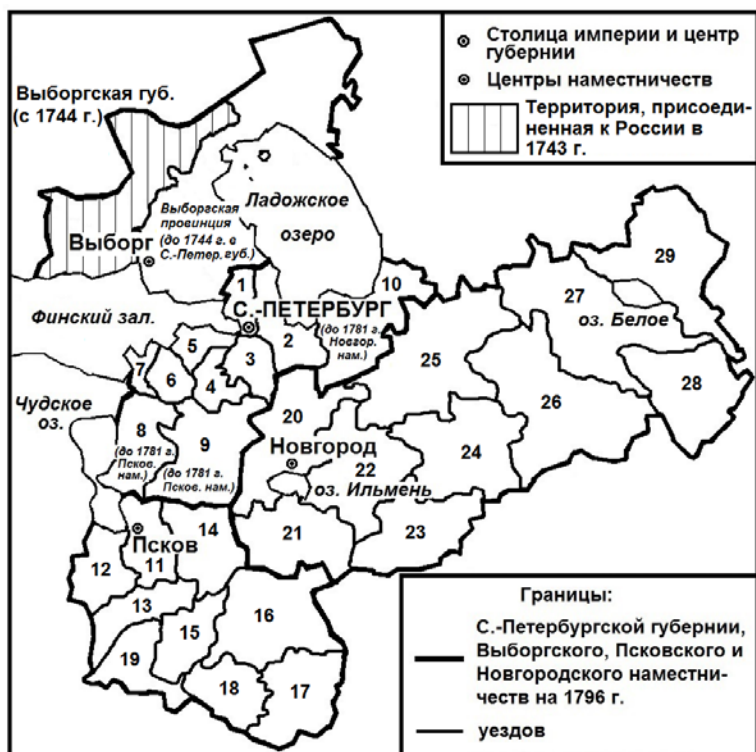

Рис. 5. Губернии и наместничества Северо-Запада Российской империи в 1743–1796 гг.
(составлено автором с опорой на источник: [2])

Цифрами обозначены уезды: **Санкт-Петербургской губернии:** 1 – Санкт-Петербургский, 2 – Шлиссельбургский, 3 – Софийский, 4 – Рождественский, 5 – Ораниенбаумский, 6 – Ямбургский, 7 – Нарвский, 8 – Гдовский, 9 – Лужский, 10 – Новолadoжский; **Псковского наместничества:** 11 – Псковский, 12 – Печорский, 13 – Островский, 14 – Порховский, 15 – Новоржевский, 16 – Холмский, 17 – Торопецкий, 18 – Великолуцкий, 19 – Опочечский; **Новгородского наместничества:** 20 – Новгородский, 21 – Старорусский, 22 – Крестецкий, 23 – Валдайский, 24 – Боровичский, 25 – Тихвинский, 26 – Устюжинский, 27 – Белозерский, 28 – Череповецкий, 30 – Кирилловский

В 1802 г. были продолжены изменения в сетке АД Российской империи. Так, в марте этого года перестала существовать Белорусская губерния. Вместо нее были созданы Могилевская и Витебская губернии [20].

В Санкт-Петербургской губернии в 1802 г. были упразднены Рождественский и Нарвский уезды. В результате количество уездов в столичной губернии уменьшилось до восьми, и они затем уже не менялись вплоть до 1922 г. (только в 1808 г. Софийский уезд был переименован в Царскосельский, а в 1848 г. Ораниенбаумский уезд – в Петергофский) [1].

В конце 1802 г. Выборгская губерния была переименована в Финляндскую. Однако в результате войны со Швецией 1808–1809 гг. к России была присоединена основная часть территории Финляндии. Под именем Великого княжества Финляндского эти земли приобрели особый статус в Российской империи. В 1811 г. Финляндская губерния (с центром в г. Выборг) вошла в состав Великого княжества Финляндского.

Таким образом, в период правления Александра I фактически завершилось преобразование сетки АД на северо-западе Российской империи, после чего начался период стабильности АД, продолжавшийся вплоть до Первой мировой войны (рис. 6, 7). В хронологическом порядке учреждение губерний на северо-западе Российской империи (по официальным источникам) выглядит следующим образом: Новгородская губерния – 1776 г., Псковская губерния – 1777 г., Санкт-Петербургская и Вологодская губернии – 1780 г., Олонецкая губерния – 1784 (1801) г., Витебская губерния – 1802 г. [20].

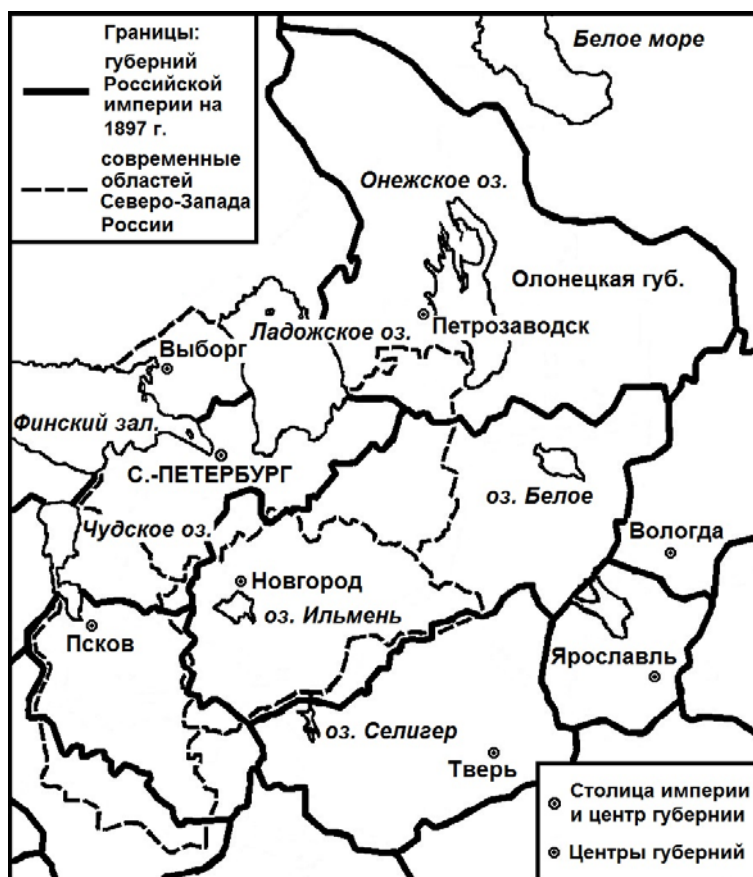

Рис. 6. Соотношение территорий современных областей Северо-Запада России и губерний Российской империи в XIX – начале XX вв.

Рис. 7. Уезды губерний Российской империи в 1897 г.

(в пределах современных территорий Северо-Запада России)

Цифрами обозначены уезды **Санкт-Петербургской губернии**: 1 – Санкт-Петербургский, 2 – Петергофский, 3 – Ямбургский, 4 – Гдовский, 5 – Лужский, 6 – Царскосельский, 7 – Шлиссельбургский, 8 – Новолодожский; **Псковской губернии**: 9 – Псковский, 10 – Порховский, 11 – Островский, 12 – Опочецкий, 13 – Новоржевский, 14 – Холмский, 15 – Великолуцкий, 16 – Торопецкий; **Витебской губернии**: 17 – Велижский, 18 – Невельский, 19 – Себежский; **Новгородской губернии**: 20 – Новгородский, 21 – Старорусский, 22 – Демянский, 23 – Крестецкий, 24 – Валдайский, 25 – Боровичский, 26 – Тихвинский, 27 – Устюжинский, 28 – Белозерский, 29 – Череповецкий, 30 – Кирилловский; **Олонецкой губернии**: 31 – Лодейнопольский

В последующем, вплоть до окончания существования Российской империи в 1917 г., происходили лишь небольшие изменения, связанные с изменением системы управления единиц АД разного уровня. Так, например, в 1823 г. Псковская губерния была причислена к Ост-Зейским провинциям, управление которыми осуществлялось на началах, отличных от остальной империи. Но в 1830 г. губерния вновь стала управляться обычным порядком [17].

В связи с проведением крестьянской реформы в 1861 г. появилось новое звено АД на низшем уровне – уезды были разделены на *волости*. С 1865 г. часть губерний

империи получила статус «земских», т. к. в них был введен институт местного управления (земства). «Земскими» стали Новгородская, Псковская, Санкт-Петербургская, Тверская губернии. В дальнейшем этот список пополнился: в 1866 г. – за счет Смоленской губернии, в 1867 г. – Олонецкой губернии, в 1870 г. – Вологодской губернии [20].

В 1871 г. Санкт-Петербург был выделен из состава Санкт-Петербургской губернии в отдельное градоначальство. Вне ведения как губернии, так и градоначальства находились Кронштадт (управлявшийся военным губернатором) и «города дворцового ведомства» (Петергоф, Царское Село, Ораниенбаум и Гатчина) [17]. В дальнейшем, вплоть до революции 1917 г., серьезных изменений АД на современной территории Северо-Запада России не происходило.

Выводы

Таким образом, изменение административного деления является прямым следствием проводимых в государстве реформ. В целом имперская эпоха на Северо-Западе России по динамике политических и административных границ может быть разделена на два почти равных по продолжительности периода: 1) 1708–1802 гг. – период становления нового АД Российского государства, отличавшийся неустойчивостью административных границ; 2) 1803–1917 гг. – период относительной стабильности сети АД европейской части Российской империи. В первом периоде реформы АД имели как укрупнительный характер (первая реформа Петра I в 1708 г., реформа Павла I в 1796 г.), так и направленных на разукрупнение ячеек АД (вторая петровская реформа 1719 г., реформа 1727 г., «губернская» реформа Екатерины II в 1775–1785 гг., реформа Александра I в 1801–1802 гг.). В начале XIX в., после века предварительной «утряски» АД, губернская система Российской империи пришла в состояние относительного равновесия, и уже не подвергалась существенным изменениям вплоть до революции 1917 г.

На протяжении имперской эпохи число единиц АД первого порядка, охватывающих современную территорию Северо-Запада России, менялось от одной в 1708–1727 гг. (Ингерманландская / Санкт-Петербургская губерния) до шести, начиная с 1784 г. (Санкт-Петербургская, Новгородская, Псковская, Олонецкая, Выборгская и Полоцкая (Витебская) губернии / наместничества). Наибольшей устойчивостью границ единиц АД второго порядка (уездов) характеризовался период с 1802 по 1917 г., что важно с точки зрения использования метода «временных срезов» в исторической географии населения.

И наконец, в качестве исторических событий, наиболее значимых для осуществления историко-географической периодизации в имперскую эпоху, можно считать годы проведения наиболее масштабных реформ АД: 1708, 1719, 1727, 1775, 1796 и 1801 гг. В качестве политических событий второго порядка на Северо-Западе России можно принять даты менее значительных преобразований, обычно сопряженных с расширениями территории Российской империи: 1713, 1744, 1772, 1811 гг. Остальные изменения в сети АД Северо-Запада можно отнести к политическим событиям третьего порядка.

Литература

1. Административно-территориальное деление Ленинградской области / Под общ. ред. В.А. Скоробогатова, В.В. Павлова, сост. В.Г. Кожевников. – Санкт-Петербург, 2007. – 282 с.
2. Атлас Российской империи, состоящий из 52 карт. – Санкт-Петербург : Сытина, 1796.
3. Вампилова, Л.Б. Региональный историко-географический анализ. Система методов исследований в исторической географии : монография. Кн. 2 / Л.Б. Вампилова. – Санкт-Петербург : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. – 152 с.
4. Вампилова, Л.Б. Теория регионального историко-географического анализа / Л.Б. Вампилова // Псковский регионологический журнал. – 2010. – № 10. – С. 129-140.
5. Вампилова, Л.Б. О проекте подготовки научной серии коллективных монографий «Историческая география России» / Л.Б. Вампилова // Глобальные и региональные проблемы исторической географии : материалы IV межд. науч. конф. по исторической географии. – Санкт-Петербург : СПбГУ, ВВМ, 2011. – С. 91-95.
6. Вампилова, Л.Б. Районирование России: историко-географический подход / Л.Б. Вампилова, А.Г. Манаков // Псковский регионологический журнал. – 2012. – № 13. – С. 26-36.
7. Вампилова, Л.Б. Историко-географическое районирование Северо-Западной России: методика и опыт / Л.Б. Вампилова, А.Г. Манаков // Псковский регионологический журнал. – 2014. – № 18. – С. 78-92.
8. Готье, Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Том 1. Реформа 1727 г. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг. – Москва, 1913. – 472 с.
9. Григорьев, В.А. Реформа местного управления при Екатерине II. – Санкт-Петербург, 1910. – 387 с.
10. Дмитриев, А.В. Водская топонимика в историко-культурном аспекте / А.В. Дмитриев // Псковский регионологический журнал. – 2007. – № 4. – С. 110–118.
11. Исаченко, А.Г. Вопросы методики физико-географического районирования Северо-Запада Русской равнины / А.Г. Исаченко // Вопросы географии. Сб. 55. Природное и сельскохозяйственное районирование СССР. – Москва : Географгиз, 1961. – С. 6–17.
12. Исаченко, А.Г. Принципы историко-географического районирования (на примере Северо-Запада Европейской России) / А.Г. Исаченко // Известия РГО. – 2013. – Т. 145, вып. 1. – С. 3–20.
13. Исаченко, А.Г. Физико-географическое районирование Северо-Запада СССР / А.Г. Исаченко, З.В. Дашкевич, Е.В. Карнаухова. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1965. – 248 с.
14. Манаков, А.Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. – Псков : Центр «Возрождение» при содействии ОЦНТ, 2002. – 300 с.
15. Манаков, А.Г. Методика историко-географического районирования староосвоенных территорий на микроуровне (на примере Псковской области) / А.Г. Манаков // Псковский регионологический журнал. – 2014. – № 19. – С. 83–96.

16. Манаков, А.Г. Использование метода временных срезов в исторической географии населения / А.Г. Манаков // Региональные исследования. – 2015. – № 1 (47). – С. 126–136.

17. Мартынов, В.Л. Эволюция системы административно-территориального деления северо-запада европейской России / В.Л. Мартынов // Псков. – 1998. – № 8. – С. 202–212.

18. Милюков, П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. – Санкт-Петербург, 1905. – 678 с.

19. Тархов, С.А. Изменение административно-территориального деления России за последние 300 лет / С.А. Тархов // География (Приложение к газете «1 сентября»). – 2001. – № 15. URL: <http://geo.1september.ru/articles/2001/15/02> (обращение 31 мая 2015).

20. Тархов, С.А. Изменение административно-территориального деления России в XIII–XX вв. / С.А. Тархов // ЛОГОС. – 2005. – № 1 (46). – С. 65–101.

References

1. Administrative divisions of Leningrad region. Ed. V. Skorobogatov, V. Pavlov, compl. V. Kozhevnikov. – St. Petersburg, 2007. – 282 p.

2. Atlas of the Russian Empire consisting of 52 cards. – St. Petersburg: Typ. Sytin, 1796.

3. Vampilova, L.B. Regional historical and geographical analysis. Methods of research in historical geography: monograph. Book 2 / L.B. Vampilova. – St. Petersburg, 2008. – 152 p.

4. Vampilova, L.B. Theory of regional historical and geographical analysis / L.B. Vampilova // Pskovskij regionologicheskij zhurnal. – 2010. – № 10. – P. 129–140.

5. Vampilova, L.B. On project preparation of scientific monographs series “Historical geography of Russia” / L.B. Vampilova // Global and regional problems of historical geography: proceedings of IV international researcher. Conf. on historical geography. – St. Petersburg : SPbGU, BBM, 2011. – P. 91–95.

6. Vampilova, L.B. Zoning of Russia: a historical-geographical approach / L.B. Vampilova, A.G. Manakov // Pskovskij regionologicheskij zhurnal. – 2012. – № 13. – P. 26–36.

7. Vampilova, L.B. Historical-geographical zoning of North-Western Russia: methods and experience / L.B. Vampilova, A.G. Manakov // Pskovskij regionologicheskij zhurnal. – 2014. – № 18. – P. 78–92.

8. Got'e, Ju.V. History of the regional administration in Russia by Peter the Great to Catherine II. Volume 1. Reform of 1727. Regional Division and regional institutions 1727–1775. – Moscow, 1913. – 472 p. .

9. Grigor'ev, V.A. Local governance Reform under Catherine II. – St. Petersburg, 1910. – 387 p.

10. Dmitriev, A.V. Vod's toponimica in historical aspect / A.V. Dmitriev // Pskovskij regionologicheskij zhurnal. – 2007. – № 4. – P. 110–118.

11. Isachenko, A.G. Questions methods of physical-geographical zoning the North-West Russian plain / A.G. Isachenko // Voprosy geografii. Vol. 55. The natural and agricultural zoning of the USSR. – Moscow: Geografiz, 1961. – P. 6–17.

12. Isachenko A. G. Principles of historical-geographical zoning (on the example of the North-West European part of Russia) / A.G. Isachenko // *Izvestija RGO*. – 2013. – vol. 145, № 1. – P. 3–20.

13. Isachenko, A.G. Physico-geographical regionalization of the North-West of the USSR / A.G. Isachenko, Z.V. Dashkevich, E.V. Karnaukhova. – Leningrad, 1965. – 248 p.

14. Manakov, A.G. Geocultural space of the Northwest Russian plains: dynamics, structure, hierarchy. – Pskov, 2002. – 300 p.

15. Manakov, A.G. Methodology of historical-geographical zoning territories exploited at the micro level (on the example of the Pskov region) / A.G. Manakov // *Pskovskij regionologičeskij žurnal*. – 2014. – № 19. – P. 83–96.

16. Manakov, A.G. Use of time slices in historical geography of population / A.G. Manakov // *Regional studies*. – 2015. – № 1 (47). – P. 126–136.

17. Martynov, V.L. Evolution of the system of territorial-administrative division of the North-West European part of Russia / V. L. Martynov // Pskov. – 1998. – № 8. – P. 202–212.

18. Milyukov, P.N. State economy in Russia in the first quarter of the 18th century and the reform of Peter the Great. – St. Petersburg, 1905. – 678 p.

19. Tarkhov, S.A. Modifying administrative-territorial division of Russia over the past 300 years / S.A. Tarkhov // *Geography* (annex to the newspaper "1 September"). -2001. – № 15. URL: <http://geo.1september.ru/articles/2001/15/02> (May 31, 2015).

20. Tarkhov, S.A. Modifying administrative-territorial division of Russia in 13th–20th centuries / S.A. Tarkhov // *LOGOS*. – 2005. – №1 (46). – P. 65–101.

Анатолий Анохин¹, Валерий Мякиненков²

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПЛАНИРОВОЧНОГО ЗОНИРОВАНИЯ КРАЙНЕГО СЕВЕРА И АРКТИКИ

MAIN URBAN POLICY AND FUNCTIONAL PLANNING ZONING IN THE FAR NORTH AND ARCTIC

Север – это особая природная и экономическая зона, требующая особой политики и методов организации всех сфер экономики и среды жизнедеятельности, дифференцированной по отдельным подзонам и регионам с учетом степени экстремальности природных условий для жизнедеятельности и особенностей функционирования отраслей экономики, степени «ранимости» северной природы. С учетом этого, обычно выделяются подзоны – Ближний, Средний и Дальний Север (в т.ч. Арктика).

Градостроительная политика на Севере определяет направленность разрабатываемых градостроительных прогнозов и программ, нормативных документов, тематику научных исследований и последовательность разработки документации. Основной целью функционально-планировочного зонирования является обеспечение градостроительными средствами благоприятных условий жизнедеятельности населения, устойчивого функционирования и развития разнородных территорий. На основе зонирования разрабатывается градостроительная политика. Зонирование производится с учетом комплексной оценки территории, а также предложений по ее планировочной организации.

Ключевые слова: градостроительство, территория, устойчивое развитие, политика, зонирование, планировочная организация, производительные силы, размещение, Арктика, Крайний Север, коренные народности концепция, стратегия, региональный подход.

¹ Анохин Анатолий Александрович, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: helen_anokhina@mail.ru
Anokhin Anatoly, Doctor of Geographical Sciences, Head of Department, Professor, Saint-Petersburg.

² Мякиненков Валерий Михайлович, кандидат географических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: myakinenkov@yandex.ru
Myakinenkov Valery, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Saint-Petersburg.

The North is a special natural and economic zone, requires special policies and methods of the organization in all spheres of economy and environment, differentially modified for individual sub-areas and regions, taking into account the degree of extreme natural conditions for the life activity and characteristics of branches of the economy, the degree of «vulnerability» of the Northern nature. With this in mind, there are usually Sub-middle, Middle and Far North (including the Arctic) territories.

Urban policy in the North determines the direction of the developed urban forecasts and programs, regulatory documents, research themes and consistency of documentation.

The main purpose of functional-planning zoning is the provision of urban means of favorable living conditions of the population, sustainable functioning and development of heterogeneous areas. On the basis of zoning urban policy is developed. Zoning takes into account the complex assessment of territory, as well as proposals for its planning organization.

Keywords: *urban planning, territory, sustainable development, policy, zoning, planning organization, productive forces, placing, Arctic, Far North, indigenous peoples concept, strategy, regional approach.*

Важнейшим практическим направлением внедрения географических знаний является обоснование наиболее эффективных форм территориальной организации общественной деятельности, в том числе среды жизнедеятельности, применительно к разнообразным природно-географическим ситуациям [1]. При этом критерием эффективности таких форм является степень обеспечения устойчивого социально-экономического развития регионов и устойчивого развития территории.

Для географической науки наиболее важен последний принцип, так как предусматривает взаимодействие природы и общества при формировании среды жизнедеятельности [10]. В тоже время устойчивое развитие территории является главным принципом градостроительной деятельности в частности территориального планирования [2, 3].

Градостроительный кодекс РФ (особенно его последние изменения от 20 марта 2011 г.) предусматривает взаимосвязь стратегического планирования, обеспечивающего устойчивое социально-экономическое развитие, и территориального планирования, способствующего устойчивому развитию территории.

Правовое закрепление связи стратегий и программ социально-экономического развития и документов территориального планирования обеспечено путем введения в действие Федерального закона от 28 июня 2014 года, № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В этом законе, в частности, предусмотрен новый вид документа – Стратегия пространственного развития Российской Федерации (статья 20). Этот документ разрабатывается в соответствии с основами государственной политики регионального развития Российской Федерации и определяет приоритеты, цели и задачи регионального развития. Эта стратегия должна учитываться при подготовке документов стратегического планирования Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Основу этой Стратегии составляют

предложения по совершенствованию системы расселения и приоритетным направлениям размещения производительных сил.

Градостроительная политика является важной составной частью такой Стратегии и политики регионального развития в целом. Такая политика имеет особое значение для районов Крайнего Севера и Арктики. Однако в проекте «Концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации» нет упоминания о специфике северных территорий и о государственной политике градостроительной деятельности в них [4]. Хотя в других областях государственного управления действуют законодательные акты, ведется мониторинг и статистический учет, финансируются из государственного бюджета расходы для решения многих задач развития районов Крайнего Севера и Арктики.

В связи с этим назрела необходимость разработки «Концепции территориальной организации Крайнего Севера и Арктики», в которой были бы разработаны основы градостроительной политики, обоснованы мероприятия по территориальному планированию, направленные на реализацию задач федерального значения. Разработка градостроительной политики, учитывающей экономические, социальные и экологические особенности территории, а также приоритетные направления внедрения достижений научно-технического прогресса, должна вестись в тесной увязке с политикой, экономической, экологической, социальной сферами развития.

Градостроительная политика на Севере определяет, по нашему мнению, направленность разрабатываемых градостроительных прогнозов и программ, нормативных документов, тематику научных исследований и последовательность разработки документации [6].

К стратегическим, долгосрочным целям градостроительной политики относятся:

1. Создание условий и предпосылок развития рационального природопользования на базе принципов экологического равновесия;
2. Оптимизация территориальной организации хозяйственной деятельности и численности населения;
3. Обеспечение благоприятной среды жизнедеятельности для коренного и привлекаемого на Север населения.

К ближайшим **краткосрочным целям** относятся:

1. Реализация мер по оптимизации состава населения Севера и расселению северян выезжающих в другие регионы страны;
2. Комплексное решение градостроительных проблем в районах с кризисной социально-экономической и экологической ситуацией;
3. Обеспечение градостроительных условий освоения новых месторождений сырья и топлива, в том числе в Арктической зоне.

В соответствии с этими целями нами сформулированы следующие **задачи градостроительной политики**.

Экономические:

1. Создание градостроительных предпосылок для экономии живого труда.
2. Формирование оптимальной структуры инвестиций с приоритетом социальной сферы.
3. Совершенствование механизма учета и сокращения общих градостроительных затрат.
4. Оптимизация связей мест проживания и мест приложения труда.

Социальные:

1. Рациональное использование трудовых ресурсов в градостроительных системах.
2. Закрепление кадров, сохранение здоровья населения.
3. Обеспечение высокого уровня социально-культурного обслуживания.
4. Формирование благоприятного социально-психологического климата.

Экологические:

1. Разработка эколого-экономических нормативов с учетом допустимых нагрузок на окружающую среду.
2. Сохранение традиционных видов природопользования местного населения.
3. Минимизация возможных негативных последствий изменения климата на развитие территории [7].

Архитектурно-планировочные:

1. Формирование полноценной градостроительной среды населенных мест.
2. Повышение эстетических качеств застройки, создание уникального облика каждого населенного места.

Градостроительные решения должны базироваться на основных **принципах развития Севера:**

– **приоритет трудо- и ресурсосберегающих решений**, что связано с большим удорожанием всех видов общественного производства и обустройства привлекаемого на Север населения;

– **минимизация численности привлекаемого к общественному производству населения** и ограничение сроков его пребывания на Севере, особенно в экстремальных условиях путем использования уже имеющихся на Севере трудовых ресурсов, в том числе с учетом требований сохранения здоровья человека на Севере;

– **надежность и устойчивость функционирования градостроительных систем** с учетом местных условий, ограниченных сроков эксплуатации многих видов ресурсов, конъюнктурности (неопределенности) перспектив развития экономической базы, неустойчивости северных природных экосистем;

– **дифференцированный подход к расселению и градостроительству** для привлеченного и коренного населения (в т.ч. малочисленных народов) в связи с необходимостью учета социально-этнических особенностей, характера организации труда и природопользования пришлого и коренного населения;

– **последовательность проработки экологических проблем** на всех стадиях

и видах градостроительной деятельности с учетом экологической уязвимости природной среды Севера, долговременных и необратимых последствий ее нарушения, что требует предварительных эколого-ресурсных обоснований для любых видов градостроительного проектирования;

– **экспериментальное моделирование градостроительных систем** в соответствии с разработанными сценариями перспективных социально-экономических и территориальных направлений развития.

Научные и предплановые разработки РАН, СОПС, Госкомсевера, многолетний опыт градостроительных институтов позволил сформулировать следующие **основные подходы** к освоению Севера:

1. Север – это особая природная и социально-экономическая зона, требующая особой политики и методов организации всех сфер экономики и среды жизнедеятельности, дифференцированной по отдельным подзонам и регионам с учетом степени экстремальности природных условий для жизнедеятельности и особенностей функционирования отраслей экономики, степени «ранимости» северной природы. С учетом этого, обычно выделяются подзоны – Ближний, Средний и Дальний Север (в т.ч. Арктика).

2. Помимо этого **зонирования**, учитывающего постепенное усложнение природных условий и определяющего удорожание и специфичность всех хозяйственных и градостроительных решений (по широтным зонам), а также последовательность (с юга на север) этапов комплексного крупномасштабного освоения территории Севера, необходим **региональный подход**, связанный с учетом экономических условий, а именно удорожанием всех видов затрат в стране с запада на восток, что определяется увеличением транспортных и других инфраструктурных затрат, коэффициентов к зарплате и т.д.

Оба эти подхода (зональный и региональный) определяют круг рентабельно развиваемых отраслей хозяйства, масштабы заселения, рекомендуемые сроки проживания, приемы расселения, организации трудовой деятельности и обслуживания населения в отдельных частях Севера. В то же время региональный подход должен учитывать вхождение северных территорий в тот или иной федеральный округ, крупный экономический район, так как экономические и инфраструктурные связи северных территорий сильно зависят от территорий, расположенных южнее.

Влияние удорожающих факторов при зональном и региональном подходе выражается в постепенном сужении круга рентабельно развиваемых отраслей и увеличении значимости критерия «выборочности» освоения территорий по мере смещения к северу и востоку страны, и, соответственно, увеличения роли внедрения трудосберегающих и капитало-(ресурсо-)сберегающих технологий и методов организации хозяйства. При этом повышается степень нуждаемости северных территорий в материально-техническом снабжении со стороны опорной полосы освоения Севера.

Эти положения позволяют сформулировать следующие зональные цели и приоритеты социально-экономической и градостроительной политики (табл. 1).

**Зональные цели и приоритеты социально экономической
и градостроительной политики**

Подзоны Севера	Социально-экономическая политика	Градостроительная политика и стратегические направления территориального развития
I. Ближний Север (районы, приравненные к Крайнему Северу)	1. Обеспечение потребностей макро-регионов страны в массовых видах сырья (лес, минеральное, горнохимическое сырье и др.) 2. Интеграция формирующихся производственных комплексов с соседними экономическими районами и внутри северных регионов. 3. Охрана природы.	1. Комплексное использование всех видов природных ресурсов, полное использование земельного фонда. 2. Постепенное обживание всей территории. 3. Создание многопрофильных больших и средних городов на основе формирующихся территориально-производственных комплексов. 4. Развитие сельского хозяйства традиционного типа и сети сельских поселений. 5. Развитие рекреации и лесного хозяйства
II. Средний Север (Крайний Север без зоны Арктики)	1. Эксплуатация ресурсов преимущественно федерального и экспортного значения (нефть, алмазы, золото, уголь (Якутия), выработка электроэнергии на основе гидроресурсов и вторичных энергоресурсов. 2. Комплексное использование природных ресурсов, составляющих основу жизнедеятельности коренных народов 3. Широкомасштабное развитие транспортного и трубопроводного строительства. 4. Использование курортологических и туристских ресурсов, развитие международного туризма, охрана окружающей среды.	1. Выборочное освоение территории с учетом разделения функций Севера и опорной полосы его освоения, интересов территорий приоритетного природопользования коренных народов. 2. Концентрация населения преимущественно в больших существующих поселениях, с развитием внутрорегиональной вахты (в восточных районах). 3. Диверсификация структуры занятости в городских и сельских поселениях проблемных и депрессивных районов. 4. Формирование экологического каркаса, применение принципа «поляризации» ландшафтов.
III. Дальний Север (в т.ч. Арктика)	Реализация преимущественно федеральных интересов: - эксплуатация ограниченного круга ресурсов федерального и экспортного значения (нефть, газ); - реализация геополитических интересов в военной и внешнеторговой деятельности; - приоритет сохранения среды жизнедеятельности и природопользования коренных малочисленных народов; - реализация глобальных задач сохранения уникальной и ранимой природы Арктики	Активизация государственной поддержки градостроительной деятельности: - регулирование процесса выезда населения в другие регионы; - комплекс мер по недопущению возникновения «мертвых» городов; - внедрение передовой техники, технологий, транспортных средств в северном исполнении, трудосберегающих методов при обустройстве и эксплуатации ресурсов; - введение жестких природоохранных ограничений в хозяйственной деятельности; - ограничения на градостроительную и хозяйственную деятельность территорий приоритетного природопользования коренных народов

Не менее важен и **региональный подход к градостроительной политике**, связанный с включением зоны Севера в крупные экономические районы страны (Северный, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Дальневосточный), обладающие собственными приоритетами развития и соответствующими системами планирования их экономического и социального развития. Формирующиеся в пределах зоны Севера комплексы тесно связаны с южными частями этих экономических районов и при разработке градостроительных программ развития необходимо четкое разграничение функций между ними.

Важное социально-политическое значение имеет разработка особой **градостроительной политики для районов проживания народностей Севера**. Стержнем этой политики должно стать создание условий для развития национальной культуры и сохранения традиционных видов занятости населения, территорий традиционного природопользования на основе конвенции ООН об аборигенных народах и соответствующей федеральной программы.

Значительные природно-климатические, социально-экономические отличия отдельных территорий в пределах зоны Севера, особенности их подготовленности к освоению определяют специфику градостроительной политики для каждого региона.

Градостроительная политика на **Европейском Севере** должна строиться с учетом ограниченного и сбалансированного развития новых ресурсных отраслей хозяйства, повышения народнохозяйственной эффективности существующей промышленности, улучшения условий проживания коренного и привлеченного населения, совершенствования кадрового состава и демографической структуры жителей региона, высвобождения и перераспределения трудящихся между предприятиями и организациями производственных и инфраструктурных отраслей, а также оттоком незанятого населения в другие районы страны.

Градостроительная политика на севере **Западной Сибири** связана с системой мероприятий, обеспечивающих более комплексное развитие нефтегазового комплекса, диверсификацию хозяйства, с учетом сохранения условий для традиционных форм хозяйствования в этом регионе. Она предполагает использование вахтовых и вахтово-экспедиционных методов организации труда, формирование каркаса инженерных и транспортных коммуникаций, опорной полосы расселения с комплексами перерабатывающей промышленности и развитым аграрным сектором, перераспределение нетрудоспособного и неэффективно занятого населения внутри региона.

Градостроительная политика на севере **Восточной Сибири** должна быть ориентирована на стабилизацию промышленного потенциала в Норильском ТПК, эффективное наращивание энергетических мощностей и упорядочение территориальной организации промышленно развитых узлов, наращивание сети постоянных транспортных коммуникаций и реализацию комплекса подготовительных мероприятий для будущего хозяйственного развития. Градостроительная политика в северной зоне Восточно-Сибирского экономического района в ближайшей перспективе должна носить стабилизационный характер, предусматривать возможность ограничен-

ного хозяйственного развития за счет использования местных трудовых ресурсов с эффективным внедрением новых форм организации труда и улучшением условий жизни населения [5].

Градостроительная политика на севере **Дальнего Востока** должна обеспечить возрождение среды обитания коренных народов, совершенствование территориальной организации расселения трудящихся, занятых в рыболовстве и горнодобывающих отраслях хозяйства. Необходимо обеспечить соответствие архитектурных форм и приемов планировки населенных мест своеобразию дальневосточной природы, условиям труда и быта населения. Особое значение для градостроительной политики в регионе должно иметь формирование эколого-планировочного каркаса, состоящего из сети охраняемых территорий, а также обеспечение роста промышленного потенциала в зоне влияния БАМ.

Градостроительная политика в каждом северном регионе формируется на сочетании общих государственных и зональных установок с приоритетами народнохозяйственного развития данного крупного экономического района, входящих в его состав территориально-производственных комплексов и промышленных районов.

Основной целью функционально-планировочного зонирования является обеспечение градостроительными средствами благоприятных условий жизнедеятельности населения, устойчивого функционирования и развития разнородных территорий. На основе зонирования разрабатывается градостроительная политика. Зонирование производится с учетом комплексной оценки территории, а также предложений по ее планировочной организации.

Планировочная организация территории включает опорный планировочный каркас и основные функционально-планировочные зоны. Основными задачами формирования опорного **планировочного каркаса** для зоны Севера являются:

- укрепление каркаса опорной полосы освоения Севера, постепенное приближение опорных центров к районам Севера;
- дальнейшее продолжение на Север сложившихся и создание новых планировочных осей межрегионального значения (железных и автодорог), соединение ими опорных центров и базовых городов на Севере;
- превращение Северного Морского Пути в круглогодичную транспортную магистраль, повышение ее функциональной значимости, в том числе как транзитной и экспортно-импортной магистрали, что, кроме того, повысит значение организационно-хозяйственных центров на побережье Северного Ледовитого океана;
- развитие региональных планировочных осей за счет повышения качества автодорожной сети, развития воздушного, внедорожного и речного транспорта.

Совершенствование планировочного каркаса опорной полосы освоения Севера будет в основном определяться формированием новой планировочной оси федерального значения – Северо-Евразийской магистрали, основными частями которой являются существующая трасса Байкало-Амурская магистраль (БАМ), новые участки – Северосиб, Баренцкомур, Белкомур, а также Сахалинская магистраль.

Продолжение на Север (в основном в меридиональном направлении) осей межрегионального значения имеет целью связать каркас опорной полосы освоения Севера с основными планировочными центрами Крайнего Севера и Арктики (опорными и базовыми городами). Первоочередными направлениями являются соединение Якутска с БАМом, строительство железной дороги на Ямал; сооружение участков железных дорог Лабытнанги – Новый Уренгой и Новый Уренгой–Норильск.

В дальнейшем развитие планировочного каркаса будет определяться:

– строительством указанных участков Северо-Евразийской магистрали (Белкомур и Баренцкомур, железной дороги на Сахалин);

– созданием транспортного коридора (железной и автодороги) Лесосибирск–Норильск, а также Братск–Якутск, автодорожной магистрали Якутск–Магадан, которая в более отдаленной перспективе может быть продолжена на Чукотку и затем на Аляску.

Для Арктической зоны важнейшее планировочное значение имеет Северный Морской Путь (СМП), который после превращения его в круглогодичную магистраль повысит свою значимость как основной планировочной оси не только для береговой зоны, но и глубинных районов Арктики. В Европейской и Западно-Сибирской частях Арктической зоны СМП будет активно взаимодействовать с указанными выше магистралями межрегионального значения, а в Восточно-Сибирской и Дальневосточной частях – с региональными планировочными осями, представленными постоянными и сезонными магистралями (крупными реками, автодорогами, автозимниками, авиалиниями) [11].

Создание на Севере единого планировочного каркаса, состоящего из дублирующих планировочных осей, магистралей постоянного и сезонного действия, повысит устойчивость и надежность территориальной организации и обеспечит стабильность функционирования населенных мест.

Система планировочных центров формируется в основном в узлах (пересечении) планировочных осей разного ранга и представлена инфраструктурными центрами (опорными, базовыми и организационно-хозяйственными), выполняющими административные и управленческие функции и функции обслуживания соответствующих систем расселения.

Функциональное назначение и режимы использования территории во многом будут определяться рангами узлов планировочной структуры.

Более активное освоение будет осуществляться вдоль основных планировочных осей, а ограниченный режим хозяйственной и градостроительной деятельности – в удаленных и периферийных частях регионов, особенно на территориях с уникальными природными ландшафтами и в районах традиционных видов жизнедеятельности коренных народов. Функциональное использование территорий должно учитывать также возможности и интересы различных уровней управления и форм собственности (федеральные, региональные, муниципальные, общинные, родовые и частные). В основу зонирования должно быть положено рациональное и комплексное использование земельных и других природных ресурсов, возможности организации на

этой основе дифференцированной экономической структуры при одновременном учете всех видов ограничений.

Основу **функционального зонирования** будут составлять зоны с различной степенью активности хозяйственной и градостроительной деятельности. Другим критерием является степень ограничения (прежде всего по природоохранным и экологическим требованиям) каких либо видов деятельности. Вдоль главных планировочных осей и, особенно, в районах влияния крупных базовых и организационно-хозяйственных центров формируются зоны активного, комплексного хозяйственного и градостроительного развития, в которых помимо основных промышленных объектов развивается пригородное сельское хозяйство, загородный отдых, формируются узлы инфраструктурных объектов и коммуникаций.

В зонах экстенсивного (монопрофильного) хозяйственного и градостроительного развития формируются организационно-хозяйственные центры, либо (в случае целесообразности) с широким развитием вахтовых форм организации труда (в районах промышленного освоения), либо местные системы расселения на базе районных центров и центров муниципальных образований (в районах традиционных видов хозяйства).

Основу зон ограниченного хозяйственного и градостроительного развития составят территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, особо охраняемые природные и историко-культурные зоны и объекты, туристско-рекреационные зоны.

Соотношение зон с различной степенью активности хозяйственной и градостроительной деятельности и ограничений на эти виды деятельности во многом определяются результатами комплексной оценки территории, по которой, в частности, обосновывается оптимальное соотношение изменяемых и сохраняемых природных ландшафтов. Для Арктики – зоны ограниченной хозяйственной и градостроительной деятельности должны преобладать абсолютно. Хотя региональная специфика вносит существенные коррективы, в частности федеральные интересы, требуют более активного освоения этой зоны в Европейском и, частично в Западно-Сибирском секторах. В них большое значение будут иметь ареалы освоения нефтегазовых ресурсов, территории объектов оборонного значения, новых федеральных коридоров транспортно-инженерных коммуникаций и т.д. В Восточно-Сибирском и Дальневосточном секторах Арктики значительную часть территории будут занимать территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов, другие особо охраняемые природные территории с высокой степенью ограничений на другие виды хозяйственной деятельности.

Для некоторых секторов Арктики актуально первоочередное внедрение нового вида планирования – морского пространственного (акваториального) планирования, тесно связанного с планированием прилегающих территорий [8, 9].

Литература

1. Анохин, А.А. Актуальные прикладные проблемы экономической и социальной географии России / А.А. Анохин, В.М. Мякиненков // Известия Русского географического общества. – 2013. – Т. 145. – С. 20-30.
2. Варгина, Т.В. Градостроительный кодекс РФ / Т.В. Варгина, В.М. Мякиненков // Управление развитием территорий. – 2008. – № 1. – С. 17-20.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации. – Москва : Эксмо, 2011 г. – 171 с.
4. Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.minregion.ru/> (дата обращения: 01.04.2015).
5. Лачининский, С.С. Проблемы изменения геоэкономического пространства Красноярского края в условиях глобализации : материалы международной научно-практической конференции «География, история и геоэкология на службе науки и инновационного образования» / С.С. Лачининский. – Красноярск, 2011. – Том 1. – С. 124-126.
6. Мякиненков, В.М. Задачи градостроительной политики в освоении ресурсов Севера / В.М. Мякиненков // Современное экономическое и социальное развитие стран СНГ на рубеже 21 века. – Москва, 1999.
7. Мякиненков, В.М. Возможные последствия изменения климата для территориальной организации экономической и социальной деятельности на сибирском Севере / В.М. Мякиненков // Материалы международной научно-практической конференции «География, история и геоэкология на службе науки и инновационного образования». – Красноярск, 2011. – Том 1. – С. 138-139.
8. Мякиненков, В.М. Основные подходы к формированию инструментария и методические особенности морского пространственного планирования / В.М. Мякиненков // Балтийский регион. – 2013. – №1. – С. 99-115.
9. Мякиненков, В.М. Вопросы функциональной совместимости территориального и морского планирования / В.М. Мякиненков // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. сер. 7. Геология, география. – 2013. – №3. – С. 153-160.
10. Указ Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» от 4 февраля 1994 г. № 236.
11. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. Утверждены Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 8 сентября 2008 года № пр-1969.

References

1. Anokhin, A.A., Myakinenkov, V.M. Actual applied problems of economic and social geography of Russia / A.A. Anokhin, V.M. Myakinenkov // Proceedings of the Russian Geographical Society. – 2013. – vol. 145. – P. 20-30
2. Vargina, T.V., Myakinenkov, V.M. Town Planning Code of the RF / T.V. Vargina, V.M. Myakinenkov // Development Management territory. – 2008. – No 1. – P. 17-20.

3. Town Planning Code of the Russian Federation. – Moscow: Jeksmo, 2011. – 171 p.

4. The concept of perfection of regional policy in the Russian Federation // <http://www.minregion.ru/>

5. Lachininskii, S.S. Problems changing geo-economic space of the Krasnoyarsk kray in the context of globalization / S.S. Lachininskii // Materials of the international scientific-practical conference “Geography, history and geo-ecology in the service of science and innovative education”. – Krasnoyarsk, 2011. – vol. 1. – P. 124-126.

6. Myakinenkov, V.M. The objectives of urban policy in the development of resources in the North / V.M. Myakinenkov // Collection of scientific papers “Current economic and social development of the CIS countries at the turn of the 21st century”. – Moscow, 1999 r.

7. Myakinenkov, V.M. Possible impacts of climate change on the territorial organization of economic and social activity in the Siberian North / V.M. Myakinenkov // Materials of the international scientific-practical conference “Geography, history and geo-ecology in the service of science and innovative education”. – Krasnoyarsk, 2011. – vol. 1. – P. 138-139.

8. Myakinenkov, V.M. Key Strategies of Development of Research Tools and Methods for Marine Spatial Planning / V.M. Myakinenkov // Baltic Region. – 2013. – No 1. – P. 99-115.

9. Myakinenkov, V.M. Functional compatibility of territorial and marine planning / V.M. Myakinenkov // Vestnik of St. Petersburg State University. Series 7: Geology. Geography. – 2013. – No 3. – P. 153-160.

10. Presidential Decree B.N. Yeltsin’s “State Strategy of the Russian Federation for Environmental Protection and Sustainable Development” on February 4, 1994 No 236.

11. Principles of State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the period till 2020 and beyond. Approved by the President of the Russian Federation D.A Medvedev September 8, 2008 No Pr-1969.

Елена Тотонова¹

ЭВОЛЮЦИЯ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КАНАДЫ

THE EVOLUTION OF TOURISM DEVELOPMENT OF THE NORTHERN TERRITORIES OF CANADA

Территориальное развитие северных территорий имеет свои особенности, обусловленные природно-климатическими условиями, ландшафтом, удаленностью от центра. В истории развития туристической индустрии северных территорий можно выделить три основных этапа, различающихся как масштабами, так и по специфике территориальной организации, связанной с направлением освоения Севера и государственного регулирования. На начальном этапе развития северные туристские районы находятся под доминирующим воздействием природных факторов и лишь по мере роста освоенности (в первую очередь транспортной), на первый план выходят экономические факторы. Особенностью современного этапа, развития туристской индустрии Севера Канады, является формирование новых сетевых форм организации туристского бизнеса и институтов развития.

Ключевые слова: туризм, Север, Канада, эволюция, пространственное развитие, коренные народы.

Territorial development of the Northern territories has its own characteristics, due to climatic conditions, terrain, distance from the center. In the history of the development of the tourism industry of the northern territories can be divided into three main stages, which differ both scale and specifics of the territorial organization associated with the direction of development of the North, and government regulation. At the initial stage of development of the northern tourist areas are under the dominant influence of natural factors, and only as far as the growth of assimilated (primarily transport) come to the fore economic factors. The peculiarity of the current stage of development of the tourist industry of the North of Canada, is to form a new network forms of organization of tourist business and development institutions.

Keywords: tourism, North, Canada, the evolution of spatial development of the indigenous peoples.

¹ Тотонова Елена Егоровна, кандидат географических наук, доцент Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета. E-mail: elena.totonova@mail.ru

Totonova Elena, Associate Professor, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, North-Eastern Federal University

На современном этапе общественного развития возрастает роль северных регионов в решении геополитических, социальных, экономических, научных, экологических проблем. При этом Север и Арктика, как правило, рассматриваются как территориальные экономические системы, обладающие комплексом специфических черт. Канадский Север, будучи существенно отличен и по структуре экономики и по условиям ведения экономической деятельности от южных районов Канады, отличается внутренней неоднородностью. В свою очередь неоднородность экономического пространства Севера Канады оказывает значительное влияние на структуру и эффективность экономики, что ставит перед системой государственных органов и местного самоуправления задачу поиска механизмов регулирования экономики, которые были бы адаптированы к суровым условиям жизнедеятельности и изменениям современной экономики с сохранением традиционного образа жизни коренного населения.

В последние годы значение туризма в мире постоянно растет, что связано с растущим влиянием этой сферы на мировую экономику. В связи с этим растет популярность экстремального, экологического и экзотического туризма на мировом туристском рынке, которая привела к развитию северного туризма в странах арктического бассейна: США, Канаде, Исландии, в Скандинавских странах, России¹.

Этапы развития туристской индустрии на Севере

В истории развития туристской индустрии северных территорий можно выделить три основных этапа различающихся как масштабами, так и по специфике территориальной организации, связанной с направлением освоения Севера и государственного регулирования. Эволюцию туризма северных территорий можно разделить на 3 этапа: начальный этап развития туристского рынка с 1960–1970 гг. 20-го столетия; переходный период к современному этапу с начала 70-х до конца 1990-х гг. и современный этап и формирование сети туристских предприятий с 2000-х гг. по настоящее время (табл. 1).

Первый этап – формирование начального этапа развития туристского рынка, продолжавшейся до рубежа 1960-1970-х гг. туризм на Севере Канады имел по преимуществу неорганизованный характер, количество фирм, предоставляющих туристские продукты, было крайне невелико, а ассортимент их был чрезвычайно узок. Туристский потенциал канадского Севера долгое время был недоступен по причине отсутствия и крайне слабой заселенности и инфраструктурной обеспеченности территории. В силу, указанных выше причин, говорить о «северном туризме», как территориально специализированной подотрасли индустрии туризма не приходится.

Поэтому в рамках первого этапа туризм не рассматривалась как отрасль экономики, не рассматривался он и в качестве самостоятельного объекта государственной политики в системе программных мер канадского правительства по развитию

¹ Тотонова Е.Е. Опыт развития туризма на Севере Канады : монография / Е.Е. Тотонова. – Якутск : Изд-во Якут. госуниверситета, 2009. – 194 с.

Севера. Тем не менее, начавшееся с 1950-х годов интенсивное освоение частными фирмами (особенно американскими) минерально-сырьевых ресурсов северных территорий, сопровождавшееся развитием транспортной и энергетической инфраструктуры, привело к формированию комплекса условий, стимулировавшего развитие отдельных видов туристской деятельности (прежде всего охота и рыбалка)¹.

К концу рассматриваемого периода относится и формирование первого туристского центра – Доусона на Юконе (в 1966 г. Юкон посетили 63 тыс. туристов²), который, хотя и не оказывал существенного влияния на развитие местной экономики, тем не менее, свидетельствовал о принципиальной возможности создания экономических центров, специализировавшихся на туристской деятельности.

Второй этап – развитие туристского рынка и переходный период к современному этапу, можно выделить с 1970-х годов до конца 1990-х годов XX века. Рубежом данного этапа является быстрый рост промышленного освоения Дальнего Севера при активной государственной поддержке. При этом особое внимание уделяется разработке единой национальной стратегии развития Севера.

В 1970-е гг. туризм был развит только в Юконе. Туристов привлекал Доусон не только своими достопримечательностями времен золотой лихорадки, но и удобным транспортным расположением вдоль Аляскинской шоссе. Появляется первая туристская инфраструктура, выпускаются путеводители, происходит зарождение развития основных видов северного туризма как спортивная охота и рыбалка, экологический, спортивный, культурный.

Постепенно туристская индустрия в Юконе становится второй по важности отраслью экономики. Так, в 1971 г. число туристов достигло 180 тыс. чел., а к 1980 г. стало – уже 340 тыс. В 1973 г. Объем туристских доходов Юкона в 1973 г. составляет 25 млн долл., что вполне сопоставима со стоимостью продукции горнодобывающей промышленности территории за тот же год (146 млн долл.). За 1968-1980 гг. количество туристов, посещающих Северо-западные территории, увеличилось в 6 раз (с 6 тыс. до 35 тыс. чел.), объем туристских расходов в 1973 г. составил 6 млн долл. За 1973-1983 гг. объем государственных расходов Северо-западных территорий по статье «культура и отдых», то есть на создание инфраструктуры туристской индустрии выросли в 5 раз – с 3,6 млн до 18 млн долл.³

Начиная с 1987 г. происходит развитие северного туризма как важной составляющей отрасли экономики северных территорий Канады. Основой развития туризма на Севере являются уникальные природные ресурсы, историко-культурное наследие и этнокультурный потенциал⁴. Северные территории Канады стали позициони-

¹ Тотонова, Е.Е. Опыт управления национальных парков Канады и их роль в развитии туризма / Е.Е. Тотонова // Экономика и управление. – 2010. – № 9. – С. 60-64.

² Черкасов, А.И. Зарубежный опыт исследования и освоения Севера / А.И. Черкасов. – Москва : ВИНТИ, 1985. – С. 59.

³ Черкасов, А.И. Зарубежный опыт исследования и освоения Севера / А.И. Черкасов. – Москва : ВИНТИ, 1985. – С. 59.

⁴ Тотонова, Е.Е. Северный туризм и возможности развития северных территорий / Е.Е. Тотонова // Вестн. нац. акад. туризма. – 2013. – № 3. – С. 30-33.

ровать себя в качестве места развития уникальных северных видов туризма таких как, охота, рыбалка, знакомство с бытом, культурой северного народа, приключенческий, экологический туризм, полярные круизы и др.¹.

В силу суровых климатических условий и географического положения северные территории не могут конкурировать с южными провинциями в предоставлении туристских продуктов для массового потребителя, но своей экзотикой, неизведанностью, уникальностью предлагаемого туристского продукта привлекательны для определенного сегмента не только канадского, но и американского туристского рынка.

В основном правительства северных территорий поддерживают развитие туризма в рамках экономического подъема своих территорий. Региональные власти способствуют внедрению новых туристских проектов, предоставляют предпринимателям ссуды по льготным ставкам, скидки по налогам на недвижимое имущество и муниципальные пошлины. С развитием туризма увеличиваются доходы кооперативов по производству продукции. Например, первые кооперативы народных промыслов были созданы в 1960 г. в поселке Кейп-Дорсет. По данным 1997 г. в Северо-Западных территориях работало 51 кооператив, доходы которых составили 144 млн долл.².

Развитие добывающей промышленности, транспортной и энергетической инфраструктуры при активной государственной политике приводит к изменениям в территориальной организации экономики канадского Севера. На ранее слабо дифференцированной в экономическом отношении территории канадского Севера происходит формирование очагов горнорудной промышленности.

Рост масштабов туристской деятельности на канадском Севере сопровождался изменениями в территориальной организации, как отрасли, так и экономики северных территорий в целом. Характерная особенность этого этапа – формирование туристских ареалов на наиболее освоенных территориях, в пределах которых расположены уникальные природные ландшафты, а также формирование специфической туристской зоны вдоль Аляскинской шоссе.

Промышленное освоение вызвало изменение уклада жизни коренных народов и привело к усилению борьбы за свои права, появлению сильных национальных общественных организаций («политическая мобилизация»). В результате проблемы территориальных и гражданских прав коренного населения вышли на передний план внутриканадской политики совместно с проблемой охраны природной среды.

¹ Тотонова, Е.Е. Северный туризм: понятие и классификация / Е.Е. Тотонова // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. – 2010. – № 2. – С. 305-309.

² Belhadji B. Profil socio-economique des cooperatives autochtones au Canada. Secretariat aux cooperatives Gouvernement du Canada / B. Belhadji. – Ottawa, 2001.

Этапы развития туристской индустрии северных территорий

Этапы	Государственное регулирование	Экономика	Институты	Направления развития туристской индустрии
1960-1970 гг. Начальный этап	Госрегулирование региональной диспропорции. Инвестиции в развитие инфраструктуры добывающей промышленности (транспорт, энергетика)	Развитие добывающей промышленности на Ближнем Севере. Создание инфраструктуры. Появление первых кооперативов и охраняемых территорий.	Создание в 1966 г. Министерства по делам индейцев и развития Севера.	Индивидуальные поездки с целью отдыха, охоты, рыбалки. Появляется первый туристский центр в Доусоне (Юкон).
1970-1990 гг. Переходный этап	Усиление госрегулирования. Формирование национальной политики освоения Севера. Организация траст-фондов. Проблема охраны природной среды	Освоение Дальнего и Крайнего Севера. Формирование очагов горнопромышленной деятельности. Развитие инфраструктуры. Развитие кооперативов и национальных парков. Подготовка местных кадров.	Создание в 1999 г. Нунавут – автономной территории инуитов. Появление организаций коренных народов. Соглашение о земельномпользовании между коренными народами и промышленными корпорациями	Формирование ареалов туррынка: индивидуальный туризм и экскурсионный (рекреационный) для развития массового туризма. Создание инфраструктуры рекреационного туризма на Дальнем Севере. Развитие семейного, самостоятельного и спортивного туризма. Создание научной основы туризма
2000 г. по настоящее время. Современный этап	Принятие в 2009 г. Северной стратегии Канады. Концепция устойчивого развития. Постепенная передача управления коренным народам. Поддержка малого и среднего бизнеса	Развитие туризма на основе традиционного природопользования. Развитие сети кооперативов и национальных парков. Развитие «смешанной экономики». Развитие партнерства общественных организаций и частных компаний. Подготовка местных кадров	Развитие самоуправления коренных народов. Появление туристских ассоциаций коренных народов	Использование туристско-рекреационных ресурсов на основе совместного управления. Освоение новых технологий. Разработка новых видов турпродуктов (круизы, культурный туризм). Маркетинговые исследования туррынка

Составлено по: www.coop.gc.ca; www.pc.gc.ca; www.statcan.ca; www.ic.gc.ca; www.gov.yk.ca; www.gov.nu.ca; www.gov.nt.ca

Третий этап – современный этап и формирование сети туристских предприятий канадского Севера, отличается от предшествующих сменой акцентов в стратегии освоения и местом туризма в этом процессе. Основной задачей нынешнего развития Севера является обеспечение устойчивого развития с сохранением традиционного природопользования и с постепенной передачей управления территориями общинам коренных народов, что заложено в Северной стратегии развития Канады, принятой в 2009 г. Происходит увеличение активности организаций коренных народов и развитие их самоуправления. Коренные народы, которым еще недавно интересовались в основном только этнографы и которых, начиная с 1970-х годов, начали всерьез принимать в расчет экономисты, стало выступать в качестве самостоятельной политической силы¹.

Развитие туризма тесно связано с социально-экономическим развитием северных территорий (табл. 2). При развитии туризма появляются новые центры экономической деятельности на Севере, способствующих улучшению условий и качества жизни коренных народов. Развитие туризма не только обеспечивает работой, а также является стимулом для развития частного предпринимательства коренных народов. Очаги развития туризма оказывают влияние и изменяют территориальное развитие северных территорий. Основными факторами развития туристской индустрии на Севере становятся квалифицированные кадры, предпринимательство, экономические институты.

Таблица 2

Развитие туризма северных территорий (1970- 2013 гг.)

Северные территории		Юкон	Северо-западные территории	Нунавут
Экологические зоны		Бореальные Кордильеры, равнинная тайга, таежные Кордильеры	Таежные Кордильеры, Субарктика, равнинная тайга	Арктика Арктические Кордильеры, равнинная тайга
Виды туризма		Туристско-познавательный, туристско-оздоровительный	Туристско-оздоровительный, туристско-спортивный	Туристско-спортивный
Объем туристского потока	1970 г.	63,0	20,0	-
	2013 г.	345,0	92,0	18,0
		тыс. чел.		

¹ Черкасов, А.И. Зарубежный опыт исследования и освоения Севера / А.И. Черкасов. – Москва : ВИНТИ, 1985. – С. 59.

Объем туристских поступлений	1970 г.	млн. долл.	25,0	6,0	-
	2013 г.		185,0	97,0	40,0

Составлено по: www.coop.gc.ca; www.pc.gc.ca; www.statcan.ca; www.ic.gc.ca; www.gov.yk.ca; www.gov.nu.ca; www.gov.nt.ca

Процесс развития северных территорий показывает усложнение структуры туристской индустрии, связанной и с экономическим развитием территории. Наблюдается закономерность тяготения туристско-рекреационных объектов к уникальным природным объектам, например, горы, побережье Северного Ледовитого океана. Например, основные туристские объекты и туристские центры Юкона расположены вдоль автомобильных трасс. Комфортабельному путешествию по автомобильным дорогам обеспечивают не только техническое состояние дорог, но и развитая сеть объектов придорожного сервиса, предоставляющих необходимые услуги. Уровень обслуживания дорожной инфраструктуры способствует улучшению качества турслуг. Например, в Юконе 111 тыс. человек (2011 г.) являются туристами, проходящими вдоль Аляскинской шоссе (36% от общего количества туристов Юкона)¹, что образует «ленточный» туристский рынок и практически является так называемой «входной дверью» в Северо-западные территории, в северные туристские районы и в западные провинции страны.

В Северо-западных территориях также наблюдается расположение основных туристских объектов вдоль автомобильных дорог, с уникальными природными объектами. Расположение туристских объектов вдоль автомобильных магистралей обеспечивает доступный проезд туриста к конечному пункту отдыха. При наличии развитой транспортной инфраструктуры туристы могут путешествовать самостоятельно на своем автомобиле, что значительно удешевляет стоимость отдыха.

Территориальное развитие северных территорий имеет свои особенности, обусловленные природно-климатическими условиями, ландшафтом, удаленностью от центра. Предприятия северной туристской индустрии выходят за пределы обжитой зоны и рассматриваются как форма нового освоения Севера. Распространение предприятий туристской индустрии северных территорий Канады имеет очаговую форму освоения, в зависимости от существующих природных условий и уровня развития местной экономики. Поэтому наибольшее количество предприятий туристской индустрии наблюдается в расположенных в зоне бореальной тайги Юконе и в Северо-западных территориях, которые имеют развитую транспортную инфраструктуру. Расположенный в Арктическом архипелаге, Нунавут имеет наименьшее количество туристских предприятий. Здесь основными проблемами развития туризма являются высокие эксплуатационные затраты, вызванные специфическими условиями развития туризма. Учитывая сложившиеся условия развития Нунавут предлагает туристам индивидуальные, экс-

¹ www.gov.yk.ca

клюдивные туристские продукты, привлекающие определенный сегмент туристского рынка. Очаги развития туризма оказывают влияние и изменяют территориальное развитие северных территорий.

Пространственное развитие северного туристского рынка происходит путем освоения новых районов, а в его рамках происходит формирование регионального и локального туррынков. Следовательно, пространственное развитие туристской индустрии северных территорий является результатом конкурентной борьбы в рамках которых устанавливаются регулярные взаимоотношения между международными, национальными и местными экономическими агентами (туристские операторы, туристские агенты и др.).

Новые подходы развития северных территорий состоят в выработке методов и технологий освоения, направленных на изменение отношения к Северу как источнику ресурсов, на трансформацию пространственной организации хозяйства и системы расселения на Севере, обеспечение его инвестиционной привлекательности и комфортных условий для жизни людей. Такая модель призвана минимизировать затраты по обслуживанию инфраструктурного комплекса при усилении его эффективности, обеспечивая «эффект масштаба» и возможности включения в межрегиональные и международные цепочки добавления стоимости – как в сетевом (линейно-узловом) подходе. В практическом плане новая модель направлена, с одной стороны, на повышение автономности локальных производственных и социальных объектов, жилищного фонда. А с другой – на развитие элементов сетевой инфраструктуры и реализацию межрегиональных проектов как основу экономической интеграции.

В условиях активно развивающейся новой экономики усиливается процесс распространения информации в пространстве. Открытость рынка, рост уровня образования, подвижности, доходов населения являются факторами развития новых предприятий в туризме, представляющих собой «эффект матрешки» (вложенных друг в друга, взаимодействующих и взаимозависимых), что требует совершенствования турбизнеса и использования новых технологий. При оптимальном государственном регулировании и поддержке экономического развития северных территорий развитие туризма становится локомотивом местного развития. Так как туристская индустрия состоит из большого количества связанных и поддерживающих друг друга разных отраслей, она может способствовать развитию малого и среднего бизнеса. С учетом того, что туризм является одной из ведущих отраслей электронной торговли, происходит не только расширение потребительской аудитории северного турпродукта, но и развитие инфраструктуры и коммуникаций. В результате северный туристский бизнес проходит адаптацию к изменяющимся запросам глобального туристского рынка и происходит формирование новой «смешанной»¹ экономики как основного показателя постиндустриализации общества.

¹ Совместное развитие добывающей промышленности и традиционного природопользования на Севере Канады.

Заключение

В истории развития туристической индустрии северных территорий можно выделить три основных этапа, различающихся как масштабами так и по специфике территориальной организации, связанной с направлением освоения Севера и государственного регулирования.

На начальном этапе развития северные туристские районы находятся под доминирующим воздействием природных факторов и лишь по мере роста освоенности (в первую очередь транспортной), на первый план выходят экономические факторы. В результате происходит изменение пространственного развития северных туристских районов, связанное с развитием технологий, техники и политикой федерального правительства. Удаленные арктические районы Нунавута, не имеющие развитой транспортной системы, кроме воздушного транспорта, с развитием новых транспортных технологий (прежде всего авиационных), широкополосного Интернета, спутниковой связи становятся более «доступными» для туристов. При этом происходит индивидуализация запросов потребителей или развитие индивидуальных, но дорогих видов туризма на Севере (переход от массового к дифференцированному туризму). Среди них наиболее востребованными среди туристов являются северные круизы, экстремальные путешествия, спортивная охота и рыбалка, наблюдения за птицами, деловой, экологический туризм и др. В результате, пространственное развитие северного туристского рынка происходит путем освоения новых районов, а в его рамках происходит формирование регионального и локального туристских рынков.

Особенностью современного этапа, развития туристской индустрии Севера Канады, является формирование новых сетевых форм организации туристского бизнеса и институтов развития, что находит проявление в:

а) организации кооперативов, в сферу интересов которых входит широкий спектр вопросов, начиная от создания образовательных программ, заканчивая обновлением инфраструктур. Кооперативы становятся альтернативой частным и государственным предприятиям на Севере, объединяя в себе экономическую деятельность и общественное движение. Как экономические агенты, использующие местное самоуправление, обладают высоким уровнем адаптации к изменяющимся условиям рынка и способствуют социально-экономическому развитию общины, сокращению бедности, обеспечению занятости;

б) создании сети национальных парков, ориентированных на удовлетворение быстро растущего спроса на отдых на природе. Удовлетворение данного спроса зависит от качества окружающей среды, так как туристами ценится первозданность природы. Поэтому экологический фактор становится экономической категорией: поддержание первозданности природы становится экономически выгодным. Для развития сети национальных парков как ресурса развития северного туризма характерна большая, чем для традиционного туризма, степень вовлечения коренного народа, местных общин, имеющих право владения этими землями;

в) в развитие сети местных органов самоуправления. Общинные органы самоуправления коренных народов созданы по национально-территориальному принципу, деятельность которых регламентируется собственными нормативными актами, принятыми с учетом традиций коренных народов и разграничения полномочий с органами государственной власти.

На развитие северных территорий оказывают сильное влияние временные и пространственные дифференциации, которые определяются их этапами хозяйственного освоения и развития. Наблюдается качественные и количественные изменения не только в пространственном изменении, но и в усложнении структуры экономики.

Литература

1. Тотонова, Е.Е. Северный туризм и возможности развития северных территорий / Е.Е. Тотонова // Вестник Национальной академии туризма. – 2013. – №3. – С. 30-33.

2. Тотонова, Е.Е. Опыт развития туризма на Севере Канады : монография / Е.Е. Тотонова. – Якутск : Изд-во Якут. госуниверситета, 2009. – 194 с.

3. Тотонова, Е.Е. Северный туризм: понятие и классификация / Е.Е. Тотонова // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. – 2010. – № 2. – С. 305- 309.

4. Тотонова, Е.Е. Формирование и развитие туризма как фактор социально-экономического развития региона / Е.Е. Тотонова // Экономика и управление. – 2011. – № 9. – С. 49-54.

5. Черкасов, А.И. Зарубежный опыт исследования и освоения Севера / А.И. Черкасов. – Москва : ВИНТИ, 1985. – С. 59.

6. Черкасов, А.И. Север и северяне: канадский опыт / А.И. Черкасов // Российские исследования о Канаде. Вып. 1. – Москва : РАИК, 1997. – С. 99-109.

7. Belhadji B. Profil socio-economique des cooperatives autochtones au Canada. Secretariat aux cooperatives Gouvernement du Canada / B. Belhadji. – Ottawa, 2001.

8. <http://www.coop.gc.ca>

9. <http://www.pc.gc.ca>

10. <http://www.statcan>

11. <http://www.ic.gc.ca>

12. <http://www.gov.yk.ca>

13. <http://www.gov.nu.ca>

1. <http://www.gov.nt.ca>

References

1. Totonova, E.E. Northern tourism and developmental opportunities of northern territories / E.E. Totonova // Vestnik Nacional'noj akademii turizma. – 2013. – №3. – P. 30-33.

2. Totonova, E.E. Experience in the development of tourism in the North of Canada: monografija. – Jakutsk : Izd-vo Jakut. gosuniversiteta, 2009. – 194 p.

3. Totonova E.E. Northern tourism: concept and classification / E. E. Totonova // RISK : Resursy, Informacija, Snabzhenie, Konkurencija. – 2010. – № 2. – P. 305- 309.

4. Totonova, E.E. Formation and development of tourism as a factor of socio-economic development / E.E. Totonova // Economics and Management. – 2011. – № 9. – P. 49-54.

5. Cherkasov A.I. Foreign experience in the research and development of the North – Moscow, VINITI, 1985. – P. 59.

6. Cherkasov A.I. North and northerners: the Canadian experience // Russian research about Canada. Iss.1. – Moscow: RAIK, 1997. – P. 99-109.

7. Belhadji B. Profil socio-economique des cooperatives autochtones au Canada. Secretariat aux cooperatives Gouvernement du Canada / B. Belhadji. – Ottawa, 2001.

8. <http://www.coop.gc.ca>

9. <http://www.pc.gc.ca>

10. <http://www.statcan>

11. <http://www.ic.gc.ca>

12. <http://www.gov.yk.ca>

13. <http://www.gov.nu.ca>

14. <http://www.gov.nt.ca>

ARCTIC EXTRACTIVE INDUSTRIES

УДК 334.01, 334.021; 327.8

Aytalina Ivanova¹, Florian Stammler²

DETERMINING THE ENCOUNTER BETWEEN INDUSTRY, LOCAL LAND USERS AND THE STATE ON THE EXAMPLE OF KAMCHATKA AND YAKUTIA

This article analyses relations between people and resources according to two principal logics which we identified during fieldwork in the Russian Arctic and sub-Arctic: the utilitarian logic standing for the idea that humans own, control and exploit the land, and the partnership logic standing for humans living as part of the land in a reciprocal relationship. The encounter of these two in the Russian industrialised North is analyzed in the article using three case studies.

Keywords: Human-resource relations, Industrialisation, Indigenous peoples, Russian North, Extractivism

Introduction

Relations between people and the land have been characterised as opposed between two logics, the utilitarian logic standing for the idea that humans own and control the land, and the partnership logic standing for humans living as part of the land. States and industrial companies apply the first logic granting superiority of humans as deciding about the usefulness of an action on the land for humans. Indigenous and local people claim to embrace the other logic emphasizing the importance of the process and ways in which an action is carried out on the land rather than its economic usefulness. In this contribution we investigate how these two logics interact in two Russian northern regions with resource extraction. The idea that local people have enough power to accept or deny resource development carried out by external actors is not familiar to local people in our field sites in the Russian Far East. In all cases we see people agree that the utilitarian logic prevails. The partnership logic in people-resource relations can exist safely only in a narrowly assigned niche. This niche is governed by state law, which is adopted following the utilitarian logic that resources have to be useful for the majority of human society.

¹ Aytalina Ivanova, PhD, Associate Professor, North-Eastern Federal University. E-mail: a.a.ivanova@s-vfu.ru

² Florian Stammler, PhD, Research Professor, Arctic Anthropology, Arctic Centre, University of Rovaniemi, Finland. E-mail: florian.stammler@ulapland.fi

Basing on our ethnographic and legal analysis from two case regions, we can develop several scenarios of the encounter of the utilitarian and the partnership logic in land resource relations, namely confrontation, coexistence and co-ignorance.

Background

Resource is what we live off. In this programme we focus more on extraction of resources from UNDER the ground, but when we analyse relations between people and the resources, we always consider that no matter where the resources are, their use goes through a human-environment relation. Resource use, resource extraction is always part of the bigger picture of our human-environment relation.

Meaningful resources are those to which people have a relation, be it of whatever kind: commercial economic, subsistence, cultural, even spiritual [4].

When we look at how resource extraction started, in a place like Neryungryi, we see that at the beginning there is always a sense-making exercise, as a result of which the relation of people to the resource changes, and land on or under which the resource is located acquires a different meaning. It is this different meaning that transforms the face of many places in the Arctic today, and as we see here in the past decades.

Relations of people and resources

We identify two main principles according to which the relations between people and their resources are organised. This forms our main theoretical background on which we develop our analysis of the encounter between various land uses, namely the extractive industries and traditional indigenous livelihoods.

1) the utilitarian logic: here the main conviction is that humans own and control the land: in the Soviet Union and other states, this idea was followed as state agents are supposed to control and conquer large resource peripheries. It is the state agents, the dominant society, that are supposed to master the land and make it useful for the entire population.

2) the Partnership logic: the main underlying idea is here that humans and the environment are equal partners. It is this idea that is on the base of most indigenous Arctic cosmologies [5].

All states and companies work according to first logic. Most indigenous peoples claim to live according to the second.

In this contribution we reflect on how do these two logics meet when extractive industries comes to indigenous lands

Methods

In our research we combined social anthropological analysis including in depth participant observation during fieldwork with legal analysis of documents, regulatory acts, laws of regional, municipal and federal importance. Using these methods, we carried out analyses of coexistence between industry and indigenous livelihoods and identified, best case and worst case scenarios. We found that the meeting of the two logics is mostly regulated by particular laws or guides (best practices). Those need to be analysed, alongside lived experience on both sides.

Human – environment relations

Paul Nadasdy [3] has shown using examples from Canada that worldviews of indigenous peoples are in principle incompatible with the approach of the state, which becomes obvious in land claim settlements involving indigenous peoples and the state in Canada. His main argument is that all the beautiful talk about partnership, co-management, indigenous rights, still leads to subordination of the indigenous worldview to the dominant western style. Indigenous negotiators embrace the dominant worldview themselves – a situation that a Greenlandic Inuit has once called this “colonisation of the mind” (2008, keynote speech, International Congress of Arctic Social Sciences, Nuuk). In other words, indigenous activists and politicians subscribe themselves to the utilitarian logic, and have to accept a niche for their own livelihood that is granted by a superior agent (the state, the company).

Indigenous people and the land

At the heart of the encounter between industry and local / indigenous people is the question of land use and land rights. As the different interested parties around an industrial project meet, there is always “the risk and distortions inherent in translation processes”, as Nadasdy [3], notes. Therefore we ask what happens if indigenous livelihoods with their processual nature and cyclical worldview are pressed into laws made with an utilitarian logic? Nadasdy’s [3] answer to this question would be that we get well-meaning paternalism.

The Russian situation

Different from Canada, or countries that adopted the resolution 169 of the International Labour Organization on indigenous and tribal peoples (ILO 169), there is no such understanding that local people own the land before industries come with the intention to extract resources. In Canada, the key case for this understanding has been in connection to the Berger Inquiry, an impact assessment study that recommended a moratorium on a pipeline project because the land rights situation on the projected pipeline territory was not clear [1].

Considering that half of the circumpolar world is owned by the Russian state, however, we suggest that understanding the process of encounter between industry, state and local people there is crucial if we want to make any more general statements about Arctic extractive industries. In the Russian North, local and / or indigenous people have usufruct rights. Their rights to negotiate with the state and with companies starts AFTER the decision to extract has been made. Whether or not to extract or not is not up for discussion usually.

The following three cases serve for our analyses of three situations that we preliminarily call confrontation, coexistence and co-ignorance in the relations among different resource users. We shall try to find out what determines these situations.

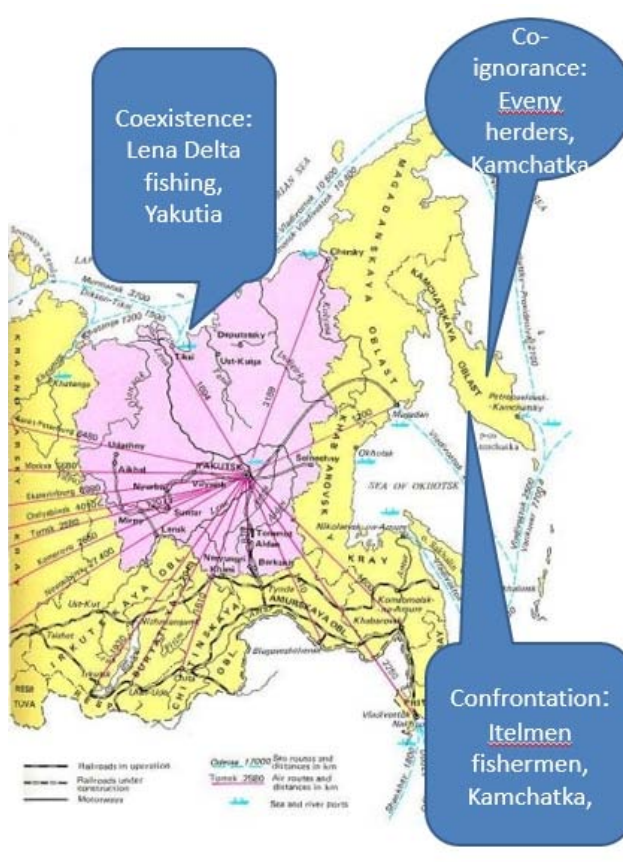

Figure 1. Map of the Russian Far East with the case sites in this contribution

Case 1, confrontation

When local people try to fight for a niche in which they practice their partnership logic in resource use, **against** dominant actors.

The Itelmen fishermen of Petropavlovsk and West Kamchatka live in on the shore of highly productive fishing grounds in a situation that we call **confrontation**: the main conflict is about restricting indigenous resource use rights. The stakes are high and the state wants to diminish the niche in which the indigenous fishermen practice traditional fishing livelihood following a partnership logic in the relation with their resource (fish). The state regulates following an utilitarian logic all land rights and fishing rights in negotiation with big industry in order to maximise profit of the resource (fish).

Our collaborators and friends there, the Lariny Family, live on West Kamchatka shore, close to the settlement of Ust-Bolsheretsk, and have been fighting for 10 years for the recognition of a Territory of Traditional nature use (TTP). According to the Federal law of

2001 [6], TTP is a territory where indigenous land users enjoy priority rights for practicing their traditional livelihoods. These territories are usually part of specially protected lands (*osobo-okhranyaemye territorii*), at least before another federal law in 2013 eliminated that status [7].

Figure 2. On the entry to their camp the Lariny state proudly that they got a status of Territory of Traditional Nature use

When the Lariny fishermen finally got their land rights document, their situation turned into an open confrontation. This confrontation happened because the state (here: the oblast administration) tries to eliminate indigenous livelihood and resource use. In their utilitarian view, the Lariny's fishery is a wasted opportunity, a non-commercial use of a commercially valuable resource, namely pacific salmon. Concretely in the Lariny's everyday life, different state agencies harass the family with threatening documents for fines for violating different laws, and they restrict their quota for fishing and the time when they can fish. As Mr Larin expressed to us when we visited his camp: "they give us 15 minutes a day to practice our traditional life." The reason behind all this is that the state (the oblast structures) wants to create best possible conditions for big industry to extract most profit of the resource (fish). The industry – on their side – is interested in the elimination of fishing competitors. The less fishermen organisations there are in the area, the better it is for big companies. Here, industry transfers to the state the task of eliminating the indigenous partnership approach to the resource.

Case 2: coexistence

Consideration of mutual interests among various resource users.

Figure 3. Fishing ground of the “Arktika” kolkhoz in the Lena Delta, in the background freezing vessel owned by the state fish factory

The fishermen of the Lena Delta live on the shore of the Laptev Sea in a situation that we call **coexistence**. The state assigns a niche for them in a protected area and lets indigenous people live in partnership with the resource (fish) on their own terms, by granting them access to riverbanks and fishing grounds and quota for one special indigenous enterprise. Indigenous people voluntarily accepting their niche UNDER the state rule umbrella. The state accepts that indigenous peoples have their own rules that govern their livelihood on site.

The Kolkhoz artel “Arktika” (Republic of Sakha (Yakutia)) was founded in the 1920s, and is proud to be the only Arctic enterprise that since the early Soviet days did not change its name nor legal form. Since its establishment, the fishermen themselves have been the shareholders of the company.

In 1985 the Lena River Delta Biosphere Reserve, was established on a Russian Federal level, forbidding human action on the riverbank land. However, using their long tradition and indigeneity, the kolkhoz “Arktika” lobbied peacefully with the state for continuing their land and resource use rights. As a result, they got guaranteed a quota for fishing approximately 500 tons of fish yearly.

The state wants to create best possible conditions for industry to extract most profit of the resource (fish). We argue that this coexistence happened in the frame of the state superiority. It is the state that stipulates the profit margin. A state-owned enterprise, the Yakutsk fish factory, buys all the raw material (fish), directly at the catching places (*rybuchastki*) from the kolkhoz fishing brigades. Right there the fish is put to shock-freezing on a vessel owned by the fish factory, and shipped to Yakutsk for further processing and selling. In doing so, the state enterprise determines the terms of trade: the fishermen get 50 roubles per kilogramme fish, whereas the ready vacuum-packed fish is sold in shops for 500 roubles for the kilogramme.

Case 3: co-ignorance

We call the situation co-ignorance, where the state and companies avoid detailed regulations of resource use practices.

Co-ignorance works as long as the stakes are low, in other words, there is not too much money to earn from the practice, and industry production is small. In this case the state reserves the right to express the superiority of its utilitarian logic for the future, in case more subsurface resource extraction rights should be given to industrial companies.

Figure 4. Eveny reindeer herders camp close to the Shanuch Nickel deposit in Central Kamchatka

The Eveny herders of Kamchatka live with their reindeer between a mining area and a national park in a situation that we call the **co-ignorance** of dealing with other land users. On their summer pastures there is one nickel mine (Shanuch deposit) and one Gold mine (Aginskoe), with smaller operations ongoing. As of summer 2014, the nickel' mine operations were on temporary hold as the mining company was being sold to a Chinese company.

In the 1990s the head of the Bystryinski raion municipality Devyatkin issued a decree granting land rights of Eveny reindeer herders on their pastures. They got issued land documents as if their lands were TTP on a municipal level. However, as Svetlana Komarova from the Bystrinskii indigenous association highlights, the prosecutor annulled all these land documents because they supposedly contradict the forest code [2,8]. Therefore, the municipal decree lost its validity. In the Bystrinski raion, the state did not inform the reindeer herders and local fishermen and left them in the belief *as if* they held land rights still. As one of our informants there said, "these land titles have now become empty papers2" (*pustye bumagi*). Thus, in our case of co-ignorance, presence of extractive industries functions as a disincentive for the state to renew and regulate indigenous land rights. The extractive industry companies receive full state support if they would only continue and grow their production. The municipal and regional authorities ignore the need for regulation of indigenous peoples land rights. Even reindeer herders activists do not take the initiative for clarifying land rights, as they are afraid of a worsening of their situation. The confrontation case outlined from the Lariny family above makes us believe that they could be right in their fear.

Conclusion

From the cases above, we can draw the following conclusion:

- The utilitarian approach to the resource is superior in all cases
- The partnership approach to living with the resource can exist only in the niche given by the utilitarianists, those in power.

Whether or not the encounter between industry and local people end up in a situation of confrontation, coexistence or co-ignorance depend on the following conditions:

- the bigger the money, the bigger the interests, the more likely confrontation may become
- savvy political subordination under the dominant utilitarian approach advocated by the state can create coexistence and a greater niche for the partnership approach to existing with the resource
- avoiding a solution of the problem can lead to stable co-ignorance, as long as stakes are low, but it will be much harder to continue such a practice when industry projects become bigger and more important for budgets.

References:

1. Gamble, D. J. 1978. The Berger Inquiry: An Impact Assessment Process. *Science*, 199, 4332, pp. 946–951. doi:10.1126/science.199.4332.946.
2. Lesnoi Kodeks 2006. Lesnoi Kodeks Rossiiskoi Federatsii. 4 December 2006, №. 200-FZ.
3. Nadasdy, P. 2003. Reevaluating the Co-management Success Story. *ARCTIC*, 56(4), 367–380.
4. Nuttall, Mark 2012 'Imagining and governing the Greenlandic resource frontier'. *The Polar Journal* 2(1): 113-124.
5. Vitebsky, P. 2005. Reindeer People. Living with Animals and Spirits in Siberia. London : Harper Collins.
6. Zakon 2001. O territoriakh traditsionnogo prirodopol'zovania korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii. 7 May 2001. – №49-FZ.
7. Zakon 2013. O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon "Ob osobo okhraniaemykh territoriakh" i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii". 28 December 2013, № 406-FZ
8. Zemel'nyi Kodeks 2001. Zemel'nyi Kodeks Rossiiskoi Federatsii. 25 October 2001, №. 136-FZ.

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЭТНОС

Jon Todal¹

UNDERVISNINGA I SAMISK SOM FØRSTESPRÅK I NOREG EIT HISTORISK TILBAKEBLIKK

Samiske elevar kan i Noreg velja om dei vil ha samisk eller norsk som førstespråk i grunnskulen. I dag (2015) får rundt 900 grunnskuleelevar opplæring i samisk som førstespråk i Noreg. Opplæringa i samisk som førstespråk er meint for dei elevane som brukar språket heime og såleis snakkar det godt før dei begynner på skulen. I tillegg får i overkant av 1000 grunnskuleelevar no opplæring i samisk som andrespråk. Forutan desse til saman rundt 2000 elevane som får samiskopplæring i Noreg, får samiske elevar i grunnskulen slik opplæring både i Sverige og Finland, og til ein viss grad i Russland.

Denne artikkelen ser berre på historia til den samiske *førstespråksopplæringa*, og da berre på samisk førstespråksopplæring i Noreg.

Sidan 1990 har samisk vore eit offisielt språk i Noreg ved sida av norsk som er majoritetsspråket i landet. Samisk språk har særleg sterkt lovvern i ti kommunar der det tradisjonelt bur mange samar. Dei fleste samisktalande bur i det nordlegaste norske fylket, Finnmark, og i ein del kommunar i Finnmark er samane i fleirtal. Indre Finnmark utgjør eit sterkt kjerneområde for samisk språk, og ein stor del av dei elevane som har samisk som førstespråk på skulen, bur i dette området.

Kva er eit førstespråk?

I eit tilbakeblikk på samiskopplæringa i Noreg kan det by på visse vanskar å bruke termen førstespråk. Denne termen er relativt ny, han er først og fremst nytta i skulesamanheng, og han signaliserer ei positiv oppfatning av fleirpråklegheit. Termen førstespråk føreset at det er tale om det *første* språket, og at det difor minst eksisterer eit språk til som eleven skal lære. I dei offentlege læreplanane for den norske skulen var termen førstespråk brukt første gong i mønsterplanen for grunnskulen i 1987. Dette var ein plan for skuleverket i heile landet, men Undervisningsdepartementet hadde i tillegg laga ein del reglar som berre skulle gjelde for samiske elevar [14].

I skulefagleg samanheng erstatta termen førstespråk i 1987 den tidlegare termen *morsmål*. Men korleis forstår vi kva som er ein elev sitt morsmål eller eventuelt førstespråk? Det finst mange måtar å nærme seg dette spørsmålet på. Forsking omkring tospråklegheit er utprega tverrfagleg, og dei forskjellige forskarane vil da gjerne nærme seg fenomena på ulike måter etter kva fag dei opphavleg kjem frå. Tove Skutnabb-Kangas sette i 1981 opp ei oversikt over korleis dei forskjellige faga oppfattar omgrepet morsmål. Ho seier der at morsmål kan vera det språket som vi lærte først. Men det kan og oppfattast

¹ Jon Todal, PhD, Professor, Sami University College (Norway). E-mail: Jon.Todal@samiskhs.no.

som det språket som vi kan best. Ei anna oppfatning er at morsmålet eller førstespråket er det språket som vi brukar mest, eller det kan vera det språket som vi identifiserer oss med, eller som andre identifiserer oss som talarar av.

I einspråklege miljø verkar gjerne ein slik diskusjon om innhaldet i ordet morsmål nokså meiningslaus. I einspråklege miljø er det språket som du lærte først også det språket som du kan best, det er samtidig det språket som du brukar mest og dette (eine) språket er også det språket som du identifiserer deg med. I fleirspråklege miljø er det ikkje like enkelt. Der kan det godt vera slik at det språket som du lærte *først*, seinare blir det språket som du kan dårlegast. Det kan òg vera at det språket som du kan dårlegast, faktisk er det språket som du brukar mest, og så vidare i mange ulike kombinasjonar. Frå samisk miljø veit vi òg at folk kan *identifisere* seg sterkt med eit språk som dei ikkje kan, eller som dei kan dårleg [16]. Etniske samar som ikkje kan samisk, kan difor likevel omtala samisk som morsmålet sitt.

I denne artikkelen brukar eg "undervisning i samisk som førstespråk" om den undervisninga som etter 1987 er gjeven etter fagplanar med namnet *Samisk som førstespråk*. Eg brukar altså termen reint "skuleteknisk" om tida etter 1987. Før 1987 ser eg derimot på skulen sine tilbod i samisk for dei elevane som hadde språket som *heimespråk*.

Kampen om modellane

Like lenge som vi har hatt ein grunnskule i Noreg, har det vore diskusjon og kamp om korleis skule og opplæring skulle organiserast for dei elevane som hadde samisk som heimespråk. I det følgjande vil eg sjå på dette som ein kamp mellom ulike modellar for språka norsk og samisk sin plass i skulen, der ulike grupper har hatt ulikt syn og ulike interesser.

Den britiske tospråklegheitsforskarer Colin Baker har utarbeidd ein typologi for tospråklege opplæringsmodellar i skulen. Han har delt inn dei modellane som faktisk er i bruk i fleirspråklege miljø rundt om i verda, og han brukar fem kriterium for inndelinga si. Dei fem kriteria er (1) det språklege målet for den opplæringa som blir gjeven, (2) det samfunnsmessige målet for opplæringa, (3) språket i klasserommet, (4) kva elevgruppe modellen er meint for og (5) type av opplæringsprogram som dette går inn som del av [1].

For betre å kunna samanlikne dei modellane som har vore brukt i språkopplæringa av samiske elevar, skal eg her prøve å plassere dei inn i eit skjema som ser om lag likt ut som Baker sitt. Skjemaet er slik:

Figur 1

Programtype	Språket i klasserommet	Samfunnsmål for opplæringa	Språkleg mål for opplæringa

Eitt av kriteria hos Baker er ikkje med i skjemaet her, det er kolonnen for kva elevgruppe opplæringa er tenkt for. Den kolonnen er det unødvendig å ha med fordi alle modellane som eg skal sjå på her, er (eller var), tenkte for elevar med samisk som førstespråk, eller for elevar med samisk heimespråk.

Fornorskingsperioden

På 1700-talet og første halvdel av 1800-talet svinga den offentlege språkpolitikken i skulen etter synet til dei ymse bispane. Nokon bispar var svært positive til bruk av samisk i skule- og konfirmasjonsopplæringa, andre var heilt i mot. Skulen var på denne tida i stor grad var ein kristendomsskule, difor kom språkspørsmålet i høgste grad til å vedrøre spørsmålet om folks frelse. Dersom kristendomsundervisninga skulle gjevast på norsk, kunne presten eller læraren ikkje vera sikker på at elevane forstod noko, iallfall kunne ein ikkje vera sikker på at dei forstod *rett*. Og om ein oppfatta kristendommen rett eller rangt kunne i følge kyrkja få alvorlege følgjer. Ein måtte så å seia velja mellom fornorskingspolitikk eller frelse som overordna mål for opplæringa for samane.

Men på midten av 1800-talet hadde dei norske styresmaktene bestemt seg, og det vart vedteke å bruke skulen som ein reiskap til å fornorske samane. Samisk språk skulle ikkje ha nokon verdi i skulen. Denne politikken, som vart kalla fornorskingspolitikken, vart i praksis ståande i hundre år. I denne tida vart fornorskingspolitikken utdjupa og konkretisert gjennom skulelover, departementale instruksar og læreplanar.

Fornorskingspolitikken overfor samane er godt dokumentert hjå til dømes Dahl 1957 og Niemi 1981. I desse to avhandlingane kan vi lesa både korleis styresmaktene tenkte i denne tida og kva tiltak dei sette i verk for å nå målet sitt om full fornorsking av samane. Og eitt av tiltaka var at *all* undervisning i skulane i dei samiske områda i prinsippet skulle vera på norsk. Læraren skulle passe nøye på at andre språk enn norsk ikkje vart brukte i klasserommet meir enn det som var absolutt nødvendig. I reknetimane skulle berre dei norske namna på tala brukast, i songtimane skulle elevane syngje berre norske songar sjølv når songane eller salmane også fanst på samisk, og så vidare frå fag til fag. Læraren var òg forplikta til å halde fram overfor elevane kor viktig norsk var, dette skulle ho eller han også innprente foreldra, og læraren skulle heller ikkje *utanom* arbeidstida si snakke samisk med folk i bygda. Slik var læraren forplikta til også privat å vise at norsk skulle vera det rådande språket [11].

No er det slik at ein ting er kva styresmaktene ønskjer å oppnå med dei tiltaka dei set i gang, noko anna er kva dei som skal setja denne politikken ut i livet lokalt, oppfattar av han, eller bryr seg om å oppfatte. Noko tredje er kva dei reint faktisk gjer i dei konkrete situasjonane og noko fjerde korleis det som faktisk skjer, påverkar dei som blir utsette for politikken. I vårt tilfelle blir det da interessant å spørja: Korleis *oppfatta* lærarane rolla si som fornorskarar? Kva *skjedde* eigentleg rundt om i klasseromma? Og kva innverknad hadde det som skjedde i klasseromma, på språket familiane og i bygda? Dette er spørsmål som det er forska lite på, og det må vel seiest å vera ein veikskap med dei to store avhandlingane som eg nemnde, at dei i så liten grad drøftar desse forskjellige nivåa. 100% effektiv kunne iallfall ikkje fornorskingspolitikken ha vore når samisk framleis i år 2015 er daglespråket for så mange menneske.

Idealmodellen frå fornorskingstida, slik denne modellen var tenkt gjennomført frå styresmaktene si side, kan vi setja opp som vist nedanfor. Eg kallar desse modellane idealmodellar her fordi dei ikkje seier noko om sjølve gjennomføringa, berre om korleis opplæringa var tenkt.

Idealmodell for språkopplæringa for samiskspråklege born i fornorskingstida

Programtype	Språket i klasserommet	Samfunns mål for opplæringa	Språkleg mål for opplæringa
Språkdrukning-modell. Inga opplæring i samisk	Norsk (med høve til samisk som hjelpespråk)	Assimilering i det norske samfunnet	Elevane skulle bli gode i norsk

Når ein omtalar fornorskingsperioden i dag, forklarar ein ofte styresmaktene sine handlingar og meiningar med at dette var noko som "låg i tida". Dette var i imperialismen si glanstid, der europeiske stormakter grunngav maktpolitikken sin rundt om i verda med at dei skulle "sivilisere" dei "ville". Sosialdarwinismen stod sterkt med sine tankar om at dei ulike rasane ikkje var like sterke og ikkje like høgt utvikla kulturelt. Redninga for dei små og u-utvikla kunne da vera å bli som "kulturfolka".

Noreg var eit lite land og inga imperialistmakt, men dei sosialdarwinistiske tankane stod likevel sterkt. Etter desse tankane var samane lite utvikla, medan nordmennene var eit høgt utvikla kulturfolk. Sjølv om dette synet stod sterkt, var dei likevel ikkje einerådande.

Ein av dei mest markante og velformulerte motstandarane av fornorskinga og den sosialdarwinistiske tenkinga var Per Fokstad (1890 – 1973). Han var ein lærarutdanna same frå det nordsamiske kjerneområdet. Han var oppteken både av politiske og pedagogiske spørsmål, og offentleggjorde både ein del artiklar og skriftelege forslag medan han levde. Han hadde sin mest aktive periode i ei tid da den gamle samepolitiske rørsle stod svært svakt [13]. Det var difor få miljø som støtta Fokstad i motstanden hans mot fornorskinga. Mykje av det som han stod for, vart stempla som heilt rabiatt av dei mektige samtida. Men når vi i dag les det som per Fokstad skreiv, verkar det både rimeleg og moderne.

Her skal eg sjå nærare på eit framlegg frå Fokstad til skulemodell for samisktalande born. I 1924 sendte han inn eit forslag til det som heitte *Den parlamentariske skolekommissjon* som akkurat da heldt på med eit utkast til ny lov om folkeskulen for landsbygda i Noreg. I det lange og detaljerte brevet til kommisjonen gjorde Fokstad framlegg om eit eige samisk læreplanverk for dei samiske skulane. Han gjekk her inn for at alle fag skulle ha eit samisk innhald i dei samiske bygdene. Han skreiv til dømes at elevane burde lære joik og samiske salmar i musikkfaget, at naturfaget burde leggja vekt på dei plantane og dyra som fanst i dei samiske områda, i historiefaget måtte elevane få lære om samefolket si historie osv. Og han gjorde framlegg om at all undervisninga skulle vera på samisk bortsett frå i norskfaget. Om matematikkfaget seier han:

Regneundervisningen gis på samisk. Lærebøker i regning bør ha samisk tekst og tallbenevnelser. Regneoppgavene må legges så nær det praktiske liv i Finnmark som mulig. Særlig må det tas hensyn til flyttsamenes (fjellfinnenes) næringsliv, så deres barn får større interesse for foreldrenes livsvirke [6].

Undervisning på samisk skulle etter Fokstad si meining ikkje vera noko spesialpedagogisk tiltak for at elevane skulle forstå. Det skulle ikkje vera berre hjelpespråk.

Språket skulle derimot ha ein *verdi i seg sjølv*, og også tospråklege elevar som forstod både samisk og norsk godt, skulle difor få opplæring både *i* og *på* samisk [6].

Fokstad sin alternative plan for opplæringa kan vi setja opp som vist i figur 3 under

Figur 3

Per Fokstad sin idealmødel for opplæringa for samiskspråklege born, lansert 1924

Programtype	Språket i klasserommet	Samfunns mål for opplæringa	Språkleg mål for opplæringa
Bevarings- og utviklingsmodell. Samisk språk og innhald, med norsk som obligatorisk <i>fag</i> .	Samisk	Styrke elevane sin samiske identitet	Tospråklegheit, med vekt på samisk

Dette forslaget vekte sterk motbør, for å seia det mildt. Heile framlegget braut på punkt etter punkt radikalt med den rådande norske skulepolitikken, og motinnlegga frå samtida sine mektige menn var direkte aggressive.

Skuledirektøren i Finnmark var sterkt i mot forslaget, og som motargument viser han mellom anna til kor låg moral det var blant samane i den skulekrinsen der først underviste da han kom til Finnmark. «Men», skriv han:

...fra begynnelsen av nittiårene blev norske lærere ansatt i denne krets, og all opplæring har siden foregaatt på norsk, kun med lappisk som hjelpesprog. Resultatet er at opplysningen blant folket har gjort et godt fremskritt og gjennomgaaende hersker det der nu god skikk og orden overalt [6].

Ikkje berre skuledirektøren var i mot forslaget frå Per Fokstad. Både Finnmark fylkesskolestyre, Aust-Finnmark lærarlag, Vest-Finnmark lærarlag, reininspektør Nissen og biskopen i Tromsø uttala seg alle som ein mot planforslaget.

Dermed vart alt ved det gamle. I praksis var alt ved det same fram til 1967. da skjedde det noko avgjerande nytt for dei elevane som hadde samisk som heimespråk.

Tida 1967–1987

Under andre verdskrigen var Noreg okkupert av det nazistiske Tyskland. Etter krigen var det vanskelegare å bruke sosialdarwinistiske (og rasistiske) argument i språk- og skulepolitikken. Desse argumenta likna for mykje på dei synspunkta som nazistane hadde forfektat. Men det gjekk likevel lang tid før det vart teke noko eigentleg oppgjer med den gamle fornorskingspolitikken. I 1967 skjedde det likevel noko nytt. Da begynte nokre barneskular i indre Finnmark å gje første skrive- og leseopplæring på samisk til ein del førsteklasingar. Eg seier *ein del* førsteklasingar, for opplegget var frivillig.

Først i 1969 kom det inn ei setning i skulelova som opna for lokal vedtaksrett over språket i skulen, da heiter det: "Born av foreldre som nyttar samisk som dagleg talespråk skal gjevast opplæring i samisk når foreldra krev det."

Da Per Fokstad i si tid argumenterte for å omorganisere skulen i dei samiske områda, vart han ståande nokså åleine med sine tankar. I 1960-åra var det fleire som såg det urimelege i at samiske elevar ikkje fekk det same skuletilbodet i sitt språk som dei norske fekk i sitt. Professor Anton Hoëm ved Universitetet i Oslo var ein viktig aktør her. Gjennom si forskning påviste han at nettopp dette at samiske born på den tida hadde dårlegare skuleresultat enn norske. Og han hevda at dette ikkje var eit språkproblem, men eit skuleproblem. Det varskulen som måtte forandrast, ikkje borna.

Inez Boon som på 1960-talet var lærar i det samiske kjerneområdet, gjorde i 1964 ei studiereise i Europa der ho besøkte fleire område med språklege minoritetar i Nederland, Luxemburg og Wales. I ein artikkel i årboka *Sámi ællin* konkluderte ho med at opplæringsmodellane i dei samiske områda ikkje var i samsvar med moderne pedagogikk slik ho hadde studert det i andre europeiske minoritetsområda. Skulen i Sameland sat fast i tankar og modellar frå 1800-talet. Vidare peikar ho på at skulen ikkje var forma etter den verkelegespråksituasjonen i dei samisk områda. Og ho gjorde framlegg om at skulen måtte ta omsyn til at borna faktisk hadde eit førstespråk, og at norsk var andrespråk for dei. Første lese- og skriveopplæring burde skje på førstespråket, og andrespråket måtte så tidleg som mulig bli eit fag for elevane, skreiv ho [2].

Da det kom ny mønsterplan for grunnskulen kom i 1974, opna denne for at den praksisen som da alt hadde vore i gang i sju år i Indre Finnmark kunne halde fram. Den nye modellen som styresmaktene no vedtok, kan framstillast slik som vist i figur 4 nedanfor.

Figur 4

Idealmodell for språkopplæringa for samiske born etter Mønsterplanen frå 1974

Modelltype	Språket i klasserommet	Samfunnsmål for opplæringa	Språkleg mål for opplæringa
Overgangsmodell.	Samisk dei første åra, norsk dei siste	“Human” assimilering til det norske med utgangspunkt i det samiske	Gode i norsk

Modellen braut med tidlegare offisielle modellar i og med at det no vart lovleg å bruke samisk til meir enn hjelpespråk, og at dei elevane som hadde samisk som heimespråk no skulle få lære å lesa og skrive på det språket i staden for på norsk. Det er først no i 1974 lærarane med Mønsterplanen i hand kunne begynne med noko som kan kallast *førstespråkundervisning* i moderne forstand.

Men styresmaktene var enno i 1974 forsiktige med å seia at samisk skulle ha nokon verdi i seg sjølv. Bruken av språket skulle derimot lette *anna* læring, mellom anna norskopplæringa.

Tida frå 1987 til i dag

Først med den mønsterplanen som kjem i 1987, blir samisk offisielt eit viktig fag som har ein eigenverdi. Og det er først no – i 1987 – at omgrepet *førstespråk* blir brukt i ein fagplan for samiske elevar. Tospråklegheit blir no formulert som eit mål for opplæringa.

Sidan sist det vart laga fagplanar (i 1974), hadde departementet rådd seg med eit eige fagråd i samiske skulesaker, Samisk utdanningsråd, med sekretariat i Kautokeino. Dette rådet har nok spela ei viktig rolle når Mønsterplanen frå 1987 kom til å innehalde så mange og så store endringar.

Den nye modellen kan setjast opp i skjemaet slik som vist i figur 5 under:

Figur 5

Idealmodell for språkopplæringa for samiskspråklege born 1987-1997

Programtype	Språket i klasserommet	Samfunnsmål for opplæringa	Språkleg mål for opplæringa
Bevaringsmodell. Samisk språk og innhald, med norsk som obligatorisk fag	Samisk	Kunna fungere i to kulturar	Funksjonell tospråklegheit

Det skulle så gå berre ti år før det kom ei stor skulereform med atter nye læreplanar. I 1997 vart da innført eit eige samisk læreplanverk, obligatorisk for alle elevar i seks kommunar i Nord-Noreg. Denne reforma vart omstridd. I motsetnad til kva som var tilfelle på Per Fokstad si tid, kom ikkje motstandarane mot samisk no først og fremst frå skulestyresmaktene, men frå folk med norsk etnisk identitet i eit par av dei kommunane der det samiske læreplanverket vart innført. Det vart òg danna ein organisasjon som skulle motarbeide den nye norske urfolkspolitikken.

Mesta alle dei tankane om språk og innhald i ein samisk grunnskule som Per Fokstad la fram i 1924, vart offisiell norsk politikk i 1997. Det tok 73 år å få gjennomslag. Men på eitt punkt fekk Fokstad likevel ikkje gjennomslag. Fokstad tenkte seg at skulen skulle ha som overordna mål å styrkje elevane sin samiske identitet. Eit slikt mål vart formulert også for dei samiske læreplanane av 1997. Her heitte det "Opplæringen som helhet skal bidra til å fremme samisk identitet". Dette var ein av dei formuleringane som det vart sterkast strid om etter innføringa av dei nye læreplanane i 1997, og departementet gav seg og strauk formuleringa etter at læreplanverket hadde vore i bruk ei tid.

Opplæringsmodellen frå 1997 kan setjast opp som vist i figur 6 nedanfor.

Figur 6

Idealmodell for språkopplæringa for samiskspråklege born etter 1997

Programtype	Språket i klasserommet	Samfunnsmål for opplæringa	Språkleg mål for opplæringa
Bevaringsmodell. Samisk språk og innhald, med norsk som obligatorisk fag	Samisk	(Styrkje elevane sin samiske identitet.)Seinare: Kunna fungere i to kulturar.	Funksjonell tospråklegheit

I 2006 vart ei ny skulereform gjennomført i Noreg, men denne reforma kom ikkje til å endre på modellen for førstespråkopplæringa frå 1997 som er vist ovanfor.

Mikroplanet

Denne artikkelen handlar om lover, reglar og planar for å setja ein statleg politikk ut i livet. Eit interessant spørsmål er korleis denne politikken er vorten gjennomført i praksis, og kva *verknader* han har hatt lokalt. Dette er eit område som det diverre er forska alt for lite på. Her ligg ei utfordring til ny forskning både for pedagogar og historikarar.

Litteratur

1. Baker, C. (2001). *Foundations of Bilingual Education and Bilingualism*. Clevedon: Multilingual Matters.
2. Boon, I. (1967). Et nytt undervisningsopplegg for folkeskolen i de samisktalende distrikter. I *Sámi ællin/Sameliiv. Samisk Selskaps Årbok VI*. Oslo: 11 – 17.
3. Dahl, H. (1957). *Språkpolitikk og skolestell i Finnmark 1814 til 1905*. Oslo : Universitetsforlaget.
4. Darnell, F. (red.) (1972). *Education in the North. Selected Papers of the First International Conference on Cross-Cultural Education in the Circumpolar Nations and Related Articles*. University of Alaska. Artic Institute of North America.
5. Darnell, F. og Hoëm, A. (1996). *Taken to Extremes. Education in the Far North*. Oslo: Scandinavian University Press.
6. Den parlamentariske skolekommisjon (1926). *Utkast til lov om folkeskolen på landet*. Oslo: Det mallingske bogtrykkeri.
7. Eriksen, E. H. (red.) (1996). *Sámi oahpahusráđđi 20 jagi*. Guovdageaidnu: Sámi oahpahusráđđi.
8. Eriksen, K. E og Niemi, E. (1981). *Den finske fare. Minoritetspolitikk i nord 1860-1940*. Oslo: Universitetsforlaget.
9. Fokstad, P. (1926). Brev, dagsett 10.9. 1924, sitert i: Den parlamentariske skolekommisjon. *Utkast til lov om folkeskolen på landet*. Oslo: Det mallingske bogtrykkeri. S. 103ff.
10. Idivuoma, L.S. (1986). *Samisk eller norsk? Faktorer som påvirker samiske foreldres valg av undervisningsspråk for sine barn*. (Uprenta hovudoppgåve i spesialpedagogikk) Oslo: Statens spesiallærerhøgskole.
11. *Instruks angaaende brugen af lappisk og kvænsk som hjælpesprog ved undervisningen i folkeskolen hvor dette af Kirkedepartementet er tilladt i henhold til landsskolelovens paragraf 73, 2 led*. (1898). Kristiania: Kirkedepartementet.
12. Jahr, E. H. (1984). *Talemålet i skolen. En studie av drøftinger og bestemmelser om muntlig språkbruk i folkeskolen (fra 1874 til 1925)*. Oslo: Novus forlag.
13. Jernsletten, R. (1986). *Samebevegelsen i Norge. Ide og strategi 1900 – 1940*. (Uprenta hovudfagsoppgåve) Institutt for samfunnsvitenskap. Tromsø: Universitetet i Tromsø.
14. *Mønsterplan for grunnskolen*. (1987). Oslo: Aschehoug.
15. *Normalplan for landsfolkeskolen*. (1939). Oslo: Aschehoug.
16. Skutnabb-Kangas, T. (1981). *Tvåspråkighet*. Lund: Liber läromedel.
17. *10-jagi vuodđoskuvlla sámi oahppoplánat*. (1997). Oslo: Gonagaslaš girko-, oahpahus- ja dutkandepartementa.

SPRÅK I GUOVDAGEAIDNU

Guovdageaidnu ligg i eit område der samisk er det dominerande språket, og der norsk ikkje har ei lang historie. I dag er Guovdageaidnu ein del av staten Noreg der norsk er majoritetsspråket. Som minoritetsgruppe i storsamfunnet har samar i stor grad opplevt ei stigmatisering i høve til etniske nordmenn. Samisk levesett og tradisjonar har av mange blitt oppfatta som kulturelt sett mindre utvikla enn norsk levesett og tradisjonar [5, 6, 27, 37], og det å lære norsk har så vore framstilt som eit vilkår for å kunna komma opp på same kultursteget som nordmenn [6, 27]. Andreas Larsen gjev ei skjønnlitterær skildring av slike holdningar og kva konsekvensar dei kunne få for samisk sjølvkjensle, i romanen *Bæivve-Alggo* (1912).

Vi har lett for å meine ting om tilhøve i fortida ut frå det vi veit om vår eiga samtid. Såleis er det lett å slutte at samisk språk støtt har hatt lågare prestisje og vørndnad i storsamfunnet enn norsk, og at det blir verre di lenger ein går attende. Det ser ikkje ut til at så har vore tilfelle. Koloniseringa av samiske område sette inn i høg mellomalderen [13]. Ei slik kolonisering førte til at likeverdige relasjonar mellom to grupper vart erstatta av eit system der den eine gruppa definerte kva som var rett og gale. Den norske kongemakta fekk også eit behov for å legitimere at dei skulle ha råderett også i gamle samiske område (Steinsland 2014) og over «en folkegruppe med egne ledere og egne territorier» (Steinsland 2014: 193) . Som ei følgje av koloniseringa av Sápmi fekk fremmede statsmakter større og større råderom i Guovdageaidnu mot slutten av mellomalderen og frametter [22, 32]. Til å byrja med var det skatteoppkrevjarar som stod for kontakten, og dei hadde ikkje fast tilhald på staden.

Styresmakter og språk i samiske område

Dei målsmennene for dei fremmede styresmaktene samar fyrst og fremst kom i kontakt med, var misjonærar. Misjonering og opplæring har gått hand i hand i lange periodar av koloniseringstida, og eg skal freiste å gje eit kort oversyn over kva språkpolitikk som har vore følgd i kyrkje og opplæring frå slutten av 1600-talet fram til i dag. Målet er å seia noko om kva språk som har vore til stades i det daglege i Guovdageaidnu. Det som skjer i den obligatoriske skolen, får konsekvensar for alle. Likevel er det slik at kontakten med skolen og kyrkja var svært liten for dei fleste også i lang tid etter at obligatorisk opplæring vart innført. Elevar på landet hadde lenge berre nokre få veker skole per år [24]. I 1812 sende biskop Schønheyder ut ei fråsegn om at kvar unge i Guovdageaidnu skulle ha minst seks vekers undervisning per år [32], men mangel på kvalifiserte lærarar og prestemangel gjorde at det ikkje var råd å etterleva denne instruksjonen [32]. I 1862 var den påbodne skoleplikta framleis seks veker per år per unge [32]. I 1872 vedtok skolestyret

¹ Nils Dannemark, PhD in Linguistics, Cand.philol. in Nordic languages, Professor, Sami University College (Norway). E-mail: nils.dannemark@samiskhs.no.

i Guovdageaidnu at kvar unge i omgangsskolen skulle ha fire vekers undervisning per år [32]. Nokon viktig faktor kunne altså ikkje skolen bli for elevane.

Likevel var skolen eit organ statsmakta kunne nå folk gjennom. Eg ser derfor meir noggrant på kva forskrifter som har vore gjeldande i skolen enn det som galdt i kyrkja, i tida etter at skolen fekk ei fast organisering og overtok mykje av det opplæringsarbeidet misjonen og kyrkja tidlegare hadde hatt. Eg ser på planar fram til og med læreplanen frå 2006 med revidering 2013.

1.1.1 Misjonerings- og opplæringspråk

1.1.1.1 Tida fram til 1850

Fram til 1756 var det svensk statsmakt som var ordensmakt i austre delen av det som no er Guovdageainnu suohkan / Kautokeino kommune [32]. I Máze var det dansk-norsk ordensmakt som rådde. I perioden frå 1674 til 1755 hørte Guovdageaidnu prestegjeld til den svenske kyrkja. Guovdageaidnu vart rekna som ein del av Torne lappmark [16, 20]. I denne tida vart samisk og finsk nytta som kyrkje- og opplæringsmål i Torne lappmark [13, 32, 33], så svensk vart aldri nytta som kyrkje- eller opplæringsmål i Guovdageaidnu jamvel om det budde svenske sokneprestar der. Den fyrste soknepresten som budde fast i Guovdageaidnu, var Anders Tornensis [22, 34]. Han skal ha busett seg i bygda i 1684 [34]. I 1751 vart det underskrive ein grensetraktat mellom Danmark-Norge og Sverige om samiske område [34]. Etter dette har heile Guovdageaidnu lege under dansk-norsk og seinare norsk styring.

På slutten av 1600-talet vart misjonering ein del av striden mellom svenske og dansk-norske styresmakter om råderetten over samiske område (NOU 1985, 14:44). Til å byrja med ser det ut til at "samene i alle fall noe på vei ble møtt på deres egne premisser" (loc. cit.), og det vart lagt vekt på at misjonærene skulle kunna samisk (loc.cit.). Dette synet ser ut til å ha rådd både på svensk og norsk side.

Tidleg på 1700-talet vart pietismen rådande i dansk-norsk kyrkjeliv. Pietismen legg stor vekt på den subjektive opplevinga, og på tilhøvet den einskilde har til kristendomen [11]. Målsmenn for kyrkja meinte det var viktig å gje opplæring på samisk og å sørgje for samiskspråkleg litteratur som kunne hjelpe samar til å finne frelsa [33]. Thomas Westen, ein av dei fremste misjonærene i samiske område på denne tida, grunnla *Seminarium Scholasticum*, ein skole som skulle utdanen lærarar og prestar for arbeid i samiske område, i 1717. Etter at von Westen døydd i 1727, vart skolen nedlagd [19].

Sentrale personar som biskopane Peder Krog (biskop 1688–1731 [25] og Eiler Hagerup d.e. (biskop 1731–1743 [25]) i Trondheim hadde eit anna syn på dette, og hevda at dansk måtte brukast [33]. Ludvig Harboe, som var biskop frå 1743 til 1748 [33], meinte den einaste farande vegen var å nytte samisk, og etterfølgjaren hans, Nannestad, biskop frå 1748 til 1758 [33], delte dette synet jamvel om han i 1752 gav ein instruks om at den som hadde misjonærstillinga for samane, fyrst og fremst skulle "ha ungdommens opplæring for øie" og "fremfor alt skal han holde de unge til å lære og lese norsk" [32]. Same året vart det samiske seminariet i Trondheim gjenopprett under namnet *Seminarium lapponicum*

[13, 32]. Målet for seminaret var å utdanne misjonærar og lærarar [33] som skulle kunna undervise samar på deira eige mål. Da Guovdageaidnu kom under dansk-norsk styring, var altså også diskusjonen om kva mål som skulle nyttast i opplæring og misjonering i Sápmi, kommen i gang [13]. Samisk var ikkje lenger eit sjølvstøtt val, slik det ser ut til å ha vore i tidleg misjonering.

3. november 1774 kom så ei kongeleg forskrift som påbaud at norsk skulle brukast ("skal med de Unges Underviisning iblandt Lapperne forholdes paa ovenanførte Maade") [30]. *Ovenanførte Maade* vil seia: "at det derimod vilde være bedre, at der blev gjort Begyndelse med at indføre det Norske Sprog iblandt Lapperne, saa at især de Unge af dem bleve tilholdte at lære deres Christendom paa Norsk" ([30], attgjeving av ein notis frå *Biskopen til Trundhjems Stift*). Likevel ser det ut til at det framleis har vore ei vanleg oppfatning blant skolefolk og prestar at samar måtte få utdanning på sitt eige mål. I 1848 gav presten Nils Vibe Stockfleth ut ei bok om stoda for samar i Noreg der han konkluderte med at det var naudsynt med opplæring på eige mål [35]. I ei bok om kvenar same året kom han til same konklusjonen for den folkegruppa òg [36].

1.1.1.2 Tida frå 1850 til 1967

I tida etter 1850 møtte synspunkt som dei Stockfleth hadde, mykje motbør. I romantikken vart ideen om den samlande nasjonen viktig, og etter at Noreg vart løyst frå Danmark, vart ideen om nasjonalstaten svært sentral også hos oss. Styresmaktene tok til å oppfatte norskopplæring som eit viktig siktemål for å skapa ein slik nasjonalstat, og dette førte til at opplæring på samisk ikkje vart ført vidare slik Stockfleth hadde ynskt. I ein språkinstruks frå 1862 vart samisk nemnt som hjelpespråk, og hovudmålet var altså at norsk skulle innførast (Instruks 1862). Instruksjonen galdt ikkje "saadanne kretse (...) i hvilke enten norsk eller lappisk Sprog er eneraadende" (loc.cit.). Denne lina vart styrkt med språkinstruksjonen for lærarar av 1880. Den slår fast at alle kvenske og samiske barn skal lære å lesa og snakke norsk (Instruks 1880). Den tidlegare passusen frå 1862 og 1870 om at samiske og kvenske elevar også skulle lære å lesa sitt eige mål, vart strøket (loc. cit.). Samisk og kvensk skulle nyttast berre når det var "helt uomgjængelig fornødent" (loc. cit.). Berre når det som vart sagt på norsk, var "uforstaaeligt for børnene" (loc.cit.), kunne samisk og kvensk nyttast. Det vart heller ikkje lenger skilt mellom krinsar der samisk var einerådande, og krinsar der begge mål var nytta. Norsk mål vart altså innført i skolen også i indre Finnmark med instruksjonen frå 1880. Venstre-staten førte denne fornorskinglina vidare mellom anna gjennom å gje einskapsskolen ei sterk stilling, og ei av oppgåvene for einskapsskolen var å fremje ei sams nasjonalkjensle (Slagstad 1998:97). Eivind Bråastad Jensen seier:

Denne oppvåkne nasjonalismen i et land som først fikk sin uavhengighet i 1814, og som fram til 1905 både strevde for å utvikle en kulturell identitet og for oppløsning av unionen med Sverige, kunne ikke gi noe godt klima for andre folkegrupper innafør landets grenser, som ikke delte majoritetens språk og kultur. [19]

Det vart oppfatta som viktig at samar skulle lære seg norsk, og lina Stockfleth hadde stått for, fekk ingen plass i den nye Venstre-staten. Samar skulle altså ikkje få opplæring på samisk, men innføring i nasjonalspråket norsk.

Fram til 1974 følgde norskundervisninga for samiskspråklege elevar i Noreg i store drag same planar som anna norskundervisning i Noreg. Så lenge det fanst egne planar for landsfolkeskolen, var det desse som galdt i Guovdageaidnu.

1.1.1.3 Tida frå 1967 til 2005

1.1.1.3.1 Undervisningsplanar

I 1963 vedtok Stortinget eit tillegg til lov om folkeskolen frå 1959 i samband med drøftinga av innstillinga frå Samekomiteen [38]. I tilleggget står: "Etter avgjerd frå departementet kan det nyttast samisk til opplæringsmål i skolen" [38]. Dette inneber eit prinsipielt brot med den fornorskingslina som hadde vore ført fram til da [19]. I 1967 vart det så sett i gang begynnaropplæring på samisk i to samiske kommunar i Finnmark [4, 9, 39] Kautokeino kommunearkiv: referat frå skolestyresak 12/67), Kárášjohka og Guovdageaidnu. Departementet gav løyve til å setja i gang opplæringa (Kautokeino kommunearkiv: brev frå skoledirektøren i Finnmark 13. januar 1967). Grunnskolelova frå 1969 stadfestar tilleggget Stortinget vedtok i 1963 til folkeskolelova i 1963, og gjer val av samisk i skolen til ein rett for foreldre som sjølve nyttar samisk som fyrstespråk (loc.cit.). Etter lovtillaget frå 1963 kunne opplæring gjevast berre etter vedtak av departementet (loc.cit.).

Med den nye mønsterplanen for grunnskolen frå 1974 kom det egne planar for samisk som morsmålsfag. I planen står det: "I språkblandingsdistrikta kan foreldre som nyttar samisk som dagleg talemål, krevje opplæring på samisk for barna sine" [28]. Den same planen seier: "Det er rimeleg å tenkje seg at hovudvekta vil ligge på samisk språk og samisk kultur på dei lågaste klassestega, og at den gradvis vil gå over til å liggje på norsk språk og norsk kultur på dei høgaste klassestega i grunnskolen" (loc.cit.). Det ser ut til at planen legg opp til at samisk berre skal vera eit hjelpemiddel som fyrst og fremst skal føre til at det blir lettare for samiskspråklege barn å lære norsk. Det står rett nok at "begge må vere med frå først til sist" (loc.cit.), men i planen blir det berre nemnt at "norsk [må] komme inn på dei første klassestega som det første framandspråket" (loc.cit.), og det blir ikkje sagt noko om bruk av samisk. I planen står det vidare: "dernest siktar opplæring i samisk på å halde oppe og føre vidare samisk språk og samiske kulturtradisjonar" (loc.cit.), men planen seier ikkje noko om korleis ein skal nå dette målet. Planen seier klart at norsk skal vera det viktigaste språket på høgare klassesteg, og på mellomsteget, altså seinast i daverande sjetten klasse, skulle elevane ha gått over til å nytte morsmålsplanen i norsk, *Norsk m/skriftforming*. Før det kunne ein nytte planen for *Norsk som framandspråk*. Det er såleis truleg at den undervisninga planen skildra, ville føre til subtraktiv tospråklegheit [40]. Dette vil falle inn under det Colin Baker i si systematisering av ulike former for tospråkleg opplæring kallar *transitional bilingual education*, 'tospråkleg overgangsopplæring', ei svak form for tospråkleg opplæring der målet er assimilering [3].

I mønsterplanen for 1987 vart tospråklegheit for fyrste gong sett opp som eit mål for undervisinga både i samisk som fyrstespråk, samisk som andrespråk og norsk for elevar med samisk som fyrstespråk. Det er også fyrste gongen omgrepa andrespråk og fyrstespråk blir nytta i ein norsk fagplan. Planen gjer det mogeleg å nytte samisk som opplæringsmål i alle klassar i grunnskolen. *Jamstelling* mellom norskspråklege og samiskspråklege barn blir forklart slik i planen:

Reell jamstelling mellom skoletilbodet for norske og samiske elevar inneber at samisk og norsk språk har lik status, og at elevar som vel samisk som fyrstespråk, får likeverdig kompetanse samanlikna med dei elevane som har norsk som fyrstespråk [29].

I M-74 er *jamstelling* forklart slik:

Målsetjinga for grunnskolen er den same i språkblandingsdistrikt som elles i landet. Det vil seie at dei samisktalande elevane skal først fram til same nivået som norsktalande elevar i grunnskolen. Målet er jamstelling, og berre oppnåeleg når samisktalande elevar får ei skoleutdanning som er heilt jamstelt med den all annan norsk ungdom får [28].

Ein kan tolke omgrepet *jamstelling* slik at det tyder at skilnadene mellom to grupper har forsvunne eller vorte svært små. Slik meiner eg det blir bruka i M74. Ei anna tolking av omgrepet er at ting som er ulike, blir respekterte på same nivå og gjev same status. Eg meiner M87 har denne tolkinga. M87 legg opp til det Baker kallar *maintenance*, 'oppretthalding', ein modell for tospråkleg opplæring for språklege minoritetar med vekt på L1. Baker ser munnleg og skriftleg tospråklegheit som mål for slike modellar [3].

Den fyrste eigne læreplanen for samisk opplæring i Noreg kom i 1997. I denne planen har samisk nett den same planen i opplæringa for samisktalande barn som norsk for norskspråklege barn. Det er sett opp som eit mål i denne planen at elevane skal utvikle samisk som eit tenleg bruksmål i alle situasjonar. Planen oppfattar samisk som "et middel til å skaffe seg nye synsmåter og ny kunnskap". Dette synet finst også i M87, og L97 fører såleis vidare grunnsynet i M87. I Baker si systematisering er L97 ein sterkare versjon av same modell som M87.

Odd Mathis Hætta skildrar norsk skolepolitikk etter andre verdskrigen slik: "Norsk skolepolitikk i samiske distrikter de siste 25 år har i virkeligheten ikke avveket særlig fra den harde fornorskninglinjen som ble grunnlagt ved århundreskiftet og som fortsatte hele mellomkrigstiden" [18]. Dette skriv han jamvel om det i 1972 var mogeleg å få grunnleggjande opplæring på samisk dersom foreldra ynskte det. Målet for samiskopplæringa var rettnok ikkje å utvikle samiskkunnskapane til elevane, samisk identitet og samisk som reiskap for tanken, men å få samiskspråklege barn til å lære norsk. Dette vart ikkje endra før i 1987. Likevel er det vel slik at *høvet* til å kunna velja samisk som opplæringspråk i den grunnleggjande opplæringa var eit viktig steg på vegen mot ein samisk skole.

1.1.1.3.2 Val av undervisningsspråk

Det er dei føresette som vel kva undervisningsspråk ungane deira skal ha. I Guovdageaidnu har det som nemnt vore mogeleg å velja mellom samisk og norsk i grunnleggjande opplæring i lesing og skriving på samisk frå og med 1967. Etter 1974 har det vore mogeleg å velja mellom norsk og samisk som morsmålsfag, og etter 1987 kan ein velja mellom norsk og samisk som opplæringsmål.

Tabell 1.1 a

Opplæringsmål ved Guovdageainnu mánáidskuvla / Kautokeino barneskole

Opplærings-År mål for skolestart	Samisk	Norsk
1967	13	19
1968	20	12
1969	14	16
1970	30	14
1971	26	12
1972	28	23
1973	40	14
1974	35	25
1975	34	17
1976	40	25
1977	42	17
1978	32	24
1979	32	17
1980	32	16
1981 ¹	37	14
1982 ²	36	14
1983 ³	37	15
1984 ⁴	31	14
1985	40	13
1986	44	11
1987	ingen informasjon	
1988	42	15
1989 ⁵	27	7
1990 ⁶	36	10
1991 ⁷	29	4
1992	31	8
1993	33	8
1994	34	1 ⁸
1995	35	7

1996	37	6
1997	34	6
1998	33	2
1999	24	2
2000	30	0
2001	55	1 ⁹
2002	27	2 ¹⁰
2003	33	2 ¹¹
2004	31	0 ¹²
2005		3 ¹³
2006		1
2007		
2008		
2009		
2010	23	4
2011	29	0
2012	37	1
2013	34	1
2014	31	2

¹ Tal frå det året dei elevane som begynte dette året, gjekk i 5. klasse.

² Tal frå det året dei elevane som begynte dette året, gjekk i 4. klasse.

³ Tal frå det året dei elevane som begynte dette året, gjekk i 3. klasse.

⁴ Tal frå det året dei elevane som begynte dette året, gjekk i 2. klasse.

⁵ Tal frå det året dei elevane som begynte dette året, gjekk i 5. klasse.

⁶ Tal frå det året dei elevane som begynte dette året, gjekk i 4. klasse.

⁷ Tal frå det året dei elevane som begynte dette året, gjekk i 3. klasse.

⁸ Tal frå det året dei elevane som begynte dette året, gjekk i 5. klasse.

⁹ Tal frå det året dei elevane som begynte dette året, gjekk i 4. klasse.

¹⁰ Tal frå det året dei elevane som begynte dette året, gjekk i 3. klasse.

¹¹ Tal frå det året dei elevane som begynte dette året, gjekk i 2. klasse.

¹² Tal frå 2006.

¹³ Tal frå det året dei elevane som begynte dette året, gjekk i 2. klasse.

Kjelde: Kommunearkivet i Guovdageaidnu. Ellen Marit Guttorm som var lærar ved barneskolen i Guovdageaidnu frå 1963 til 2002, har fortalt meg kva opplegg dei ulike klassane hadde, der dette ikkje går fram av klasseprotokollar. Ho var klasselærar for den fyrste klassen som hadde grunnleggjande opplæring på samisk.

Når ikkje anna er nemnt, er tala frå då elevane gjekk i fyrste klasse. I somme tilfelle har eg ikkje kunna finne tala frå fyrste klasse, men berre frå seinare årssteg. Eg har da valt å setja opp dei tala eg har funne, jamvel om tala i tabellen på det viset ikkje blir heilt samanliknbare.

På 1990-talet vart det færre elevar som hadde norsk som opplæringspråk ved barneskolen i Guovdageaidnu. Éin grunn til dette er at talet på tilsette i Luftforsvaret vart sterkt redusert på slutten av 1980-talet [8], og at gruvebransjen i Bieddjovággi vart nedlagd

[30]. Dei fleste av dei tilsette ved desse to arbeidsstadene var tilflyttarar til bygda, og ungene deira hadde i dei aller fleste tilfelle norsk som opplæringsmål. Ein annan grunn er at det dei siste 30 åra har vorte meir vanleg at ungar frå heimar der ein av foreldra snakka norsk og den andre samisk, lærer begge språk heime [8]. Dette har så ført til at fleire ungar frå tospråklege heimar har hatt samisk som opplæringsmål enn tidlegare.

1.2 Kva språk har vore bruka av folk i Guovdageaidnu?

Det finst ulike kjelder som fortel kva heimespråk folk i Guovdageaidnu har nytta. Friis sine demografiske kart frå 1860 gjev oversyn over kor mange som da snakka samisk (Friis 1861). Ei undersøking som skoledirektør Karl Aas sette i gang i 1899, gjev informasjon om talemålet i heimane (Aas 1899, Meløy 1980). I folketeljingane har det vore spurt etter heimespråk fram til 1970. Etter den tida gjev Dannemark og Johansen (2001) informasjon om kva språk ungdomsskoleelevar i skoleåret 1998/99 nyttar, både som heimespråk og saman med kameratar. I 2000 vart det gjennomført ei undersøking om bruken av samisk språk i Noreg der Samisk språkråd var oppdragsgjevar. Ingen av desse undersøkingane gjev informasjon om kva mål folk har meistra i tillegg til heimespråket eller heimespråka så godt at dei er det Skutnabb-Kangas [] (1981:94) definerer som *tvåspråkig* i høve til *användning*: "Den är tvåspråkig som a. använder (eller kan använda) två språk (i de fleaste situationer) (i enlighet med sina egne önskemål och samhällets krav)". I tillegg til samisk har norsk og finsk ([32], Skum og Skum u.å.) vore språk som har vore nytta i kommunikasjon med folk i nærliggjande område og også med folk i sjølve Guovdageaidnu. Norsk og finsk har aldri vore heimespråk for særleg mange i Guovdageaidnu, og informasjon om kor utbreidd kjennskapen til desse språka har vore, må derfor søkjast i andre kjelder enn dei eg har nemnt over. Mogelege kjelder er reiseskildringar, nedskrivne minne og inntrykk og samtalar med folk i bygda.

1.2.1 Fyrstespråk

Andenæs [1] definerer *fyrstespråk* som det språket barnet veks opp med, det eg over har kalla *heimespråk*. Eit barn kan vekse opp med fleire språk enn eitt i heimen, og kan da ha to eller fleire språk som fyrstespråk. I undersøkingane eg viser til, har ein nytta omgrep som *språk i familier* (1899), *første talespråk* (1970). Sjølve omgrepet *fyrstespråk* er ikkje gammalt i norsk, men eg vel likevel å nytte det også når eg snakkar om tidlegare språksituasjonar.

Eg har sett opp tal frå 1899, 1950, 1970 og 1998/99 for å gje eit historisk oversyn over kva fyrstespråk som har vore nytta i Guovdageaidnu. Eg har også sett opp tal for Finnmark fylke når dei er tilgjengelege. I nokre tilfelle dekkjer undersøkingane berre delar av fylket.

Tabell 1.1 b

Språk i familjar, 1899

Område	Familjar	Norsk	Samisk	Kvensk	Trespråkleg	Tospråkleg
Guovdageaidnu	119	0	119	-	-	-
15 kommunar i Finnmark	1991	728	809	278	16	175

[26]

Tabell 1.1 c

Språk i familjar i folketeljinga 1950

Område	Folkemengd		Samisk			Kvensk			Samisk og kvensk			Samisk og norsk			Kvensk og norsk		
	Menn	Kvinner	M	K	S	M	K	S	M	K	S	M	K	S	M	K	S
Finnmark	28789	25692	54481	3563	6716 (12,33%)	634	747	1381 (2,53%)	20	19	39 (0,07%)	327	277	604 (1,11%)	160	124	284 (0,52%)
Guovdageaidnu	795	762	1557	662	1357 (87,15%)	2	3	5 (0,32%)	-	-	-	6	5	11 (0,71%)	-	-	-

(Kjelde: *Folketellingen 1. desember 1950: Åttende hefte: Personer født i utlandet – Fremmede statsborgere – Bruken av samisk og kvensk. 1956*)

Desse tala baserer seg på ei undersøking av talemålet i heimane i dei tre fylka Nordland, Troms og Finnmark som skoledirektør Karl Aas sette i gang i 1899 [26]. I Finnmark galdt undersøkinga kommunane Sør-Varanger, Nord-Varanger, Nesseby og Polmak, Tana med Gamvik og Berlevåg, Lebesby, Porsanger, Nordkapp, Måsøy, Søroysund, Kvalsund, Hasvik, Loppa, Talvik, Alta og Guovdageaidnu [26]. Ingen av bykommunane var med [26]. Meløy seier at det ser ut til at "Karasjøk og Vardøy landherad ikkje har svara på spørsmåla som vart sende ut" [26].

Tabell 1.1 d

Oversyn over kor mange som i folketeljinga 1970 gav opp at dei hadde samisk som fyrste talespråk

Område	Samisk fyrste talespråk			Reknar seg sjølv som same				
	Ja	Nei	Ikkje svar	Samla	Ja	Nei	Uviss	Ynskjer ikkje å svara
Finnmark	8582 (12,63%)	55749 (82,04%)	3623 (5,33%)	67954				
Guovdageaidnu	1965 (78,95%)	524 (21,05%)		2489	1899	426	107	57

[2]

Tabell 1.1 e

Oversyn over kva språk ungdomsskolelevar i 1998/99 gav opp at dei og deira føresette nytta

Område	Fyrstespråk i heimen											
	Ungdomsskolelevar					Føresette					Samla	
	Norsk som einaste språk	Samisk som einaste språk	Samisk som eitt av to eller fleire språk	Eit anna språk enn samisk og norsk	Norsk som einaste språk	Samisk som einaste språk	Samisk som eitt av to eller fleire språk	Eit anna språk enn samisk og norsk	Norsk som einaste språk	Samisk som einaste språk	Samisk som eitt av to eller fleire språk	Eit anna språk enn samisk og norsk
Guovdageaidnu	10 10,2 %	79 80,6 %	8 8,16 %	1 1,02%	24 12,44%	159 82,38%	9 4,66%	1 0,52%	34 11,68 %	238 81,79 %	17 5,84 %	2 0,69%

[8]

Tabell 1.1 f

Oversyn over kor mange ungdomsskoleelevar i 1998/99 som oppgav at dei og deira føresette nytta samisk som einaste eller eitt av fleire fyrstespråk i heimen

	Samisk som einaste eller eitt av to eller fleire fyrstespråk i heimen		
	Ungdomsskoleelevar	Føresette	Samla
Guovdageaidnu	87 (88,78 %)	168 (87,05 %)	255 (87,63 %)

[8]

Svar på slike spørjeundersøkingar treng sjølvstilt ikkje gje eit reelt bilete av tilhøva. Det kan til dømes tenkjast at dei som blir spurde, svarar ut frå kva som er rådande oppfatningar av korleis tilhøva bør vera. Dette kan så gje ulike utslag etter kva som er vanleg meinig om kva språk som har framtida for seg. Grunnen til at tala på dei som har gjeve opp at dei har samisk som fyrste talespråk, er noko lågare i 1970 enn i undersøkinga frå 1998/99, kan vera at fleire av informantane faktisk har to fyrstespråk. Aubert 1978 hadde granska det statistiske materialet som førelåg da, og seier: "Av dette materialet er det nærliggende å slutte at to samisktalende foreldre stort sett er en nødvendig, men ikke tilstrekkelig betingelse for at barna skal vokse opp med samisk som morsmål" [2]. Dannemark og Johansen [8] seier tala i deira undersøking tyder på at det er fleire som faktisk har to fyrstespråk i tida etter 1970. I ei undersøking som vart gjennomført for Samisk språkråd i år 2000, ser det ut til at delen av samisktalende av innbyggjarar i Guovdageaidnu mellom 18 og 29 år er mindre enn mellom elder (Ravna 2000). Av den samla folkesetnaden seier undersøkinga at 95 prosent seier dei kan samisk godt eller svært godt. Ifølgje Dannemark og Johansen nyttar 88,8 prosent av dei som var ungdomsskoleelevar i Guovdageaidnu 1998/99, samisk som einaste eller eitt av to eller fleire heimespråk, og 93,3 nyttar samisk som einaste eller eitt av to eller fleire språk saman med kameratar (2001:50f.). Det er truleg at dette siste talet fortel kven som meistrar samisk godt eller svært godt. Det er ikkje stor skilnad mellom denne gruppa og heile folkesetnaden.

Det ser altså ikkje ut til at dei tala vi finn i Ravna 2000, er uttrykk for ein vedvarande tendens til at samisk blir mindre nytta mellom ungdom. Torkel Rasmussen seier at tala på samisktalende i andre aldersgrupper ser ut til å vera høgare enn talet på innbyggjarar i tilsvarende grupper, og han meiner dette kanskje kan vera resultat av ein statistisk feil i undersøkinga. Årsaka til denne feilen meiner han kan vera at ein ikkje har nådd fram til aldersgruppa 18–30 med spørsmåla (2005:85f.). Rasmussen seier vidare at han ut frå eigne røynsler ikkje har grunn til å tru at det var færre samisktalende i aldersgruppa 18–29 enn i andre grupper i Guovdageaidnu i år 2000 (loc.cit.).

Det ser alt i alt ut til at det som finst av kjeldemateriale, klart viser at samisk er majoritetsspråket i Guovdageaidnu, og at det har vore det så langt tilbake som vi har opplysningar om. Det ser også ut til at fleirtalet av ungdom har samisk som fyrstespråk.

1.2.2 Kjennskap til andre språk

Som nemnt i 1.2 har finsk og norsk vore språk som folk i Guovdageaidnu har nytta i tillegg til samisk. Det finst ikkje oversikter over kor mange som har meistra desse to språka av dei som har hatt samisk som fyrstespråk. Eg skal likevel freiste å gje eit bilete av kva posisjon norsk har hatt i bygda i tida etter at Guovdageaidnu kom under norsk styre midt på 1700-talet. Eg kjem ikkje til å gå inn på kva finskkunnskapar folk har hatt, etter som det truleg ikkje har noko å seia for det emnet eg har valt å ta for meg. Det ser ut til å vera ei utbreidd oppfatning i bygda at det var vanlegare å meistre finsk tidlegare enn det er no. I ein rapport frå 1877 frå Kyrkjedepartementet blir det sagt at "der skal overhovedet findes faa Lapper, der ikke kunne meddele sig paa Kvænsk" (Hertzberg 1878:5). Forklaringa meiner forfattaren av rapporten ligg i stort samkvem mellom samar og kvenar som hørte heime i Guovdageaidnu, at "den kvænske Indflytning til Alten samt Kvænernes Markedsreiser til Bopsekop foregaar for en Del over Kautokeino", og i den nære slektskapen mellom samisk og finsk (loc.cit.).

1.2.2.1 Norsk

Som nemnt (1.1.1.1) kom det forskrifter i 1752 og 1774 som gav prestar og misjonærar påbod om å få ungdomen til å lære norsk (1752) og om å nytte norsk i undervisninga (1774). Det ser ikkje ut til at dette har ført til dei resultatane styresmaktene ynskte. Soknepresten i Guovdageaidnu frå 1786 til 1792, Samuel Bugge Budde, skriv i 1789 at svært få i Guovdageaidnu kan nytte norsk til å uttrykkje meiningane sine [32]. Dahl [6] seier om perioden frå 1826 til 1848 at det er vanskeleg å få eit oversyn over kva norskkunnskapar samar i Finnmark hadde, men han konkluderer ut frå dei kjelder som er tilgjengelege, at "det er liten grunn til å tro at samenes kjennskap til norsk har økt i noen særlig grad i dette tidsrom" [6].

Det er ikkje lettare å seia noko fast om norskkunnskapar i åra etter 1848, men visse vitnemål kan gje eit inntrykk av tilhøva. Naturforskarer Sophus Tromholt hadde eit forskingsopphald i Guovdageaidnu 1882–1883. Det fyrste møtet med folk frå bygda fekk han på veggen frå Alta opp til Guovdageaidnu. Ferda gjekk til dels med elvebåt, og med i båten var to skysskarar og lensmannen og handelsmannen i Guovdageaidnu. Han skriv dette om ferda: "Jeg ved i Sandhed ikke, hvorledes jeg skulde have klaret mig, om jeg havde været alene paa den nu følgende to Dages vanskelige Baadfart, op ad en strid Elv, fuld af Fosser, igjennem et øde, næsten ubeboet Land, og kun ledsaget af Skydsfolkene, hvis Sprog jeg lige saa lidt kjender, som de kjender mit" (Tromholt 1885:67). Skysskarar hører med til dei i ei bygd som har mest omgang med fremmede, og ein skulle tru at dei ikkje var mindre språkmektige enn andre folk. Det ligg derfor nær å rekne med at det ikkje var særleg utbreitt at folk i Guovdageaidnu kunne nytte norsk på denne tida. I ein reiserapport frå Kyrkjedepartementet frå 1877 er stoda skildra slik: "I Regelen kunne¹

¹ presens pluralis

Konfirmanderne ikke læse en norsk Bog med Forstaaelse, kunne¹ ikke engang til Nød meddele sig paa Norsk; det eneste Udbytte kan siges at være, at de kunne² forstaa de simpleste og i Daglig-Talen almindeligst forekommende norske Ord og Sætninger" (Hertzberg 1878:4). I ein rapport frå ei inspeksjonsreise til Finnmark i 1886 seier skoledirektør Killengreen at "det lappiske Sprog holder sig, som maa ventes, med stor styrke inden denne Kommune, og maa fremdeløes anvendes som Skolens Undervisningsprog" (Killengreen 1887:31).

Nokre tiår seinare seier P.L. Smith, som hadde arbeidd som sokneprest i bygda: "Den smule norsk de tilegner sig, representerer neppe nogen livsverdi – og det glemmes snart. Norsk blir aldri hverken talesprog eller skriftsprog for de virkelige lapper i Kautokeino, så meget kan man da se" [32]. Lilian Bye, som gjorde feltstudiar i Kárášjohka i 1936, skriv at vertsfolka hennar fungerte som tolkar (Bye 1939), og dette fortel vel at mange andre i bygda ikkje kunne nytte norsk som kommunikasjonsmiddel. Utsegner frå folk som voks opp på denne tida, stør oppunder det Smith og Bye seier. Eira (u.å.) seier om skoleåra sine på 30-talet: "Folk her i Guovdageaidnu kunne lite norsk i den tida. Vi hadde ikke så mye kontakt med utenomverdenen, da det ennå ikke var veier." Hætta (u.å.) seier om tida rundt 1940: "På vidda hørte vi ikke annet enn samisk, vi traff i det hele teke ikke norsktalende folk." Nils Skum er fødd i 1934, og seier at han ikkje lærte norsk før han reiste ut av Guovdageaidnu og drog til Sør-Noreg som 18-åring (Skum og Skum u.å.). I denne tida fram til andre verdskrigen ser det ut til å ha vore vanleg at dei som kom som innflyttarar til bygda, lærte seg så pass mykje samisk at dei kunne kommunisere med folk i bygda på deira morsmål [6, 14].

I tida etter andre verdskrigen ser det så ut til å ha skjedd ei endring. Kontakten med omverda vart betre da det kom veg. Fleire norsktalande kom til Guovdageaidnu i tida etter krigen for å vera med på attreisninga. Radioen vart allemannseige. Ein del reindriftssamar som hadde sommarbustad ved kysten, hadde også tidlegare lært norsk i omgang med norsktalande (Hætta u.å.). Men også ved kysten var det mange som kunne samisk i tida før andre verdskrigen, og kommunikasjonen med dei fastbuande kunne også gå føre seg på samisk (loc.cit.). I tida etter andre verdskrigen endra dette seg [5, 12]. Samisk vart i liten grad overført til den neste generasjonen i kyststroka, og dei som kunne tala det, gjorde det ofte ikkje, av di samisk var forbunde med vonde minne om stigmatisering og fattigdom [5]. Dette førte også til at reindriftssamar i større grad måtte nytte norsk under opphalda i sommarbeiteområda når dei snakka med fastbuande. *Mønsterplan for grunnskolen* [29] gjev denne forklaringa: "Assimilasjonsprosessen er og påverka av betre kommunikasjonar, av flytting til tettstader og av den auka innverknaden massemedia har fått. Alt dette har gjort at forholdet til det norske samfunnet er tettare i dag enn nokon gong før."

Det finst heller ikkje for tida etter 1945 talmateriale som syner kor mange i Guovdageaidnu som meistrar norsk slik at dei kan nytte språket i munnleg kommunikasjon. Det synest likevel som det er ei vanleg oppfatning at folk i dag er tospråklege, og at dei aller fleste meistrar norsk på eit svært høgt nivå som andrespråk. Gaup 1991 skildrar språkstoda

¹ presens pluralis

² presens pluralis

i Guovdageaidnu slik: „Endel av informantene i kommunen er enspråklige (norsktalende)“ (24). I dette ligg det vel implisitt at samisktalende er tospråklege. Mønsterplanen [29] seier: „I indre Finnmark har det vorte meir vanleg at folk er tospråklege eller har norsk som fyrstespråk.“ Alf Isak Keskitalo skildrar språksituasjonen slik: If we take a closer look at the Kautokeino community (K) in the core area, and regard it as typical, we get the following picture. Out of a population of about 2.800 persons in K, eighty per cent have Sámi as their mother tongue and first language, and the other twenty per cent Norwegian. As almost all Sámis master Norwegian, many perfectly, and only a few Norwegians (because of a widespread migration tendency, etc.) master Sámi (we can here disregard stigmatisation phenomena) we get a typical asymmetrical relationship between majority and minority languages.

[21]

Nils Øyvind Helander seier det slik: „Nowadays most Sami-speaking people are bilingual meaning that they also master either Finnish, Norwegian, Swedish or Russian. In the border areas many people are trilingual“ [15].

Norsk er altså ikkje eit språk med gamle røter i Guovdageaidnu, og det har aldri vore mange som har nytta språket som daglegspråk. *Det finst ingen fast etablert variant av norsk i Guovdageaidnu som kan nyttast som mønster for dei som skal lære seg språket.??* Dei som nyttar språket som daglegspråk, hører også dagleg samisk, og ein del med norsk som fyrstespråk har også kommunikative ferdigheiter i samisk.

Litteratur:

1. Andenæs, Ellen. 1984. Flerspråklighet – handikap eller ressurs? Anne Hvenekilde og Else Ryen (red.): *“Kan jeg få ordene dine, lærer?” Artikler om norsk som andrespråk, språkfunksjoner, tospråklighet, tokulturell undervisning*. Oslo: Landslaget for norskundervisning (LNU)/Cappelen
2. Aubert, Vilhelm. 1978. *Den samiske befolkning i Nord-Norge/ Sámi ál’bmut Davvi-Norgas*. I serien Artikler fra Statistisk Sentralbyrå, nr. 107. Oslo: Statistisk sentralbyrå
3. Baker, Colin. 2006. *Foundations of Bilingual Education and Bilingualism*. 4. utgåva. Clevedon: Multilingual Matters Ltd
4. Balto, Asta. 1996. *Samisk skolehistorie*. En kort innføring. Guovdageaidnu: Sámi allaskuvla
5. Bjørklund, Ivar. 1985. *Fjordfolket i Kvænangen. Fra samisk samfunn til norsk utkant 1550–1800*. Tromsø: Universitetsforlaget
6. Dahl, Helge. 1957. *Språkpolitikk og skolestell i Finnmark 1814 til 1905*. Oslo: Universitetsforlaget
7. Dannemark, Nils I.S. 1985. *Tempusbruk hos barn. Ein analyse av visse sider ved tempusbruken hos nokre fem–seks-åringar i Oslo*. Upublisert hovudoppgåve. Oslo: Institutt for nordisk språk og litteratur, Universitetet i Oslo
8. Dannemark, Nils, og Yngve Johansen. 2001. Ungdomsskoleelever og språkvalg i Finnmark i 1982/83 og 1998/99. *Maal og Minne* 2001/1: 41–63

9. Eira, Inger Marie Gaup (Miggal-Niillasa Issát-Niillasa Inger Márjá). 2004. *Sámegiella Davviriikkain. Stáhtus ja domenečielggadeapmi*. Guovdageaidnu: Sámi Instituhtta
10. Eira, Marie N. Logje. 2011. Tolk mellom de andre elevene og husmora. Fortalt til og oversatt av Svein Lund. *Sámi skuvlahitorjá*, 5: 350-355..
11. Elstad, Hallgeir. 2005. *Nyere norsk kristendomshistorie*. Bergen: Fagbokforlaget
12. Eythorsson, Einar. 1991. *Ressurser, livsform og lokalkunnskap*. Uprenta hovudoppgåve i samfunnsvitenskap. Tromsø: Institutt for samfunnsvitenskap, Universitetet i Tromsø
13. Hansen, Lars Ivar, og Bjørnar Olsen. 2004. *Samenes historie fram til 1750*. Oslo: Cappelen Akademisk Forlag
14. Heiberg, Inger. 1992. *Ingen kjenner solen. En bok om mine foreldre, Magna og Lorenz Smith, prestefolk i Kautokeino, Lom og Vang på Hedmarken*. [Espa]: Lokalhistorisk forlag
15. Helander, Nils Øvind. 1997. State Languages as a Challenge to Ethnicity in the Sami Land. *Northern Minority Languages. Problems of Survival*,. Senri Ethnological Studies no. 44, s. 147–159. Osaka: National Museum of Ethnology
16. Hyvärinen, Heikki J. 1997. Samenes rettslige stilling i Finland. *Urfolks landrettigheter etter folkerett og utenlandsk rett – bakgrunnsmateriale for Samerettsutvalget*. NOU 1997:5: 101–109. Oslo: Statens forvaltningstjeneste. Statens trykning
17. Hætta, Inger Marie Sokki. 2011. Det er arbeidet jeg har lært av. Fortalt til og oversatt av Svein Lund. *Sámi skuvlahitorjá*, 5: 356-361.
18. Hætta, Odd Mathis. 1972. Norsk skolepolitikk i samiske områder de siste 25 år – en oversikt. *Vår skole* 58: 15-22
19. Jensen, Eivind Bråstad. 1991. *Fra fornorskningsspolitikk mot kulturelt mangfold*. [Stonglandseidet]: Nordkalott-Forlaget
20. Johnsen, Oscar Albert. 1923. *Finmarkens politiske historie aktmæssig fremstillet*. Videnskapselskapets Skrifter. II. Hist.-filos. Klasse, 1922. No. 3. Oslo: I kommisjon hos Jacob Dybwad
21. Keskitalo, Alf Isak. 1980. The Status of the Sami Language. *Minority Languages Today*, s. 152–162. Edinburgh: University Press
22. Keskitalo, Alf Isak. 1998. *Guovdageainnu suohkangirji / Kautokeino sognebok*. Guovdageaidnu: Guovdageainnu suaohkan / Kautokeino kommune
23. Killengreen, [Jens Anathon]. 1887. *Indberetning om en Inspektionsreise til Finmarken : foretaget i Tiden fra 2den Februar til 7de Juni 1886*. Kristiania: Fabritius 1887
24. Lund, Svein. 1999. *Samisk skole eller norsk standard? Høgskolen i Akershus*. Yrkespedagogisk institutt
25. Lysaker, Trygve. 1987. *Trondhjems stift og Nidaros bispedømme 1537–1953, 1. Reformasjon og enevelde 1537–1804*. [Trondheim]: Nidaros domkirkes restaureringsarbeider
26. Meløy, L. Lind. 1980. *Internatliv i Finnmark. Skolepolitikk 1900–1940*. Oslo: Det Norske Samlaget
27. Mæhlum, Brit. 2007. *Konfrontasjoner. Når språk møtes*. Oslo: Novus
28. *Mønsterplan for grunnskolen. Nynorsk*. 1974. Oslo: Aschehoug
29. *Mønsterplan for grunnskolen. Nynorsk*. 1987. Oslo: Aschehoug

30. Prestbakmo, Hans. 1994. Bruken av utmarksressursene i Finnmark i dette århundret. *Bruk av land og vann i Finnmark i historisk perspektiv*. *Bakgrunnsmateriale for Samerettsutvalget* NOU 1994:21: 192-204. Oslo: Resolutioner og Collegialbreve Statens forvaltningstjeneste. Statens trykning
31. Skum, Nils Aslak og Margrete Skum. 2011. – Barna skulle få den skolegangen som ikkje vi fikk. Intervju og omsetjing ved Svein Lund. *Sámi skuvlahitorjá*, 5: 342-349
32. Smith, L.P. 1938. *Kautokeino og kautokeino-lappene*. Instituttet for sammenlignende kulturforskning. Serie B, Skrifter, bind 34. Oslo: H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard)
33. Steen, Adolf. 1954. *Samenes kristning og Finnemisjonen til 1888*. Oslo. Egede instituttet
34. Steen, Adolf. 1969. *Kautokeino gamle kirke*. Trondheim: Sami varas
35. Stockfleth, Nils Vibe. 1848a: *Bidrag til kundskab om qvænerne i kongeriget Norge*, Christiania: Dybwad
36. Stockfleth, Nils Vibe. 1848a: *Bidrag til kundskab om finnerne i kongeriget Norge*, Christiania: Dybwad
37. Stordahl, Vigdis. 1998. *Same i den moderne verden*. Kárášjohka: Dávvi Girji
38. Stortingsmelding nr. 21, 1962–63: Om kulturelle og økonomiske tiltak av særlig interesse for den samisktalende befolkning, 1963. 1970. *Offentlige innstillinger vedrørende samene: dokumenter og innstillinger*. [Oslo]: Folkeskolerådet
39. Todal, Jon. 2009. Undervisninga i samisk som førstespråk i Noreg. Eit kort tilbakeblikk. *Samisk skolehistorie* 3: 422–441
40. Øzerk, Kamil. 1995. *Guovttegielatvuohhta ja kognitiiva ovdáneapmi. Tospråklighet og kognitiv utvikling i pedagogisk perspektiv*. [Guovdageaidnu]. Sámi oahpahusráđđi / Samisk utdanningsråd

Алексей Бурыкин¹**СОВРЕМЕННЫЕ МИФЫ: МИФЫ О НАЧАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ ПИСЬМЕННОСТИ У МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА**MODERN MYTHS: MYTHS INITIAL PERIOD
OF WRITING AMONG MINORITIES OF THE NORTH

Мифология культуры народов Севера – сложное явление, которое характерно для относительно узкого хронологического периода – 1970-х-начала 1990-х годов. Причиной его стало несоответствие большого количества пропагандистской информации и малого – материальных произведений культуры народов Севера. Основная масса образцов оригинальной литературы на языках народов Крайнего Северо-Востока – переиздания напечатанных ранее книг. Питательной средой для этой мифологии является неадекватное восприятие культуры народов Севера самими коренными жителями, незнание ее в среде приезжего населения и утрата части научной информации о языке, литературе и культуре народов Севера в среде специалистов из-за смены поколений специалистов и образовательных стандартов. Дальнейшие перспективы этих мифов весьма туманны в силу ряда причин.

Ключевые слова: мифология, письменность, Север, коренные народы Севера, алфавит, графическая основа, дополнительные знаки, язык.

The morphology of the culture of the peoples of the North – a complex phenomenon, which is characteristic of a relatively narrow chronological period – the 1970s and early 1990s. The reason it was a mismatch of information a large number of outreach and small – pieces of material culture of the peoples of the North. The bulk samples of original literature in the languages of the peoples of the Far Northeast – reprinting previously printed books. A breeding ground for this mythology yavletsya inadequate perception of the culture of the North by the indigenous people, lack of knowledge among its population and the loss of the visitor of the scientific information on the language, literature and culture of the North among the experts due to the change of generations of specialists and educational standards. Further prospects of these myths are very vague in a number of reasons.

¹ Бурыкин Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доктор исторических наук, Институт лингвистических исследований РАН, г.Санкт-Петербург. E-mail: albury@rambler.ru

Burykin Alexey, Doctor of Philosophy, Doctor of Historical Sciences, Linguistic Research Institute, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg.

Keywords: *mythology, writing, North, indigenous peoples of the North, alphabet, graphic basis, additional signs, language.*

В современных условиях Крайнего Севера начальный этап преобразований жизни и быта коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока воспринимается самими коренными жителями Севера как некий почти фольклорный компонент их культурной и этнической истории. В этих условиях начинают формироваться представления о некоторых составляющих культуры, носящие совершенно мифологический характер.

Один из самых поистине поэтических мифов, рассказывающий о вкладе представителей коренного населения в освоение Севера и представляющий собой изысканный художественный образец устной прозы, был услышан нами в 1988 г. в тундре близ пос. Омолон Билибинского района Чукотки от эвена Николая Михайловича Дьячкова, 1934 г. рождения. Приведем его запись (рассказ на русском языке):

Рядом с нами есть совхоз, он называется “Турваургин”. Так звали чукчу, который первым нашел золото на Чукотке. Он кочевал с оленями, нашел в реке самородок золота, взял его и носил с собой. Встретился с геологами, которые искали золото, те увидели у него этот самородок, спрашивают “Ты где его нашел?”. Он показал им место, там открыли прииск, который называли по его имени – “Турваургин”. Потом на том месте создали оленеводческий совхоз, и его тоже назвали “Турваургин”.

В этой истории есть одна странность, неочевидная для непосвященного слушателя, но представляющая интерес для лингвиста. Омолонские эвены по большей части двуязычны и хорошо владеют разговорным чукотским языком (в свою очередь, омолонские чукчи, особенно женщины, иногда говорят по-эвенски свободно и без акцента). Название “Турваургин”, в чукотском звучании “Торвагыргын”, на самом деле имеет значение “Новая жизнь”, оно было весьма популярно на Чукотке в 1930-е-1960-е годы и сохранилось в названии одного из совхозов¹. То, что иноязычное название стало основой сюжета мифа, будучи осмыслено как личное имя – не удивительно, такая история многих топонимических легенд. Вполне логичен и приоритет коренного жителя, пусть соседа, перед приезжими, в столь значимой области, как добыча золота. Однако достаточно странно то, что у ближайших соседей чукчей – омолонских эвенов, знакомых с чукотским языком мог возникнуть мифологический рассказ, основывающийся на непонимании чукотского слова и переосмыслении его значения.

Надо сразу же с горечью признать, что далеко не все мифы об истории народов Севера столь поэтичны по форме и содержанию, столь наивны и безобидны по своему бытованию, и связаны непосредственно со средой носителей традиционной культуры и фольклора. Гораздо чаще они существуют вне этой среды внутри совсем иных социальных групп и затрагивают в позитивном или негативном смысле чьи-то персональные интересы.

¹ Когда в начале 2000-х годов строители-турки приехали в Анадырь строить новое здание аэропорта, а у местных жительниц появились дети – турецко-чукотские метисы, их стали называть «турчукчи». Для того, кто знает чукотский язык, это смешно вдвойне: торчавчыват по-чукотски «новые чукчи».

Одним из самых частых предметов мифологизирования в культуре коренных жителей Севера является история и судьба письменности малочисленных народов Севера. Известно, что в 1932 году письменность на латинской графической основе была введена в практику школьного и ликбезовского обучения, а также по отдельным регионам – для средств массовой информации и отчасти для местного делопроизводства для 14 коренных народов Севера. В 1936-1939 гг., а в некоторых регионах, возможно и позднее (для ряда территорий нет достоверных данных), письменность этих народов была переведена на кириллическую (русскую) графическую основу. Подробности и детали этого процесса (который, как оказалось, длился более пяти лет), выявляются только сейчас – например, нанайский алфавит был заменен на кириллический фактически в марте 1936 г., причем по инициативе местных органов и Комитета Нового алфавита и был оформлен в виде брошюры; эвенская письменность на кириллической основе стала использоваться с 1935 г., а алфавит на латинской основе сохранялся в местной газете “Оротты правда” до начала 1939 г.

Тем не менее, в среде интеллигенции различных малочисленных народов Севера (на Чукотке, в Магаданской области, в Якутии) периодически слышны голоса, утверждающие, что письменность на латинской графической основе была более совершенной и, главное, лучше приспособленной к звуковому строю языков соответствующих народов. Обычно эти голоса принадлежат педагогам, занятым составлением учебников и учебных пособий, а также научно-методических разработок по отдельным языкам, реже – писателям. Формой обнародования такой информации являются обычно разнообразные педагогические конференции и совещания районного, окружного, реже областного и республиканского уровней, семинары авторских коллективов, работающих над учебными пособиями, иногда – более широкие мероприятия, проводимые местными Ассоциациями коренных народов или региональными учреждениями культуры. Такие высказывания практически не попадают даже на страницы местной периодики; нет подобных суждений и в научно-методических изданиях, где обсуждаются в основном вопросы частичных реформ алфавита и графики языков отдельных народов. Нередко реализуются явочным порядком без согласования с административными и консультативными органами частичные, а иногда и радикальные изменения в графике отдельных языков народов Севера. Точнее выразиться – данные изменения затрагивают только состав используемых знаков, статус же многих из новоизобретенных знаков трудноопределим. Причина невозможности установить статус графических знаков одна – сплошь и рядом графическая система либо вообще не имеет алфавита как определенного порядка графических (буквенных) знаков и кодификации статуса графического знака. Так, у ханты после частичной реформы графики 1992-1993 годов вообще остался неопределенным ни набор букв, ни алфавитный порядок. Часть знаков графики языка может быть не включена в нормативный список знаков-алфавит, как это имеет место у ительменов с 1988 года – и как это имеет место в немецкой или французской графике без ущерба для обучения языкам и чтения. Возможна и такая ситуация, когда обновленный алфавит

применяется лишь в учебной литературе, и не находит поддержки в других сферах функционирования письменности, как у чукчей с 1989 г. – алфавит с добавленным «хвостатым л» применяется только педагогами и только для учебников, поскольку кириллическое Л и «хвостатое» Л не имеют словоразличительной функции.

У известного чукотского писателя Юрия Рытхэу есть небольшая повесть «Наборщик Эму». Содержание ее вкратце таково: автор, приехавший в северный поселок, встречает старого знакомого эскимоса Эму. В свое время Эму выучился грамоте, и, освоив специальность наборщика, работал в типографии, печатавшей местную газету, набирал материалы на русском, чукотском и эскимосском языках. Затем в один момент газету закрыли, печатную машину, вместо того, чтобы просто выбросить, разрезали автогенном (заметьте, действие происходит в отдаленном районе на Чукотке во время войны!), а Эму получил приказ райкома утопить шрифты в море. В финале повести ее главный герой говорит повествователю:

– Я тебе по секрету скажу, что шрифт я не утопил. Не мог я такого сделать. Я спрятал мешки. А куда – этого я даже тебе не скажу. Но если они понадобятся, я их достану. Вот так. Ждем. (Ю.С.Рытхэу. В тени айсберга. Л., 1971, с. 285).

Зададим себе вопрос: какие именно шрифты из бытовавших в разные периоды письменности северных народов мог спрятать в скалах наборщик Эму – герой рассказа Юрия Рытхэу? Могли ли это быть шрифты на латинской графике? Как видно из изложенного, эти шрифты не изымались из обращения даже в Магадане, в редакции газеты «Оротты правда», более того, они поддерживали навыки чтения и письма у тех, кто прошел курс обучения грамоте на таком алфавите. По одному из сообщений В.В. Леонтьева, латинская графика держалась в употреблении на Чукотке едва ли не до 1950-х годов, если это не опечатка.

Может быть, это были шрифты на кириллической графической основе с использованием дополнительных знаков К" и Н", которые используются в наши дни?

Дело в том, что эти шрифты с использованием отдельных литер для увулярного К" и заднеязычного носового Н" вошли в употребление для чукотского языка лишь в 1950-е годы, причем только в учебной литературе. В художественной литературе на языках народов Чукотки, издаваемой Магаданским книжным издательством (основано в 1954 г.) такие шрифты начали применяться только с 1982-83 годов.

На самой Чукотке – в Анадыре, где издавались газеты «Советская Чукотка» (ныне, с ноября 1993 г. «Крайний Север»), «Советкэн Чукотка (с мая 1953 г.; ныне «Мургин нутэнут» – «Наш край» – приложение к газете «Крайний Север»), чукотских и эскимосских шрифтов на кириллической основе с дополнительными литерами К" и Н" никогда не было. И при наборе чукотских текстов в газете «Советская Чукотка» в 40-е – начале 50-х годов, и позднее, при издании газет «Советкэн Чукотка», а с 1989 по 1994 г. «Мургин нутэнут» как отдельного самостоятельного не переводного издания, в этих изданиях применялись те же шрифты, что и при наборе русскоязычного текста окружной газеты, а соответствующие чукотские звуки передавались знаками К' и Н'. Такое положение дел, при котором в учебной и художественной литературе на чукотском языке

применялись знаки К" и Н", а в газетах и печатной продукции местной типографии – знаки К' и Н', имело место до апреля 1993 года – до того момента, когда в редакции газеты "Советская Чукотка" появились чукотские, эскимосские и эвенские шрифты со всеми необходимыми дополнительными литерами, но эти шрифты появились сразу же в компьютерном варианте. Таких шрифтов в металле на Чукотке не было никогда даже в окружном центре, не говоря уже о районных типографиях Певека, Мыса Шмидта и такого отдаленного районного центра как Лаврентия (у Рытхэу он называется Кытрын).

Отметим при этом, что в связи с нестандартным расположением дополнительных знаков на клавиатуре образовались дополнительные проблемы использования новых шрифтов. Применительно к чукотскому языку знаки К" и Н", встречающиеся в тексте довольно часто, потребовали дополнительных навыков компьютерного набора по сравнению с машинописью. Эвенские шрифты с дополнительными знаками Н", О перечеркнутое и О перечеркнутое с точками, которые имели очень неудачное расположение в клавиатуре, вводились в обиход постепенно; сначала использовался шрифт без дополнительных литер, затем вошел в применение знак Н", потом примерно через два месяца – о перечеркнутое и только в последнюю очередь знак О перечеркнутое с точками, встречающийся в ограниченном числе слов, хотя и довольно частотных.

Таким образом, запрещенные к употреблению чукотские шрифты, которые наборщику Эму было приказано утопить в море – не что иное, как не лишенный привлекательности миф, возможно, имеющий под собой событийную основу, но не имеющий и не могущий иметь предметной основы. Кстати, и выходящая в Чукотском районе газета "Заря Чукотки" (до сентября 1991 г. – "Заря коммунизма" имела солидный возраст и перестала выходить только в середине 90-х годов: при этом с 1992 по 1994 г., после выхода из строя районной типографии в с.Лаврентия эта газета набиралась и печаталась в окружной типографии в Анадыре.

В.В.Леонтьев, живший на Чукотке с 1935 года, был свидетелем всего, что связано с функционированием чукотской письменности; как педагог, проработавший более десяти лет в системе образования, он знал, как и какой письменностью пользуются чукчи – школьники и их родители; как литератор, он описал изобретение рисуночного письма чукчей Антымавле в своем романе "Антымавле-торговый человек". Сообщения из его научных работ заслуживают всяческого доверия.

С данным мифом связан второй миф о письменности малочисленных народов – согласно ему, **алфавиты на латинской основе якобы точнее передавали звуки языков малочисленных народов.** В наши дни под таким высказыванием могут подписаться представители самых разных народов. Так ли это на самом деле?

В этом случае мы имеем очень разную картину по отдельным языкам. Весьма совершенными в отношении передачи фонемного состава языков были алфавиты нивхского и удэгейского языков, в обоих случаях при разработке алфавитов учитывались экспериментально-фонетические исследования звукового строя языков. Что

касается чукотского языка, то в основе чукотской графики и орфографии лежали записи В.Г. Богораза, не всегда отличавшиеся точностью (образованные чукчи-профессиональные журналисты в 1992 г. с трудом могли прочесть слова чукотские слова, напечатанные латинским алфавитом в книге В.Г. Богораза «Материальная культура чукчей» (М., 1991), при этом около 20% слов, записанных В.Г. Богоразом, остались неидентифицированными со словами разговорного чукотского языка: подчеркиваем – в этом участвовали лучшие знатоки чукотского языка! Аналогичным образом обстоит дело с эвенским алфавитом на латинской основе (на основе Единого северного алфавита (ЕСА). Мало того, что в 1930–1940-е годы оставался не выясненным до конца состав гласных фонем (фактически вокализм эвенского языка получил адекватное описание с учетом предварительных экспериментальных данных только в самом конце 40-х годов в трудах К.А. Новиковой, опубликованных только в 1960 и 1980 годах), а более или менее адекватно отражающая его графика введена в употребление только в 1959 г., в то время как графика на основе ЕСА воспроизводила написание эвенских слов в миссионерских изданиях XIX века. Небезынтересно отметить, что в образцах эвенского фольклора, изданных в 1970-е годы XIX века, отмечаются те же особенности передачи звучания эвенских слов, что и в переводе Евангелия, хотя в этих изданиях используется запись латинским алфавитом (лишь один текст записан русскими буквами).

Таким образом, система нормативных написаний слов – орфография эвенского языка с использованием графики на основе ЕСА, не только не была фонематической, вопреки множеству работ 1940-х -1950-х годов – она была по существу традиционной, причем в достаточной степени немотивированной. То же справедливо и по отношению к чукотской орфографии. Неудачным был выбор многих знаков: если буква [э] (шва) обозначала гласный э, то чукотский краткий [ы] обозначался в чукотском алфавите на латинской основе взятым из кириллицы мягким знаком (хочется задать вопрос: знает ли об этом кто-нибудь из нынешних сторонников латинизации северных письменностей?). Более того, распространение латинского алфавита при школьном обучении иностранным языкам в его стандартном английском (чаще всего) или немецком вариантах, чего не было в 1930-е-1940-е годы в северных школах, делает ЕСА совершенно непригодным для применения: слишком велики его отличия от общепотребительного набора знаков латинской системы письма.

Есть другая разновидность мифологических рассказов о становлении и развитии письменности у народов Севера. Некоторые из пишущих на эти сюжеты, в частности, краеведы, склонны преувеличивать значение ранних форм изобразительной деятельности у северных народов, в частности, ограниченным использованием рисуночных знаков наподобие чукотской письменности Теневиля (Ср. публикации А. Макеева в газетах Корякского АО в последние годы). Представления, наведенные поистине донаучным уровнем публикаций на данные темы, оказались способными множить невежество в столь значимом вопросе на широкую аудиторию: несколько лет назад в популярной телеигре «Поле чудес» прозвучал вопрос: «Какой народ

пользуется письменностью, которую изобрел пастух?». Случайно подобранный, и оказавшийся по мысли устроителей игры правильным, ответ гласил: «Чукчи». То, что если чукчи пользуются какой-то письменностью, то эта письменность на основе русского алфавита осталась неведомой громадному большинству телезрителей во всех уголках России.

Еще один широко распространенный миф: **для развития языков и письменности много сделали писатели из среды коренных народностей**. Посмотрим, всегда ли литературная деятельность коррелирует с активной языковой деятельностью в сфере функционирования родного языка, и всегда ли литературное произведение и книга на родном языке, содержащая такое произведение – дело рук одного человека. Юрий Рытхэу написал на чукотском языке всего 4 книги из 13 изданных на чукотском языке его книг: остальные 9 переведены на чукотский язык с русского профессиональными переводчиками – мастерами своего дела М.П. Легковым, и Л.Г. Тынель. Правда, сам Ю.С. Рытхэу сыграл видную роль в издании литературы на чукотском языке и как переводчик.

Этот миф в определенной социальной среде – среде героев мифов и их ближайшего окружения, в основном педагогов, писателей, литературных критиков и журналистов, часто принимает следующую форму: «То, что сделано, сделано руками самих северян – наших современников». В начале 80-х годов в литературном мире России имело место шумная кампания, в центре которой был В.М. Санги, издавший перевод двух сказок Пушкина на восточно-сахалинский диалект нивхского языка: «Пушкин впервые заговорил по-нивхски». «Благодаря писателю (В. Санги. – А.Б.) впервые на нивхском языке в его переводах зазвучали произведения А. Пушкина, Л. Толстого, лучшие произведения советских литераторов» (В.В. Огрызко. Звуки языка родного. Магадан, 1990. С. 72). Никакие другие переводы на нивхский язык не издавались ни ранее, ни позже вплоть до настоящего времени.

Если выражаться в той же манере, то надо сказать, что Пушкин заговорил по-нивхски намного раньше, еще в 1936 г., но этого перевода «Сказки о рыбаке и рыбке», выполненного А. Тыхта, нет ни в одной библиографии по языкам и литературе народов Севера, и он стал библиографической редкостью. Статья об авторе этого перевода появилась только в библиографическом справочнике В. Огрызко в 1999 г. Заметим, что тексты этого издания по языку все же не совпадают с текстами, изданными В.М. Санги, что свидетельствует о независимости и самостоятельности позже изданного перевода. Кстати, почему-то «Сказка о рыбаке и рыбке» всегда переводилась на северные языки под названием «Рыбак и рыба», «Рыбак и рыбка» ср. нивх. ч'онан"нигвн" хара ч'о хара, эвен. олпраматти, олраккан-да, хотя у Пушкина слово «сказка» входит в заголовок текста.

Фактически любое упоминание какого-либо общественного деятеля или писателя, вышедшего из среды коренных северян в 30-40-е годы, сопровождается мифами. Так, на Чукотке после распространения по школам одного из методических материалов по литературному краеведению, получил хождение миф о том, что эскимосский

поэт, летчик по профессии Юрий Анко (1930-1960) трагически погиб в результате летного происшествия, причиной чего стали опубликованные воспоминания Ю. Рытхэу о встрече с Анко во время его работы в Анадырском авиаотряде, окрашенные в романтический тон (в настоящее время немногим известно, что подлинной причиной смерти Ю. Анко, уже после снятия его с летной работы, было самоубийство).

В среде эвенов, в особенности за пределами Якутии, были распространены представления о том, что первый эвенский поэт и прозаик Николай Тарабукин (1910-1950) был крупным ученым и внес значительный вклад в изучение и описание эвенского языка. В 2000-е годы в одном из пособий по культуре эвенов, подготовленном на Камчатке, говорилось, что Н.С. Тарабукин – автор множества книг, где воспевается родная природа и культура эвенского народа. При редактировании пришлось уточнить, что Н.С. Тарабукину принадлежит 22 стихотворения (из которых два в первых изданиях напечатаны прозой) и книга «Мое детство» (1936). В 1980 г. в пос. Эвенск Магаданской области один из наших собеседников М.Д. Дьячков партийный работник (эвен по национальности, педагог по образованию, выпускник Хабаровского пединститута – позднее автор книги сказок «Веселый Тунтукаки» (1983)), характеризуя себя, говорил, что он «представитель тарабукинского направления» в науке, и «не признает» трудов по эвенскому языку, написанных В.И. Цинциус, Л.Д. Ришес и К.А. Новиковой. Научные труды Н.С. Тарабукина не известны в печатном виде и никогда даже не упоминались в научной литературе по тунгусо-маньчжурским языкам. Похоже, что наш собеседник на тот момент не знал о своем известном соотечественнике ничего, кроме его имени и того, что он был писателем, и искренне полагал, что другие знают еще менее этого...

Предложения по реформе эвенской графики, подводящие ее под якутский графический набор, почти всегда без объяснения порядка знаков и состава алфавита, с которыми выступали В.Д. Лебедев, а ныне В.А. Кейметинов, никогда – вообще никогда! – не находили поддержки среди пишущих по-эвенски. Для того чтобы обосновать успешность той или иной реформы эвенской графики, необходимо не обивать пороги присутственных учреждений с измышлениями, в которых заключено менее 10 процентов правды, а продемонстрировать несколько десятков изданий (!), в которых участвовало бы не менее 20 авторов (!), причем имеющих разный возраст – до самых молодых, ведь забота о языке предполагает заботу о младших поколениях, а это не только дети, но и творческая молодежь. Без такого сопровождения, которое должно иллюстрировать реальную языковую практику, никакие реформы просто не нужны. Все подобные призывы остаются гласом вопиющего в тундре, ну или полицейским свистком в тундре – то и другое будет одинаково неуместным. Собственное литературное творчество В.А. Кейметинова, или как он себя называет Койэтти-Койэтмэтти (то есть, если это перевести по-русски «тот, у которого глаза смотрят друг на друга» – косою, одним словом) – несколько стихотворений-наборов слов из книжки «Хопкил галандулитнан» и таких же наборов слов, поданных как переводы стихов А.С. Пушкина на язык кобьяйских эвенов к 200-летию великого русского поэта, пророчески сказавшего «...И ныне дикой тунгус...».

Мифология культуры народов Севера – сложное явление, которое характерно для относительно узкого хронологического периода – 1970-х – начала 1990-х годов. Причина его ясна: объем пропагандистской информации о культуре народов Севера, облеченной в научнообразную и художественную форму, намного превышал объем материализованных произведений культуры этих народов, созданных за то же время. Основная масса образцов оригинальной литературы на языках народов Крайнего Северо-Востока, выпущенных в свет в названные годы – переиздания напечатанных ранее книг: переиздания занимали значительное место и среди переводной литературы. Неясно, будет ли явление мифологизации культуры иметь какое-либо продолжение. Демографически такие мифы связываются с творческой или общественной деятельностью людей, чей возраст находится в диапазоне от 70 до 50 лет – людей 1930-1950 годов рождения. Питательной средой для этой мифологии является неадекватное восприятие культуры народов Севера самими коренными жителями северных регионов, незнание ее в среде приезжего населения и отчасти утрата какого-то объема научной информации о языке, литературе и культуре народов Севера в среде специалистов в связи со сменой поколений и не в последнюю очередь вследствие изменений в образовательном стандарте и национальном составе североведов. Перспективы у этих мифов неблагоприятные: большая часть их будет, очевидно, утрачена вследствие смены поколений. Но даже более вероятно, что ту часть их, которая относится к языку и письменности, будет сведена на нет дальнейшим падением уровня языковой компетенции коренных жителей Севера, которое неизбежно еще больше снизит внимание к образцам письменной культуры малочисленных народов Севера, ныне более представляющих собой музейные предметы, подобно вышивкам и гравированным клыкам, а отнюдь не единицы библиотечного хранения, что должно было ожидать от печатных текстов.

Тамара Андреева¹

ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА И ФОЛЬКЛОРА ЭВЕНКОВ

ON THE MAIN DIRECTIONS STUDY LANGUAGE AND FOLKLORE EVENKS

В статье кратко представлены основные направления лингвистических исследований в области эвенкийского языка и фольклора, характеризуется крупный вклад тунгусоведов в изучение фонетики, грамматики, диалектологии, лексикографии и лексикологии, а также фольклористики. Обозначены результаты и перспективы изучения языка и фольклора эвенков.

Ключевые слова: эвенкийский язык, тунгусо-маньчжурские языки, фонетические, грамматические, лексикографические исследования, диалектология, социолингвистика, фольклор.

The article summarizes the main trends of linguistic research in the field of the Evenk language and folklore, it is characterized by a major contribution to the study of tungusovedov phonetics, grammar, dialectology, lexicography and lexicology, and folklore. Marked results and prospects of studying the language and folklore of Evenki.

Keywords: Evenki language, Tungus languages, phonetic, grammatical, lexicographical research, dialectology, sociolinguistics, folklore.

Изучение языков народов Севера имеет длительную историю, истоки которой ведут к концу XVII в. [1]. Первые труды, включающие материалы этих языков, принадлежат зарубежным ученым Н. Витзену, Д.Г. Мессершмидту и Ф.И. Страленбергу. Публикации лингвистического материала названных и большинства более поздних исследователей дореволюционного времени чаще всего ограничивались краткими списками слов, отрывочными фразами и переводами небольших текстов религиозного содержания и делались они не столько с лингвистическими, сколько с историко-этнографическими целями. Особое место в дореволюционной истории изучения северных языков принадлежат С.П. Крашенинникову, М.А. Кастрену и ссыльным

¹ Андреева Тамара Егоровна, кандидат филологических наук, заместитель директора Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. E-mail: taan2001@mail.ru

Andreeva Tamara, Candidate of Philological Sciences, Deputy Director, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

народовольцам Л.Я. Штернбергу, В.И. Иохельсону и В.Г. Богоразу, получившим широкую известность крупнейших для своего времени специалистов по этнографии и языкам народов Сибири.

Более планомерное изучение языков народов Севера началось с конца 20-х годов XX в., когда была поставлена задача создания письменности на ранее бесписьменных языках этих народностей. С тех пор вплоть до настоящего времени исследовательская работа в этой области тесно связана с языковедческой практикой – с разработкой вопросов письменности, развитием литературных языков, созданием литературы, школьным преподаванием и подготовкой учителей.

Письменность была создана и продолжает развиваться на эвенкийском, эвенском, юкагирском языках. Исключительную роль в создании письменности и изучении языков народностей Севера и в подготовке кадров практических и научных работников сыграл в свое время Институт народов Севера (существовал в Ленинграде с 1930 по 1941 г.).

Среди тунгусо-маньчжурских языков наибольшей диалектной расчлененностью отличаются эвенкийский и эвенский языки. Тунгусоведы выделяют в эвенкийском языке 3 наречия, около 15 диалектов и примерно 50 говоров. Именно эти языки были подвергнуты в наибольшей мере диалектологическому изучению [5].

В изучение диалектов эвенкийского языка значительный вклад внесла Г.М. Василевич, которая за 30 с лишним лет обследовала путем экспедиционных поездок большинство территориальных групп эвенков, расселенных почти по всей Восточной Сибири и в ряде районов Дальнего Востока. Собранные материалы легли в основу изданных ею «Эвенкийско-русского диалектологического словаря» (1934) и «Очерков диалектов эвенкийского (тунгусского) языка» (1948). Позднее в эту работу включились В.А. Горцевская, В.Д. Колесникова, А.Ф. Бойцова, О.А. Константинова, Е.П. Лебедева, К.А.Новикова, А.В. Романова, А.Н. Мыреева, Т.З. Пукшанская, Н.Я. Булатова, М.Д. Симонов, Л.М. Бродская, М.М. Хасанова, А.М. Певнов, Т.Е. Андреева, Е.Ф. Афанасьева, Д.М. Берелтуева и др., которые подготовили монографические описания и статьи по отдельным диалектам.

С 1932 г. начато эспериментально-фонетическое изучение эвенкийского языка в Лаборатории экспериментальной фонетики Ленинградского государственного университета под руководством Л.Р. Зиндера, с конца 1960 г. – в ЛЭФИ ОИИФ СО РАН под руководством В.М. Наделяева, в 80-е годы – в секторе диалектологии и экспериментальной фонетики ИЯЛИ ЯФ СО РАН (рук. И.Е. Алексеев), сыгравшие большую роль в тунгусоведении. Результаты исследований опубликованы в монографиях Константиновой О.А. «Эвенкийский язык» (1964), Андреевой Т.Е. «Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка» (1988), «Словесное ударение в эвенкийском языке» (2001), «Принципы организации звуковой системы эвенкийского языка» (2008).

После решения задач, связанных с созданием письменности, перед североведами-лингвистами встали новые задачи, среди которых важное место занимает созда-

ние словарей, различных учебных пособий по родным языкам, учебников и самоучителей по грамматикам языков народов Севера, рассчитанные на практическое овладение. К наиболее важным можно отнести работы Горцевского А.А. «Фонетические трудности при обучении детей эвенков (тунгусов) русскому языку» (1939), Василевич Г.М. Учебник эвенкийского (тунгусского) языка (1934).

Первый этап исследования эвенкийского языка в советское время, связанный с тридцатыми годами, был в основном рекогносцировочным и имел экстенсивный характер, что определялось в основном задачами языковой практики. Исследование эвенкийского языка продолжалась непрерывно, стимулируемое практикой преподавания в школах, в педучилищах и вузах, а также и общим ходом развития языковедческой науки. Накапливаются новые, более обширные материалы, проясняются некоторые вопросы теории грамматического строя. Это позволило перейти на новый, более высокий этап исследовательской работы, отразившийся в издании трудов по грамматике, в том числе «Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка» Г.М. Василевич (1940).

Второй этап, знаменовавшийся дальнейшим углублением и повышением теоретического уровня исследований и связанный для большинства языков с сороковыми годами, был представлен изданием серии очерков грамматик, учебных пособий для педучилищ и словарей среднего типа. Он подготовил переход к третьему этапу, начавшемуся в первой половине пятидесятых годов – этапу разработки относительно полных научных грамматик и словарей, имеющих важное значение для научного изучения, преподавания и развития литературных языков народностей Севера. Опубликованы монографические исследования по грамматике эвенкийского языка: Константинова О.А. «Эвенкийский язык» (М.-Л., 1964), Колесникова В.Д. «Синтаксис эвенкийского языка» (М.-Л., 1966), Горелова Л.М. «Категория вида в эвенкийском языке» (Новосибирск, 1979), Хасанова М.М. «Повелительное наклонение в эвенкийском языке» (Л., 1986), Горцевская В.А. «Формы отрицания в эвенкийском языке» (Л., 1941), Лебедева Е. П. «Наречия места в эвенкийском языке.» (Л., 1936), Варламова Г.И. «Фразеологизмы в эвенкийском языке» (Новосибирск, 1986), Бродская Л.М. «Сложноподчиненное предложение в эвенкийском языке» (Новосибирск, 1988), Андреева Т.Е. «Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка» (Новосибирск, 1988), Романова А.В., Мыреева А.Н., Барашков П.П. «Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков» (Л., 1975).

Отдельным вопросам грамматики эвенкийского языков посвящены статьи М.Д. Симонова, Л.М. Бродской, М.М. Хасановой, А.М. Певнова, Л.М. Гореловой, Б.В. Болдырева, Н.Я. Булатовой, Н.Н. Гладковой, Ю.Д. Сверчковой, С.Л. Чарекова, Е.Ф. Афанасьевой, Т.Е. Андреевой, Д.М. Берелтуевой, П.П. Багаевой и др.

Заметно возрос также уровень лексикографической работы, что позволило разработать и издать двуязычные словари с детальной разработкой семантической структуры слов, широким показом их употребления в потоке речи. Из них перечислим: Болдырев Б.В. «Русско-эвенкийский словарь (400 слов)» (М., 1988), Болдырев Б.В.

«Русско-эвенкийский словарь» (Новосибирск, 1994); Василевич Г.М. «Эвенкийско-русский словарь» (М., 1968), Мыреева А.Н. «Эвенкийско-русский словарь» (Новосибирск, 2004), Романова А.В., Мыреева А.Н. «Диалектологический словарь эвенкийского языка: материалы говоров эвенков Якутии» / Под ред. Г.М. Василевич (Л., 1968). Учебные словари по эвенкийскому языку составлены Г.М. Василевич, З.Н. Пикуновой, Ю.Д. Сверчковой, Афанасьевой Е.Ф., Берелтуевой Д.М. и другими.

Крупным достижением в области сравнительной лексикографии является «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» (1975, 1977). Словарь, составленный В.А. Горцевской, В.Д. Колесниковой, О.А. Константиновой, К.А. Новиковой, Т.И. Петровой, В.И. Цинциус и Т.Т. Бугаевой под руководством В.И. Цинциус, является фундаментальной сводкой лексического материала, поскольку в нем учтены не только все доступные печатные, но и различные рукописные источники.

Первые шаги в изучении истории тунгусо-маньчжурских языков сделаны – это сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, составленной В.И. Цинциус (1949), труды О.П. Суника «Глагол в тунгусо-маньчжурских языках» (1962); «Существительное в тунгусо-маньчжурских языках» (1982), Б.В. Болдырева «Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках» (1976), «Словообразование имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках» (1987). Сравнительному изучению отдельных вопросов морфологии, синтаксиса, лексики и фонетики тунгусо-маньчжурских языков посвящены ряд статей В.И. Цинциус, О.П. Суника, В.А. Аврорина, Б.В. Болдырева. В работах А.Ф. Бойцовой, В.А. Горцевской, Е.П. Лебедевой, М.М. Хасановой рассматриваются отдельные вопросы морфологии и синтаксиса эвенкийского языка в сравнении с другими родственными языками. Немецкий алтаист Бенцинг на материалах, советских специалистов составил и опубликовал краткую сравнительную грамматику тунгусо-маньчжурских языков – «Die tungusischen Sprachen/ Versuch einer vergleichenden Grammatic» (Висбаден, 1959).

Сравнительно немногочисленные исследования появляются в области алтаистики – это известные работы Г.И. Рамстедта [4], В. Котвича [2] и др., а также коллективные труды по сравнительному изучению тунгусо-маньчжурских и других алтайских языков [3].

Краткий обзор состояния изученности эвенкийского языка позволил определить направление и характер дальнейшей работы в этой области. Задачи развития и совершенствования литературных языков народов Севера, в том числе и эвенкийского, издания литературы и повышения качества преподавания родных и русского языков в школах РС(Я) и в специальных средних высших учебных заведениях требуют продолжения на все повышающемся теоретическом уровне начатой ранее работы по изучению диалектов, фонетики, грамматики и лексики языков народов Севера.

В ИПМНС СО РАН в период с 1991 г. до слияния с ИГИ АН РС(Я) были начаты и продолжают исследования по новым направлениям – социолингвистике и психолингвистике [5]. В монографии К.Н. Стручкова «Функционирование эвенкийского языка в сфере образования Республики Саха (Якутия)» обсуждаются актуальные вопросы

функционирования эвенкийского языка; дается описание языковой ситуации эвенков Якутии; излагаются основные принципы современной образовательной политики РС (Я).

Следует продолжать работу по созданию описательной грамматики эвенкийского языка. Откладывать изучение исчезающих языков народов Севера на продолжительное время нельзя, так как они уже вступили на путь слияния с более крупными народами, что неизбежно влечет за собой постепенное сужение сферы применения этих языков. Промедление с описанием языков народов Севера может привести к тому, что эти языки останутся известными науке лишь по их названиям да самым кратким, отрывочным сведениям о них, как это случилось с исчезнувшими ныне языками ороков, чуванцев. Кроме того, это затруднит и сравнительно-историческое изучение как самих тунгусо-маньчжурских языков, так и языковой алтайской группы.

Наряду с созданием монографических описаний грамматического строя должна продолжаться и разработка отдельных теоретических вопросов грамматики. До сих пор в научной литературе получила освещение, да и то далеко не исчерпывающее, лишь незначительная часть вопросов, связанных с характерными особенностями грамматической структуры весьма разнообразных по своему строю языков народов Севера. Эвенкийский язык, как и другие тунгусо-маньчжурские языки, может дать богатый материал для дальнейшей разработки проблемы отдельности слова, разграничения сложного слова и словосочетания, морфологической структуры слова, проблемы возникновения служебных слов и аффиксов, разграничения простых и сложных, личных и безличных предложений и целого ряда других проблем общего языкознания. Кроме того, структурные сходства между языками народов Севера и другими (родственными и неродственными) языками создают благоприятную основу для широкого круга исследований, имеющих важное значение для разработки общелингвистических проблем.

Необходимо продолжать работу по глубокому изучению лексики эвенкийского языка. Это необходимо как для дальнейшего совершенствования и нормализации языка, так и для теории языкознания. Уже сейчас ощущается острая нехватка материала по тунгусо-маньчжурским языкам как лексического, так и грамматического. Это сдерживает и компаративистские исследования как тунгусо-маньчжурских, так и алтайских языков. Для серьезной постановки лексикологической работы требуется создание максимально полных словарей, отражающих по возможности все оттенки значений и условия употребления каждого слова. На выполнение этой задачи при малом числе специалистов (а по некоторым языкам при полном их отсутствии) потребуется порядочное время.

Должно продолжаться и расширяться изучение истории эвенкийского и других тунгусо-маньчжурских языков. При отсутствии памятников древней письменности для такого изучения первостепенное значение имеет сравнительно-историческое изучение родственных языков и диалектов языка. И здесь отрицательно сказывается тот факт, что не все тунгусо-маньчжурские языки имеют серьезные академические грамматики.

Для выяснения вопросов истории языков тунгусо-маньчжурской группы и истории самих этих народов весьма важное значение имеет изучение взаимовлияния как родственных языков в период их раздельного существования, так и неродственных языков. Глубокое и всестороннее изучение эвенкийского и всех тунгусо-маньчжурских языков, несомненно, будет способствовать более плодотворному изучению и всей алтайской языковой общности. В настоящее время в секторе ведутся исследования в этой области.

Как видим, в разностороннее изучение эвенкийского языка вложено немало труда, и этот труд принес заметные результаты. Но задачи на будущее намного сложнее и труднее того, что уже сделано.

В деле собирания и изучения фольклора народов Сибири также выделяют несколько этапов. Начальный этап (XVIII – нач. XIX в.) связан с экспедициями АН. Русские ученые проявляли особый интерес к Сибири, к истории, этнографии и фольклору населяющих ее народов. Специально разработанные программы известных сибирских экспедиций содержали вопросы о народной жизни и творчестве, об устной поэзии и мифологии.

Благодаря подвижническому труду собирателей и исследователей были созданы богатейшие коллекции многоязычного фольклора зауральской части России. У тунгусов собирательскую работу вел М.А. Кастрен.

Большое значение для широкого читателя и для самой фольклористики имели двуязычные издания национальных фольклорных произведений с переводом на русский язык, предпринятые рядом ведущих ученых. К ним относятся публикации текстов Г.М. Василевич «Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору», «Исторический фольклор эвенков».

Эвенкийские фольклорные тексты в большом объеме также сохранены для науки трудами М.Г. Воскобойникова, А.В. Романовой, А.Н. Мыреевой, Н.Я. Булатовой, Г.М. Варламовой, а также местных собирателей и литераторов (Н. Оегир и др.).

Идея издания накопленного многими поколениями собирателей фольклорного материала, лежащего без движения в рукописных архивах, принадлежала сибирским ученым-фольклористам. Она была поддержана руководством Сибирского отделения специальным решением в 1981 г. Возглавил работу по подготовке серии к изданию А.Б. Соктоев. В создании серии от эвенков принимали активное участие А.Н. Мыреева, Г.И. Варламова, Н. Я. Булатова.

Научные принципы, ставшие новым подходом в эдиционной практике и реализованные в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», стали фундаментальной базой в становлении уникальной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Публикация эпических памятников осуществлялись на современной академической основе с раскрытием музыкальной природы произведений, соблюдением фольклорной аутентичности, сохранением языковой диалектологической подлинности и своеобразия, сопровождением научным и предельно информативным справочным аппаратом, фольклористическим переводом, нацеленным на адекватное раскрытие образной и стилиевой системы сказаний.

С 1990 началась публикация томов серии «Памятники фольклора». На сегодня из запланированных трех томов в советский период опубликовано два по фольклору эвенков, составителями которых являются А.Н. Мыреева «Эвенкийские героические сказания: Храбрый Содани-богатырь. Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде» (том 1, 1990), Г.И. Варламова «Обрядовая поэзия и песни эвенков» (2 том, 2015), получивших признание в мировой гуманитарной науке. По широте поставленных задач, тщательно разработанной научной концепции сибирская серия предстает как крупный научно-издательский проект конца XX и начала XXI в.

Исследования эвенкийского этноса Г.М.Василевич стали надежной основой для дальнейшего развития тунгусоведения. Особую актуальность приобрели в последнее время изыскания Г.М.Василевич в области шаманства, верований, пространственных представлений, а также социальной организации эвенков. Ее труды по фольклору эвенков имеют огромное значение в понимании сложнейших процессов развития традиционного мировоззрения и общественного устройства. Невозможно переоценить вклад Василевич Г.М. в тунгусоведение и сибиреведческую науку в целом. Своими трудами она не только кардинально продвинула эти исследования, но и создала прочный фундамент для их плодотворного продолжения.

Специалисты считают, что в традиционном социуме приходится проявлять беспокойство за судьбу культурного наследия народов Сибири и Дальнего Востока, устное народное творчество практически не развивается. С каждым годом по разным причинам всем исследователям становится все труднее собирать аутентичный материал по фольклору не только эвенков, но и других народов Севера.

Г.И. Варламова, А.Н. Варламов и их ученики успешно продолжают исследовательские и рецептивные традиции тунгусоведов. Галина Ивановна – автор первого крупного исследования эпических и обрядовых жанров эвенкийского фольклора: героических сказаний *нимнгаканов*, мифов *нимнгаканов*, преданий *улгуров* и обрядовых жанров. А.Н. Варламов раскрывает специфику историзма в эвенкийском фольклоре, обозначаемую как особую систему представлений и норм, выражающих своеобразную историческую память этноса через сюжеты, мотивы и образы.

В 2015 г. вышел из печати 32 том «Памятников фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, второй из трех запланированных томов по фольклору эвенков. «Обрядовая поэзия и песни эвенков» – это первое комплексное издание эвенкийского поэтического фольклора. В том включены 180 текстов (заклинания, описания обрядов, запевы круговых танцев, песни) с параллельным русским переводом, фольклористическая и музыковедческая статьи, справочный аппарат, нотные примеры и фотоиллюстрации. Прилагаемый компакт-диск представляет живое звучание публикуемых музыкальных произведений.

Для выполнения описанных задач Институту нужны высококвалифицированные специалисты по языкам народов Севера.

Научные сотрудники секторов эвенкийской филологии работают в тесном контакте с Департаментом по делам народов РС(Я), Советом по языковой политике при

Главе РС (Я), министерством образования РС(Я), выполняя их задания, участвуя в подготовке и реализации правительственных решений и программ по социально-экономическому развитию народов Севера, в подготовке съездов коренных малочисленных народов Севера. По результатам работы представлялись докладные записки, в которых поднимались актуальные вопросы развития традиционных отраслей хозяйствования, подготовки национальных кадров, материального уровня жизни, образования и изучения родных языков и др.

Литература

1. Горцевская, В.А. Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков / В.А. Горцевская. – Ленинград : Учпедгиз, 1959. – 79 с.
2. Котвич, В. Исследование по алтайским языкам / В. Котвич. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1962. – 371 с.
3. Проблема общности алтайских языков. – Ленинград : Наука, 1971. – 404 с.
4. Рамстедт, Г.И. Введение в алтайское языкознание / Г.И. Рамстедт. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1957. – 255 с.
5. Стручков, К.Н. Функционирование эвенкийского языка в сфере образования РС(Я) / К.Н. Стручков. – Новосибирск : Наука, 2009. – 120 с.

References

1. Gortsevskaya, V.A. Outline of the history of the study of Tungus languages. – Leningrad : Uchpedgiz, 1959. – 79 p.
2. Kotvich, V. Study Altaic languages. – Moscow : Publishing House of Foreign Lit., 1962. – 371 p.
3. The problem of community Altai languages. – Leningrad : Nauka, 1971. – 404 p.
4. Ramstedt, G.I. Introduction to Altaic linguistics. – Moscow : Publishing House of Foreign Lit., 1957. – 255 p.
5. Struchkova, K.N. The functioning of the Evenk language in the education of Sakha (Yakutia). – Novosibirsk : Nauka, 2009. – 120 p.

Сардана Шарина¹**ЭВЕНСКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ**

EVEN LANGUAGE: PROBLEMS OF CONSERVATION

В статье рассматриваются особенности языковой ситуации у эвенов в Республике Саха (Якутия), которые определяются некоторыми региональными факторами. С точки зрения реального функционирования эвенского языка ситуация оценивается как кризисная в связи с постепенной утратой языка. Это предполагает создание более благоприятной языковой среды не только через сохранение традиционного образа жизни, но и расширение социальной среды функционирования языка эвенов. Дается анализ условий, которые могут способствовать полноценному функционированию эвенского языка и улучшению языковой ситуации.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, языковая ситуация, эвенский язык, языковая среда, функционирование, обучение.

In the article the features of language situation at the Evens in the Republic of Sakha (Yakutia), determined by certain regional factors are analyzed. From the perspective of the real functioning of the Even language situation is clearly ranked as the crisis in connection with the gradual loss of language. It involves the creation of a more favorable language environment not only through the preservation of traditional ways of life, but also the expansion of the social environment of language functioning Evens. The analysis of the conditions that can contribute to the full functioning of the Even language and improve the linguistic situation.

Keywords: indigenous peoples of the North, the linguistic situation, the Even language, language environment, operation, training.

Эвены представляют собой северо-восточное подразделение собственно тунгусов, относятся к сибирско-маньчжурской этногенетической ветви. Из тунгусо-маньчжуров они оказались первыми, кто освоил самые высокие широты планеты и донес до настоящего времени самобытный язык и уникальную культуру, сохраняя и пере-

¹ Шарина Сардана Ивановна, кандидат филологических наук, заведующий сектором Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН. E-mail: sarshar@mail.ru

Sharina Sardana, Candidate of Philological Sciences, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

давая новым поколениям непревзойденные навыки природопользования, оленеводство и промыслы, показывая тем самым уникальный пример успешной адаптации в экстремально суровых природно-климатических условиях Арктики и Севера.

В настоящее время эвены проживают в пяти административно-территориальных образованиях Российской Федерации: в Магаданской области – в Ольском, Северо-Эвенском, Среднеканском, Сусуманском, Тенькинском районах и г. Магадане; в Хабаровском крае – в Охотском районе; в Чукотском автономном округе – в Анадырском, Билибинском районах и г. Анадыре; в Камчатской области – в Быстринском районе, в Корякии (ныне в составе Камчатской области) – в Олюторском, Пенжинском и Тигильском районах, и пос. Палана; в Республике Саха (Якутия) – в Абыйском, Аллаиховском, Булуномском, Верхнеколымском, Верхоянском, Кобяйском, Момском, Нижнеколымском, Оймяконском, Среднеколымском, Томпонском, Усть-Янском, Эвено-Бытантайском улусах.

Численность эвенов в Российской Федерации по данным Всероссийской переписи 2010 года составляет 21830 человек. Динамика численности такова: в 1959 году эвенов насчитывалось 9 121 человек, в 1970 г. – 12 029 человек, в 1979 г. – 12 529 человек, в 1989 г. – 17 199 человек, в 2002 г. – 19071. Численность эвенов увеличивается. Более 80% эвенов имеет профессиональное высшее и среднее, а также общее среднее образование; создана высококвалифицированная национальная интеллигенция, состоящая из талантливых и широко известных ученых, писателей, педагогов, врачей, деятелей искусства, специалистов сельского и промышленного хозяйства; изданы фундаментальные труды по эвенской филологии и культуре.

Вместе с тем в настоящее время все острее проявляются проблемы, которые носят сложный социальный, экономический, правовой и экологический характер. Эвены проживают в 13 улусах Республики Саха (Якутия), в основном арктических. По уровню развития как производственной, так и, особенно, социальной инфраструктуры, по ряду других параметров, Арктическая зона значительно отстает не только от средних показателей по России, но и от показателей многих районов (улусов) республики. Традиционные виды хозяйствования (оленоводство, охотничий и рыболовный промысел) неконкурентоспособны, что обусловлено высокими транспортными затратами на перевозку продукции, отсутствием современных предприятий по комплексной переработке сырья. Показатели рождаемости по арктическим улусам ниже соответствующих республиканских показателей. Сохраняется высокий уровень смертности от несчастных случаев и других внешних причин. В местах компактного проживания малочисленных народов Севера отмечается короткая продолжительность жизни. Средняя ожидаемая продолжительность жизни коренных малочисленных народов Севера у мужчин снизилась до 45 лет, женщин – до 55 лет и тенденция к сокращению продолжается.

Уровень жизни населения этих мест отстает от среднереспубликанского по целому ряду таких жизненно важных показателей, как жилищно-коммунальные и бытовые условия, медицинское обслуживание, условия труда, обеспеченность дет-

скими учреждениями, возможности рационального проведения летнего периода и культурного досуга. В населенных пунктах арктических улусов значительное число клубных учреждений и библиотек требует капитального ремонта, многие находятся в аварийном состоянии. Объекты детских дошкольных учреждений и школ в основном относятся к группе с неудовлетворительным санитарно-техническим состоянием. Здания деревянные, без коммунального благоустройства. Недостаточна оснащенность материально-технической базы специализированных лечебных учреждений. Одной из острых проблем, стоящих перед арктическими улусами, является занятость населения.

Приведенные факторы обусловили необходимость формирования особой государственной политики в отношении устойчивого развития арктического региона, предусматривающей системные меры по укреплению социально-экономического потенциала [1].

Первоочередной задачей, требующей в настоящее время безотлагательного решения, является развитие традиционных видов хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера. Оленеводство, охотничий и рыболовный промысел – не только отрасли хозяйствования, но и традиционный уклад жизни, от сохранения и развития которого зависит судьба уникальных языков и культур. Ведь сохраняющиеся в оленеводстве однонациональные разновозрастные коллективы – это коллектив говорящих, коллектив пользователей языка.

Одной из остро стоящих проблем является утрата эвенскими родного языка. Ведь язык является одним из важных признаков народа как исторического субъекта, ядром духовной культуры этноса, является не только средством передачи знаний и культурных ценностей, но и важнейшим способом видения и понимания мира, и утрата языка является, в сущности, исчезновением народа.

Сегодня общая языковая ситуация с эвенским языком с точки зрения реального функционирования однозначно оценивается как кризисная. Наблюдается постепенная утрата языка, степень владения коррелирует с возрастом носителей, интенсивный размах приобретают русско-якутские ассимиляционные процессы.

Особенности языковой ситуации у эвенов Республики Саха (Якутия) определяют несколькими факторами.

Первый фактор – территориальный: наличествует исключительная диалектная разобщенность. Степень этнической консолидации в отличие от других народов отличается сторону понижения в силу исторических и географических факторов. Различия в хозяйстве и культуре между отдельными территориальными группами также достаточно значительны и обусловлены различными природно-климатическими условиями и этнокультурными связями.

Второй фактор – этносоциальный: в РС(Я) для большинства исторически характерно национально-якутское двуязычие, а в XX в. – национально-якутско-русское трехязычие. Якутский язык играет практически ту же роль, что и русский язык для других регионов проживания коренных малочисленных народов Севера, в том чис-

ле он выполняет роль языка межэтнического общения. Для отдельных улусов, таких, как Нижнеколымский, характерно многоязычие, выраженное в распространении эвенского, юкагирского, чукотского и якутского языков и диалекта русских старожилов – колымчан за пределами соответствующих этносов. Характер использования этих языков как средств межэтнического общения требует специального исследования [2].

Особенности языковой ситуации коренных малочисленных народов Севера РС(Я) порождают ряд серьезных проблем в преподавании языков в школах республики, развитии художественной литературы, популяризации образцов фольклора, работе средств массовой информации.

По данным переписи 2010 года в Республике Саха (Якутия) проживают более 15 тысяч эвенов, по нашим данным из них владеют родным языком лишь около четверти (25%). По существу получилось так, что абсолютное большинство эвенов не знает языка своего народа. Например, в Верхнеколымском районе проживает эвенского населения – 72 человека, владеют языком лишь 14 %, в Усть-Янском районе – около 7% из общего числа эвенов. Такая картина утраты родного языка наблюдается почти во всех местах проживания эвенов. В силу хозяйственно-культурной специфики определенных групп эвенов языковая ситуация остается более-менее благоприятной для пользования языком в 4 населенных пунктах компактного проживания эвенов: в с. Березовка Среднеколымского, с. Себян-Кюель Кобяйского, с. Тополиное Томпонского, с. Андрюшкино Нижнеколымского улусов. Сложившееся положение нельзя считать нормальным.

Языковая среда, в которой язык чувствует себя комфортно и существует стабильно – это разновозрастная языковая среда. Это значит, что для сохранения языка необходимо избежать старения языкового коллектива. Это может быть достигнуто двумя способами: изучением языка как первого, материнского, а если это условие не выполняется или языковая политика подразумевает языковой сдвиг при получении образования – возможность оптимизированного изучения языка при получении образования или иным способом в любом возрасте, причем второе условие желательно к исполнению не только для этнических пользователей. Здесь надо иметь в виду, что для этого у представителей малочисленных этносов нужны определенные мотивации.

В условиях утраты традиционных коммуникативных функций родных языков, сужения сферы и среды их функционирования концептуально важным для ревитализации языков малочисленных народов Севера является целенаправленная деятельность по обучению языкам малочисленных народов Севера в образовательных учреждениях. В общеобразовательных учебных заведениях в зависимости от статуса языка и социолингвистической ситуации из 4 образовательных моделей обучения родным языкам и их изучения реализуются всего 2 модели: изучение родного языка в качестве предмета; изучение родного языка невладельцами [3].

В реализации обеих моделей огромное значение имеет решение учителя с выбором системы и технологии обучения. Здесь важным составляющим является ре-

сурсное обеспечение учителя. И если работающие по первой модели учителя более или менее обеспечены различного рода и уровня учебниками и пособиями, то для обучения родному языку невладеющих в настоящий момент нет ни одного учебника или пособия, кроме картинных словарей и нескольких разговорников.

Реальная языковая ситуация такова, что из детей, изучающих языки КМНС, не владеют ими более 70% детей. Имеющиеся учебники не отвечают современным требованиям, рассчитаны только на владеющее языком меньшинство и обслуживают только интересы 1/4 детей. Современные учебники родного языка для народов Севера по своему типу не соответствуют реальной языковой ситуации. Если первоначально учебник служил лишь средством обучения грамоте на родном языке, на котором же велось и обучение, то, уже, по крайней мере, 30 лет назад, учебник родного языка должен был стать средством обучения языку. Среди педагогов стало расхожей фразой то, что дети изучают эвенский, эвенкийский или юкагирский как иностранные языки. Однако, учебники эвенского языка тем не менее до сих пор не стали в методическом плане похожими на учебники иностранного языка, обучающие языку как средству общения, а не только грамоте.

Анализ работы показывает, что изучение родного языка невладеющими методом погружения с целью интенсивного усвоения языка пользуется большим успехом у детей и взрослого населения мест компактного проживания коренных малочисленных народов Севера. Так, в результате академического 45-минутного урока совершенно не владеющие эвенским (с. Найба Булунского улуса – 2008 г., с. Казачье Усть-Янского улуса – 2011 г, преподаватель В.Г. Белолюбская), или эвенкийским языком (с. Хатыстыр Алданского улуса – 2011 г., учитель М.М. Кулешова) дети в конце урока написали мини-сочинения, рассказы. Результат весьма воодушевил детей и их родителей, дети, присутствовавшие на уроках, подчеркнули в анкетах, что они хотят учить родной (эвенский, эвенкийский) язык.

Данная методика, предполагающая упор на устный язык и запрет на пользование другим языком на уроке, не столько обучает, сколько заинтересовывает учащихся, создает положительный импульс по отношению к языку и культуре предков, повышает уровень мотивации детей к изучению языков коренных народов Севера, что совершенно немаловажно в условиях наметившейся опасной тенденции утраты интереса у детей к культуре предков, к родному языку в местах компактного проживания народов Севера, где еще функционирует языковая среда (например, в с. Себян-Кюель Кобяйского, с. Березовка Среднеколымского и др.).

Однако изучение родного языка невладеющими методом погружения с целью интенсивного усвоения языка в данное время используется не повсеместно. На общественных началах силами преподавателей СВФУ им. М.К. Аммосова в рамках реализации проектов по языковому образованию эвенов и эвенков (пилотный проект Департамента по делам народов и федеративным отношениям РС(Я)) удалось приобрести определенное количество учителей к данному методу. Но его использование, в связи, с отсутствием какой бы то ни было программы и пособий, предполагает боль-

шой творческий потенциал учителя, организацию весьма затратных семинаров и мастер-классов (учитывая авиатранспорт). Здесь есть альтернатива в виде создания специального ресурсного методического веб-сайта для учителей языков коренных малочисленных народов Севера с видео уроками лучших методистов. Веление времени – внедрение инновационных технологий в образование детей малочисленных народов Севера: создание электронных образовательных ресурсов, электронных пособий по обучению языкам и их помещение на ресурсный сайт для учителей.

Специализированные учреждения, которые призваны решать приведенные методические проблемы, создавать учебники и организовывать курсы повышения квалификации преподавателей родных языков по данной методике сегодня заняты неконструктивной реформаторской инициативой в области эвенской письменности, которая в настоящий момент не может быть рекомендована, так как представляемый вариант графики оценивается специалистами как проект, основанный на некорректных описаниях звукового строя эвенского языка, не имеющий серьезного научного обоснования. В ситуации исключительной диалектной разобщенности утверждение и распространение предлагаемой графики, основанной на нормах якутской графики, может рассматриваться как ущемление прав на свои языковые особенности целого ряда групп эвенов – березовских, части момских, верхнеколымских, а, возможно, и других групп эвенов Якутии, язык которых относится к восточному и среднему наречиям, что приведет к расколу среди представителей национальной интеллигенции и не будет способствовать дальнейшей этнической консолидации эвенов. Ведь уже на протяжении 57 лет действует эвенский письменный язык, поддерживаемый литературой, практикой преподавания, изданием учебников, различными словарями, который используется во всех регионах проживания эвенов. Нормы эвенского языка установлены в виде опубликованных текстов в течение пяти десятков лет на существующей графике, а правила правописания кодифицированы в двуязычных словарях, составленных авторитетными учеными с научными степенями. Сегодня, когда эвенский язык стоит на грани исчезновения, веление времени – не опыты с графической системой, а перестройка методики и методов обучения языку юных эвенов, разработка новых учебно-методических пособий.

Следующая проблема – системность в обучении языкам коренных малочисленных народов Севера, в том числе и эвенскому. Нужно отдать должное Министерству образования нашей республики, дети школьного возраста все-таки планомерно вовлечены в обучение языков. Но при условиях отсутствия сферы обращения языков и языковой среды после окончания школы все усилия по обучению языкам представителей коренных малочисленных народов Севера сводятся на нет. В сфере профессионального образования в настоящее время языки коренных малочисленных народов Севера изучаются только на кафедре северной филологии СВФУ им. М.К.Аммосова и Якутском педагогическом колледже. Среди представителей коренных малочисленных народов Севера в последнее время заметно увеличился количественный показатель обучающихся по специальностям технического и технологического направления, весьма высок показатель поступающих на экономические и медицинские

специальности, отмечается заметное ежегодное повышение количественного показателя зачисленных на рабочие специальности. Почему бы не продолжить изучение родных языков молодежью коренных малочисленных народов Севера в условиях вузовского образования? В настоящий момент назрела необходимость введения преподавания языков коренных малочисленных народов Севера на всех факультетах СВФУ, других ВУЗах, ССУЗах, учреждениях НПО. Сегодня студенты вузов Якутии – представители коренных малочисленных народов Севера из мест их компактного проживания получают ощутимую финансовую компенсацию дополнительно к стипендии. Здесь одним из условий получения данных выплат может быть занятие в факультативах по родным языкам коренных малочисленных народов Севера.

В республике регулярно проводятся различные фестивали, организуются конкурсы, смотры, национальные праздники коренных малочисленных народов Севера. Не обойден вниманием и такой культурный феномен, как эпические сказания тунгусских народов нимкан и нимџакан. Исполнители фольклора эвенков и эвенков официально удостоены республиканского звания «Сказитель». Это особенно ценно сегодня, когда у малочисленных народов Севера повсеместно отмечается утрата сказительской традиции. Специалисты в конце прошлого века уже отмечали эпическую фольклорную смерть у таких тунгусо-маньчжурских народов, как негидальцы, ороки, солоны и др. В настоящее время, по нашим сведениям, на территории Якутии только благодаря единичным нимкаланам, в том числе жительнице с. Тополиное Томпонского района Осениной Дарье Михайловне, жительнице с. Березовка Среднеколымского улуса Хабаровской Анне Ивановне, у эвенков пока функционирует эпическое исполнение как важный компонент фольклорной традиции эвенков. В дальнейшем следует обратить более пристальное внимание на эпическую фольклорную традицию эвенков, принять ряд мер для ее сохранения и развития, в том числе предусмотреть стипендиальную поддержку сказителей-нимкаланов.

Ежегодно издаются художественные издания на языках малочисленных народов Севера. Функционирует ТО «Геван» НВК «Саха», вещающий по телевидению на эвенском, правда, выделяемое количество часов на эфир, ничтожно мало. Не ведется радиопередач на эвенском языке и не выпускается ни одна эвенская газета, за исключением эвенских страниц в газете «Илкэн».

Важным направлением активного созидательного языкового строительства представляется содействие использованию официальных языков в общественной жизни в местах компактного проживания малочисленных народов Севера: проведении культурных мероприятий, работы СМИ, административных органов и государственной службы. На сегодня в районах республики не выпускается ни одного печатного издания на языках малочисленных народов Севера, нет действенных программ и курсов по повышению квалификации и т.д. для взрослого населения, не используются официальные языки и в административных и государственных учреждениях. В этой ситуации целесообразным было бы в каждом муниципальном образовании мест компактного проживания малочисленных народов Севера ввести практику курсовой подготовки взрослого населения на родных языках, начать работу по ис-

пользованию на своей территории официальных языков в делопроизводстве, в виде вывесок, плакатов, табличек и проч.

Большое значение имеет также лингвистическое обеспечение развития языков, обслуживающее в первую очередь хранение языковой информации и ее передачу в пространстве и во времени (создание различных типов грамматик и национально-русских и русско-национальных словарей различного объема и предназначения, издание памятников фольклора и др.). В этом направлении ведет работу ИГИПМНС СО РАН, в активе которого – готовые к печати работы, которые сегодня не могут быть изданы из-за отсутствия средств.

Соблюдение всех перечисленных условий могло бы способствовать улучшению языковой ситуации у эвенов и созданию условий для поддержания более или менее полноценного функционирования эвенского языка на перспективу.

Литература

1. Шарина, С.И. Проблема защиты интересов населения Арктики / С.И. Шарина // Правовые и социально-экономические проблемы развития народов Арктики. Материалы международной научно-практической конференции. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2012. – С. 66-73.

2. Шарина, С.И. Особенности языковой ситуации у малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) / С.И. Шарина // European Social Science Journal. Европейский журнал социальных наук. – 2012. – №6 (22). – С. 188-191.

3. Шарина, С.И. Ревитализация языков малочисленных народов Севера через призму образования / С.И. Шарина // Теория и методика обучения языкам, литературам и культуре народов РФ в контексте диалога культур в поликультурном образовательном пространстве : материалы Всероссийской научно-методической конференции. – Якутск, 2012. – С. 151-154.

References

1. Sharina, S.I.. The problem of protecting the interests of the Arctic population / S.I. Sharina // Legal and socio-economic problems of the peoples of the Arctic. Proceedings of the international scientific-practical conference. – Yakutsk: NEFU Publishing House, 2012. – P. 66-73.

2. Sharina, S.I. Features of the language situation among minorities of the North of the Republic of Sakha (Yakutia) / S.I. Sharina // European Social Science Journal. European Journal of Social Sciences. -2012. – №6 (22). – P. 188-191.

3. Sharina, S.I. Revitalization of language minorities of the North through the prism of education / S.I. Sharina // Theory and methods of teaching language, literature and culture of the peoples of the Russian Federation in the context of dialogue between cultures in a multicultural educational environment. Proceedings of Scientific Conference. – Yakutsk, 2012. – P. 151-154.

Кирилл Стручков¹

О РЕЗУЛЬТАТАХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕКТОРА СЕВЕРНОЙ ФИЛОЛОГИИ

ON THE RESULTS OF RESEARCH LEXICOGRAPHICAL PHILOLOGY OF THE NORTHERN SECTOR

В статье представлены основные лексикографические труды тунгусоведов Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, опубликованные в период с середины XX в до настоящего времени.

Ключевые слова: тунгусоведение, эвенкийский язык, наречие, говор, диалектологический, словарь, лексика, духовная, материальная культура, исконная, взаимодействие.

The article presents the main lexicographical works tungusovedov Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, published in the period from the middle of the XX century to the present.

Keywords: tungusovedenie, Evenki language, dialect, accent, dialectological, dictionary, vocabulary, spiritual, material culture, aboriginal, interaction.

Основными направлениями научной деятельности эвенковедов института являются лингвистическое описание эвенкийского языка и его говоров, в том числе лексикографическое описание эвенкийских говоров.

В статье представлены результаты лексикографической работы тунгусоведов института за прошедшие годы, начиная с 1958 г.

Якутское тунгусоведение относительно молодое. Исследования языков народов Севера началось в ИЯЛИ в конце 60-х годов с приходом на работу в Институт ведущих специалистов по эвенкийскому языку кандидата педагогических наук Агнии Васильевны Романовой и кандидата филологических наук Анны Николаевны Мыреевой. Ими в соавторстве подготовлены и изданы свыше 60 научных трудов по языку и фольклору. Это и диалектологические исследования, и фольклористические статьи, и лексикографические работы [4, 5, 6].

¹ Стручков Кирилл Намсараевич, кандидат филологических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, E-mail: kafedrasev@mail.ru

Struchkov Kirill, Candidate of Philological Sciences, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Работа Романовой А.В., Мыреевой А.Н. и Барашкова П.П. «Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков» [5] является началом исследований, предпринятых Северной группой Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР. Второй выпуск диалектологических материалов по говорам эвенков Якутской АССР «Очерки учурского, майского и тоттинского говоров» является продолжением работ А. Н. Мыреевой и А. В. Романовой по изучению языка эвенков.

В 1968 г. выходит из печати совместный труд эвенковедов по лексикографии – «Диалектологический словарь эвенкийского языка: по материалам говоров эвенков Якутии» [6]. Это третий выпуск диалектологических материалов по изучению говоров эвенков. В словаре сведены материалы, собранные составителями в 1958-1963 гг. во время командировок в места расселения эвенков – в Олекминский, Учурский, Алданский районы Якутии, в Аяно-Майский район Хабаровского края, а также М.Г. Колесовым в 1956 г. в Тимптонском районе (чульманский говор). Для сравнения с лексикой говоров эвенков Якутии привлечены слова из словаря Г.М. Василевич, для сравнения с эвенкой лексикой – из словаря В.И. Цинциус и Л.Д. Ришес, для сравнения с якутской лексикой – из словаря Э.К. Пекарского и орфографического словаря якутского языка, для сравнения с русской лексикой – из словаря С.И. Ожегова.

При составлении словаря авторы ставили «следующие задачи: 1) выявить отношение говоров эвенков Якутии к соседним (крайневосточным и южным) эвенкийским говорам, а также к другим диалектам эвенкийского языка; систематизация лексики в этом плане необходима также для освещения вопроса истории расселения тунгусов (современных эвенков и эвенов) по территории современной Якутии; 2) показать лексические заимствования из эвенского, якутского и русского языков, что необходимо для разработки проблемы взаимовлияний и взаимосвязей эвенкийского и эвенского, эвенкийского и якутского, эвенкийского и русского языков (заимствования из ранних тюркских языков не указываются)» [6].

Словарь Романовой А.В. и Мыреевой А.Н. обладает лексикографической информативностью, он отражает не только общеэвенкийскую лексику говоров эвенков Якутии, но и иноязычные заимствования, попавшие в эвенкийский язык из родственного ему эвенского, а также из русского и якутского языков. Несомненным достоинством надо отметить, что он действительно является лингвистическим, а не просто переводным двуязычным словарем.

Следующим крупным достижением якутских тунгусоведов в области лексикографии является «Эвенкийско-русский словарь», содержащий около 30 000 слов, изданный в издательстве «Наука» в Новосибирске в 2004 г. [4]. Он включен в серию «Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. III.). Издание выполнено в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Историко-культурная эволюция, современное положение и перспективы устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (проект «Языки малочисленных народов Севера в системе этнокультурного взаимодействия»).

Этот словарь на сегодняшний день является самым полным словарем, в список его источников вошли ранее опубликованные словари Г.М. Василевич, Б.В. Болдырева, полевые материалы, собранные А.Н. Мыреевой и др. во время научных экспедиций в 1958—1999 гг. [1, 2]. Научными сотрудниками сектора северной филологии тщательно были проработаны художественная литература эвенкийских писателей, переводная с русского языка на эвенкийский художественная и общественно-политическая литература, учебные издания. В словарь вошла также лексика языка эвенков, проживающих в КНР.

В него включены, кроме собственно эвенкийских, и заимствованные из других языков слова – из русского, бурятского, монгольского и якутского языков.

В составлении первичных словарных статей участвовали: Т. Е. Андреева (буква Е); П. П. Багаева (буквы В, Д, Д'; И); Г. И. Варламова (буква Г), Н. Е. Кудрина (буквы Л, М, Н, Н'; Ъ, О, П, У, Э, Ю, Я). Вся техническая работа над словарём выполнена Л. Е. Кудриной. Руководителем проекта была кандидат филологических наук А.Н. Мыреева, известный в России тунгусовед, имеющая большой лексикографический опыт.

По своему содержанию словарь является диалектологическим. Слова снабжены пометами говоров и диалектов. Составители ставили своей задачей оказать посильную помощь эвенкам-учителям, учащимся, переводчикам, студентам при изучении эвенкийского языка, чтении эвенкийских газет, общественно-политической литературы и при переводе с эвенкийского языка на русский. Словарь может быть полезен также и исследователям, занимающимся изучением урало-алтайских, в том числе и тунгусо-маньчжурских языков.

Материалы словаря дают возможность ставить и решать новые задачи, связанные с изучением лексики в традиционных аспектах (системно-семантическом, словообразовательном, мотивационном, этимологическом и др.) и новых, в частности когнитивном, ориентированном на изучение соотношения языка диалектоносителей и их мышления, языка и сознания, мироощущения, мировосприятия эвенков, языковой личности диалектоносителя, лингвокультурологическом, направленном на выявление фрагментов материальной и духовной культуры эвенков в семантике диалектных лексических и фразеологических единиц, на установление когнитивных источников образных слов и т.д.

Словарь является бесценным источником данных о концептуальной картине мира эвенков. Любой диалектный словарь, в том числе и, говоров эвенкийского языка, является языковым памятником материальной и духовной культуры эвенков, из которого черпают знания об эвенке, человеке труда, его мироощущениях, миропонимании, его представлениях о нравственности, о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Такие типы словарей дают также богатейший материал для сопоставительных исследований лексики в разных аспектах.

К таким словарям относятся словари, подготовленные нашими сотрудниками в сотрудничестве с Благовещенским государственным педагогическим университетом в рамках реализации долгосрочной целевой программы «Развитие туризма и этнокультурного наследия в Амурской области на 2012-2016 годы» – «Словарь джелтулакского говора амурских эвенков» из 2-х частей [1, 2].

Настоящий «Словарь джелтулакского говора амурских эвенков» ставит своей задачей зафиксировать лексику исчезающего говора эвенкийского языка.

Данный словарь, содержащий 16300 слов в первой части и 4000 слов во второй части, составлен на основе словарных материалов, записанных носительницей **джелтулакского** говора учительницей-пенсионеркой Мальчакиной Раисой Егоровной, проживавшей в поселке Усть-Нюкжа Тындинского района Амурской области. Иллюстративный контекстный материал всесторонне раскрывает семантику и грамматическое функционирование уникального диалектного слова. Словарные материалы дополняют образцы речи эвенков джелтулакского говора, статья о фонетических, морфологических и лексических особенностях говора, краткие исторические сведения об эвенках данной локальной группы и сведения о составителях словаря. Авторами Приложения являются доктор филологических наук Г.И. Варламова и кандидат филологических наук Андреева Т.Е. Словарь был издан при финансовой поддержке БГПУ.

Словарь зейского говора эвенков Амурской области, авторами которого являются Б.В. Болдырев, Г.В. Быкова, Г.И. Арламова и Л.К. Сенина, издан также в г. Благовещенске издательством БГПУ в 2010 объемом 435 с. и с приложением [3]. Он содержит 10000 слов, составлен на основе словарных материалов, записанных носительницей зейского говора Сениной Лидией Константиновной. Иллюстративный контекстный материал всесторонне раскрывает семантику и грамматическое функционирование уникального диалектного слова. Словарные материалы дополняют образцы речи эвенков зейского говора и сведения о составителях словаря. Приложение было подготовлено Г.И. Варламовой. Инициатором, автором и координатором проекта по документированию исчезающих говоров эвенков Амурской области является д.филол.н., проф., чл.-корр. РАЕН, директор Научно-методического центра лингвистики и межкультурной коммуникации БГПУ Г.В. Быкова.

Таким образом, за период с 1958 года тунгусоведы Института внесли большой вклад в эвенкийскую диалектную лексикографию и в российскую диалектную лексикографию в целом. Перед нашим сектором стоят еще большие теоретические и практические задачи по развитию, укреплению и распространению эвенкийского литературного языка, разработке различных типов словарей (терминологических, этимологических и др.), создание академической грамматики и др.

Литература

1. Болдырев, Б.В. Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области. Ч. I / Б.В. Болдырев. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2009. – 533 с.
2. Болдырев, Б.В. Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области. Ч. II / Б.В. Болдырев. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. – 236 с.
3. Болдырев, Б.В. Словарь зейского говора эвенков Амурской области / Б.В. Болдырев, Г.В. Быкова, Г.И. Варламова, Л.К. Сенина. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. – 435 с.

4. Мыреева, А.Н. Эвенкийско-русский словарь / А.Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука, 2004. – 798 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т.3).

5. Романова, А.В. Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков / А.В. Романова, А.Н. Мыреева, П.П. Барашков. – Ленинград : Наука, 1975. – 212 с.

6. Романова, А.В. Диалектологический словарь эвенкийского языка: материалы говором эвенков Якутии / А.В. Романова, А.Н. Мыреева; под ред. Г.М. Василевич. – Ленинград : Наука, 1968. – 215 с.

References

1. Boldyrev, B.V. Dictionary Evenki dzheltulakskogo dialect of the Amur region. Part I. – Blagoveshchensk: Publishing House of the BSPU, 2009. – 533 p.

2. Boldyrev, B.V. Dictionary Evenki dzheltulakskogo dialect of the Amur region. Part II. – Blagoveshchensk: Publishing House of the BSPU, 2010. – 236 p.

3. Boldyrev, B.V., Bykov, G.V., Varlamov, G.I., Senin, L.K. Dictionary dialect Zeya Amur Evenks. – Blagoveshchensk: Publishing House of the BSPU, 2010. – 435 с.

4. Myreeva, A.N. Evenki-Russian dictionary. – Novosibirsk: Nauka, 2004. – 798 p. (Monuments of ethnic culture of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East; V.3).

5. Romanov, A.V., Myreeva, A.N., Barashkov, P.P. Interference of the Evenk and Yakut languages. – L.: Nauka, 1975. – 212 p.

6. Romanov, A.V., Myreeva, A.N. Dialectological Dictionary Evenki: materials Evenki dialects of Yakutia / ed. G.M. Vasilevich. – L.: Nauka, 1968. – 215 p.

Варвара Белолубская¹**О ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИИ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ**

ABOUT COLOR TERMS IN EVENKI LANGUAGE

В статье представлены особенности обозначения цветов в эвенском языке. Показаны характерные особенности формирования цветообозначения в связи с культурой у эвенков.

Ключевые слова: эвенкийский язык, духовная, материальная культура, цветообозначение, цветовой спектр, язык, описание, картина мира.

The article presents the particular designation of colors in the Even language. Showing characteristic features of formation of color terms in connection with the culture of the Evenki.

Keywords: Evenki language, spiritual, material culture, color term, the color spectrum, language, description, picture of the world.

«Национальная культурная картина мира первична по отношению к языковой. Она полнее, богаче, глубже, чем соответствующая языковая. Однако именно язык реализует, вербализует национальную культурную картину мира, фиксирует далеко не все, что есть в национальном видении мира, но способен описать все» [2, с.94]. В данной связи отметим, что слова, обозначающие цветовой спектр, ярко передают эстетическое восприятие окружающего мира эвенками. В национальной одежде эвенов художественное орнаментальное украшение всегда отличалось богатой цветовой гаммой и красочностью, т.к. сама природа способствовала созданию цветового образа. В орнаментовке одежды эвенов использовали в качестве основных три цвета – белый, черный, синий, что показывает следующие символы: белый цвет бисера – определяет снег, черный – обозначает цвет земли, а синий олицетворяет небо. В эвенском языке синий и зеленый обозначаются одним словом чулбаня, но с пояснением – орат чулбанян – цвет травы – зеленый, а нянин чулбанян – цвет неба – синий. Исходя из этого, носителю эвенского языка приходится использовать в речи

¹ Белолубская Варвара Григорьевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой северной филологии Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: severfil@mail.ru

Belolubskaya Varvara, Candidate of Philological Sciences, Head of Department, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

выше названные словосочетания, хотя есть имя цвета светло-зеленый – чуруня. Чуруня (эбдэнрэ, ясал, чурит) – светло-зеленый (бисер, глаза, глаза, бисер). Находят место в культурной и реальной картине мира эвенков и ахроматические цвета – черный, белый, серый, а также коричневый. Номинативное значение слова белый показывает цвет снега, белого оленя, зимней куропатки, зимнего песка и т.д. В эвенском языке слово белый обозначают синонимы – гилтаня, небати, дурбаня, милкэрэ. Заметим, что для эвенской субкультуры белый цвет оленя является не только символом красоты, но и показателем божественности, т.к. белый олень для эвена – священное животное. В эвенском языке много слов – синонимов, обозначающих белый цвет, что особенно характерно для наименований масти оленей. Если белый олень называется небати, гилталри, гилтаня оран, то олень-альбинос выделяется именем цвета – кумбарин, чирикэ, гилтаня. А белый олень с темной пестринкой шерсти отмечен словами нарьяма, хилэр; олень с белой отметиной на лбу – тосапу, тосалан, тосапчан. Характерно, что в отношении седых волос можно использовать прилагательные небати, гилталри – белый и слова буруня, буркули, которые образованы от имени существительного бурку, буркула – пороша, первый снег. Благородную седину оймяконские эвены называют словом милкэрэ, например, милкэрэ нюритэлкэн этикэн – седой старик.

В эвенском языке имя цвета черный – хакарин – отмечено также некоторыми особенностями употребления. Черный цвет соответственно оформляется синонимами-прилагательными ялраня, хакарын, негчэне, кемтаня, елуны, ханра, а понятие темнота, тьма – словами хатар, химнэнь; например хатар тугэчин – черная туча, хатар долба – темная ночь. Слово химнэнь обозначает понятие – темнота, мрак, сумрак, мгла. Химнэнь хисэчин – тёмный вечер. Элбэмдулэ хо химнэнь. В чуме очень темно, мрачно. Если прилагательное негчэне используется только в отношении обозначения черного цвета волос, косы, то черная, темная масть оленя выражается другим именем цвета – ханра, например, ханра оран – олень тёмной масти, ханра осал – олений камус тёмного цвета, унта, т.е. почти черного цвета. Кроме того в языке встречаются слова нангата, нянули – черная вязкая масса, что характеризует степень загрязненности чем-либо. Например, нянули ити – грязное черное лицо, нангата ити – лицо, черное от прилипшей грязи. Имя прилагательное ялраня со значением черный, угольно-черный образовано от имени существительного ялра – уголь. Ялраня тэвтэ, ясал, дёл, мо – черные (ягода, глаза, камень, дерево).

Таким образом, язык – не только средство познания мира, способ переработки и передачи информации, но и яркое отражение окружающего мира. Таинство картины мира в философском, поэтическом ощущении заключено, например, в высказывании известного философа древности Аврелия Августина: «Кто объяснит удивительные свойства самого огня, который всё обожженное делает черным, будучи сам светлым? Да и это свойство огня не составляет, так сказать, правила, потому что наоборот, побывавшие в его пламени камни становятся и сами белыми» [1, С. 68]. Действительно, процесс огня (тог) передает не только прямое восприятие цветовой

гаммы, – белый – небати, черный – хакарын, ялраня, красный – хуланя, серый – уты, но и таит в себе глубокие мысли о диалектике жизненных явлений – светлый (нэрин), темный (химнэн), пламя (нулун), зола (хултэн), камень (дёл), и т.д. В эвенском языке для описания огня, пламени, искры, горящего угля, характерно использование прилагательного хутаты, хутаня, хотя нередко встречается и хуланя. Данные прилагательные обозначают красный цвет, но слова – хутаня, хутаты вносят дополнительный смысл – искрящийся.

Литература

1. Августин, А. / Цит. по Таранов П.С. Философия изнутри: 70 мудрецов, философов, мыслителей от Соломона до Шопенгауэра / А. Августин. – Москва : Остожье, 1996. – 309 с.
2. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – Москва : Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.

References

1. Augustine, A. / Op. by Taranov P.S. Philosophy inside: 70 sages, philosophers, thinkers from Schopenhauer to Solomon. – Moscow : Ostozhye, 1996. – 309 p.
2. Ter-Minasova, S.G. Language and Intercultural Communication – Moscow : MGU, 2004. – 352 p.

Для заметок

Информационно-научное издание

АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки

Распространяется бесплатно

№ 3(6)

2015

Главный редактор

М.Ю. Присяжный

Учредитель

ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова»

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка *О. К. Соловьева*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 29.12.2015. Дата выхода 29.12.2015.
Формат 70x100/16. Печать цифровая. Печ. л. 6,8. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 30 экз. Заказ № 58.
Издательский дом Северо-Восточного федерального университета
Адрес типографии: 677891, г. Якутск, ул. Петровского, 5.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-54131 от 17 мая 2013 г.
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций